

Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

И. Ф. Кефели   Д. И. Кузнецов

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Санкт-Петербург
2018

ББК 66.4(о):63.3:87

К37

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор *Л. Г. Ивашов*
Доктор философских наук, профессор *В. И. Стрельченко*

Кефели И. Ф. Евразийский вектор глобальной геополитики / И. Ф. Кефели, Д. И. Кузнецов. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2018. – 277 с.

Евразийский вектор глобальной геополитики ориентирует исследователей на осмысление содержания процесса смены геополитических эпох – от традиционной Большой Европы к Большой Евразии. Философия геополитики, как раздел политической философии, охватывает мировоззренческие и методологические основания глобальной (цивилизационной) геополитики. Смена геополитических эпох определила исторический ракурс геополитики как объективно разворачивающейся глобальной истории. Авторы особое внимание уделили анализу истоков, содержания евразийской геополитики и геополитических контуров Евразийского экономического союза, а также перспективам осуществления проекта «Большая Евразия».

Книга рекомендуется работникам органов государственного управления, сферы науки и образования, студентам, обучающимся по направлениям и специальностям «География», «Международные отношения», «Политология», «Регионоведение», «Социология», «Философия», и аспирантам, изучающим дисциплину «История и философия науки и техники».

© Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И., 2018

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

ISBN 978-5-7422-5916-9

doi:10.18720/SPBPU/2/id17-1

Igor F. Kefeli, Dmitry I. Kuznetsov

EURASIAN VECTOR GLOBAL GEOPOLITICS

Reviewed by:

Leonid G. Ivashov, doctor of historical sciences, Professor
Vasiliy I. Strelchenko, doctor of philosophical sciences, Professor

Igor F. Kefeli, Dmitry I. Kuznetsov. Eurasian vector global geopolitics. – St. Petersburg: Polytechnic University, 2017. – 277 c.

Eurasian vector global geopolitics directs researchers to understand the content of the process changing geopolitical epochs – from traditional Big Europe to Great Eurasia. Philosophy of geopolitics, as a section of political philosophy, philosophical and methodological grounds covers global (civilization) geopolitics. Changing geopolitical epochs identified the historical perspective of geopolitics as objectively unfolding global history. The authors have given special attention to analysis of the origins and content of Eurasian geopolitics and geopolitical contours of Eurasian Economic Union, as well as the prospects for the implementation of the project «Great Eurasia».

The book is recommended for employees of the public administration in the sphere of education and science, students on majors and concentrations «geography», «international relations», «politics», «regional studies», «sociology», «philosophy» and postgraduate students studying discipline «history and philosophy of science and technology».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Глава I. Теоретический статус философии геополитики	16
§ 1. От классической к глобальной геополитике	16
§ 2. Геополитический стиль мышления	28
§ 3. Научные программы геополитики	46
<i>Органицистская программа</i>	49
<i>Программа мирового пространства</i>	51
<i>Цивилизационная программа</i>	59
§ 4. Диалектика геополитики и хронополитики	72
§ 5. Геополитические концепции эпохи холодной войны	76
Глава II. Геополитические эпохи глобальной истории	88
§ 1. Понятие глобальной истории в геополитическом дискурсе	88
§ 2. Вестфальская геополитическая эпоха	91
§ 3. Венская геополитическая эпоха	98
§ 4. Версальско-Вашингтонская геополитическая эпоха	108
§ 5. Ялтинско-Потсдамская геополитическая эпоха	110
§ 6. Беловежская геополитическая эпоха. Что же дальше?	119
Глава III. Истоки и содержание евразийской геополитики	124
§ 1. Идейные и теоретические вехи протоевразийства	124
§ 2. Н. С. Трубецкой: «Мы объединились на некотором общем настроении и “мироощущении”	141
§ 3. П. Н. Савицкий: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года»	145
§ 4. Г. В. Вернадский: «Есть только одна Россия “евразийская“, или Россия—Евразия»	151
§ 5. Л. Н. Гумилев: «Если России суждено возродиться, то только через евразийство»	155

<i>Глава IV. Геополитические контуры Евразийского Союза</i>	167
§ 1. «Война и мир» между геополитическими акторами Евразии.....	167
§ 2. Европейский союз и Евразийский Экономический Союз – союзники или?	179
§ 3. ЕАЭС, ШОС и БРИКС – императивы взаимодействия	182
§ 4. Евразийский Союз на волнах Кондратьевских циклов.....	189
§ 5. Геополитический статус ЕАЭС как начального этапа формирования Евразийского Союза	198
 <i>Глава V. «Большая Евразия» – проект создания устойчивого полицентричного мира</i>	223
§ 1. Западный фланг Большой Евразии – Восточный фронт НАТО.....	224
§ 2. Черноморско-Каспийский регион – новые геополитические тренды	230
§ 3. Геополитическое пространство Русского мира и перспективы евразийской интеграции	234
§ 4. Директива 20/1 СНБ США от 18.08.1948: современное прочтение	239
§ 5. Геополитическая диалектика взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП в контексте проекта «Большая Евразия».....	242

CONTENTS

Introduction	9
Chapter I. Theoretical status of philosophy of geopolitics	16
§ 1. From classical to global geopolitics	16
§ 2. Geopolitical thinking style.....	28
§ 3. Scientific programs of geopolitics	46
<i>Organicizm program</i>	49
<i>World space program</i>	51
<i>Civilizational program</i>	59
§ 4. The dialectics of geopolitics and hronopolitics	72
§ 5. The geopolitical concept of the cold war era.....	76
Chapter II. Geopolitical era of global history.....	88
§ 1. The notion of global history in geopolitical discourse	88
§ 2. Westfalen geopolitical era	91
§ 3. Vienna geopolitical era	98
§ 4. Versailles-Washington geopolitical era	108
§ 5. Yalta-Potsdam geopolitical era	110
§ 6. Belovezhskaya geopolitical era. What's next?.....	119
Chapter III. Origins and ideological content of the Eurasian geopolitics ..	124
§ 1. Ideological and theoretical milestone protoeurasianism	124
§ 2. Nikolay S. Trubeckoj: «We teamed up on some general mood and "atitude"»	141
§ 3. Peter N. Savitsky: "Eurasianism have ideological movement around 1921 year».....	145
§ 4. George V. Vernadsky: "There is only one Russia – "Eurasian", or Russia-Eurasia».....	151
§ 5. Lev N. Gumilev: "If Russia is destined, to resurface only through Eurasianism"	155

<i>Chapter IV. The geopolitical contours of the Eurasian Economic Union ...</i>	167
§ 1. "War and peace" between geopolitical actors in Eurasia	167
§ 2. The European Union and the Eurasian Union – allies or?	179
§ 3. EAEU, SCO and BRICS – interaction imperatives	182
§ 4. Eurasian Union on the waves of Kondratiev's cycles.....	189
§ 5. The geopolitical status of the EAEU and the Eurasian Union ..	198
<i>Chapter V. The Great Eurasia – a project for the establishment of sustainable polycentric world.....</i>	223
§ 1. The Western flank of Great Eurasia - NATO Eastern Front	224
§ 2. The Black Sea-Caspian region - new geopolitical trends	230
§ 3. The geopolitical position of the Russian World and the prospects for Eurasian integration	234
§ 4. NSC 20/1 U.S. of August 1948: modern insight	239
§ 5. The geopolitical dialectics of the interaction between the EAEC and the EPS in the context of the «Great Eurasia» project	242

ВВЕДЕНИЕ

В 1834 г. великий французский ученый, основатель электродинамики Анри Ампер (в свое время его называли «Ньютоном электричества») опубликовал первую часть своего труда «Опыт о философии наук, или Аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний». В нем он подразделял все науки на две основные группы — науки *космологические*, изучающие все материальные предметы, из коих состоит Вселенная, и *ноологические*, касающиеся человеческой мысли и человеческих обществ.

А. Амперетт.

Эти группы наук Ампер назвал царствами, которые далее подразделял, соответственно, на два подцарства (4), последние — на два ответвления (8), подответвления (16), науки первого порядка (32), науки второго порядка (64) и науки третьего порядка (128). Привлекательно то, что Ампер в своей классификации наук назвал новую политическую науку *кибернетикой*: «политика в собственном смысле есть само искусство управлять и избирать в каждом случае то, что можно и что должно сделать, наука государственных людей». Одним из подцарств ноологических наук Ампер определил общественные науки, ответвлением которых выступают как раз политические науки (наряду с этнологическими). Далее, в составе политических наук он выделяет науки первого порядка: общественная экономия, военное искусство, номология (правоведение), политика. Наконец, в политике французский мыслитель в качестве науки второго порядка называет политику в собственном смысле, которая охватывает кибернетику и теорию власти (науки третьего порядка). Во второй части своего труда (опубликованной в 1843 г., уже после смерти ученого) Ампер определяет кибернетику как

искусство управления вообще, точнее, управления отношениями между народами. Теория власти нацелена на изучение круга вопросов, касающихся причин революций, происхождения власти, управления народами и т. п. Роль кибернетики в политике аналогична роли стратегии в военном искусстве, но стратегия в политике нацелена на сохранение мира между народами [1].

Политические науки успешно развивались и далее, образовав к настоящему времени достаточно сложную структуру и весьма разнообразное функциональное назначение. Упоминание же Ампера продиктовано тем, что он одним из первых попытался перевести политику на рельсы научного, систематического изучения и придать ей самой по себе научную строгость. Более того, политика интерпретируется Ампером как наука и искусство управления отношениями между народами и государствами, того управления, которое нацелено на сохранение мира и установление мирового порядка в интересах всех стран и народов.

У читателя может невольно возникнуть вопрос: какое отношение к философии геополитики имеют эти историко-научные штудии? На наш взгляд, самое непосредственное. Современная геополитика, будучи одним из ключевых элементов системы политических наук, претерпевает существенные трансформации, что связано с переходом от классической к глобальной фазе ее развития. Подробнее об этом речь пойдет дальше, но здесь стоит отметить, что именно эта трансформация выдвигает на первый план необходимость философского осмысления геополитического знания, содержания и характера, отношений между различными акторами мировой политики, геостратегии и управления глобальными (природными и социальными) процессами. Классификация наук Ампера не предусматривала наличие наук, изучающих взаимосвязи естественного и социального, ввиду изначального подразделения всех наук на космологические (естественные) и ноологические (социальные, философские и ноотехнические) науки. Однако сама методология классификации может служить ориентиром для установления междисциплинарных связей между кибернетикой и теорией информации (в современном их понимании),

психологией и геополитикой в той области знания, которая получила название информационной (виртуальной) геополитики. Достижения последней в геостратегии обретают формы информационно-психологической войны.

Современная геополитика взывает к философской рефлексии еще и потому, что она, в отличие от классической геополитики, получает импульсы к своему дальнейшему развитию во взаимодействии с теорией международных отношений, международным правом, культурологией, политологией. Объектом геополитики становится все мировое сообщество, а акторами мировой политики, помимо государств, — различные негосударственные и надгосударственные социальные образования: транснациональные корпорации, неправительственные и межправительственные организации, геоцивилизации. По мнению Э. Г. Соловьева, современная геополитика тяготеет к трансформации в «разновидность политической философии (если угодно, философии международных отношений или философии внешней политики)...» [2]. Мы не стали бы так категорично заявлять о геополитике самой по себе как разновидности политической философии. Притязания на философский позитивизм были характерны и в прошлом, когда наступало бурное развитие астрофизики, ядерной физики, генетики, кибернетики, претендовавших (в лице некоторых их создателей) на решение сугубо философских проблем. Однако потребность в философском осмыслении геополитического знания, разнородного по своей природе (здесь и географическая аксиоматика, и этнологические исследования, и политический дискурс, и военно-политическая стратегия, и историософские реминисценции), становится актуальной как никогда прежде.

В той же мере, в какой политическая философия выступает мировоззренческой и методологической основой политической науки, философия геополитики предстает таковой по отношению к геополитике как позитивному знанию и теоретической основе геοэкономики и геостратегии. Ключевыми для политической философии являются вопросы о сущности государства и власти. В контексте философии геополитики поиск решения этих

вопросов обретает направленность на выявление сущности межгосударственных и властных отношений (в пространстве не только политическом, но и географическом, социокультурном, геоэкономическом, виртуальном). Д. Н. Замятин, разрабатывая учение о географических образах как устойчивых пространственных представлениях и моделях географического пространства, вполне обоснованно, на наш взгляд, экстраполирует это учение на интерпретацию пространства геополитического, геоэкономического, геокультурного, каждое из которых предстает как разновидность географического пространства, преобразованного соответствующим видом человеческой деятельности [3]. Такой ход мысли еще раз подтверждает необходимость систематизации категориального аппарата геополитики, ее языка и принципов исследования, что определяет направленность построения философии геополитики.

Следует обратить внимание еще вот на что. На протяжении своей истории геополитика основывалась на принципе географического детерминизма и методологии политической географии, развивалась относительно автономно в рамках политических наук. По крайней мере первоначально теоретические построения основателей геополитики строились на достаточно ограниченном понятийном аппарате – *пространство, государство, сила*. Все многообразие межгосударственных отношений в геополитическом ключе интерпретировалось следующими суждениями:

1) государство есть пространственный феномен, подобный живому организму; отсюда и соответствующие образы: дерево (Ф. Ратцель), рука человека (Р. Челлен), анаконда (А. Мэхэн);

2) функция государства – силовой контроль над пространством;

3) геостратегия государства – установление прямого силового контроля (военного и политического) над пространством. Классическая геополитика зародилась как теоретическая система, соответствующая устройству Вестфальского мира, основными политическими акторами которого были суверенные государства.

К концу XX в. мир изменился коренным образом, поскольку, наряду с государствами, политическими акторами стали выступать,

как отмечалось выше, также негосударственные и межгосударственные организации, транснациональные корпорации, гецивилизации. Взаимодействие политических акторов порождает ряд проблем, требующих совместного решения на основе политической философии, а также норм международного права и международных отношений. Речь идет, во-первых, об ответственности различных акторов за их действия на международной арене, т. к. они могут идти вразрез с национальными интересами. Это могут быть акторы, ставящие перед собой деструктивные цели (международные террористические организации или же тайные международные общества типа «Комитета 300»). Во-вторых, деятельность многочисленных и разнородных акторов, возникших во второй половине XX в., порождает ситуацию неопределенности, размытости политической карты мира, непредсказуемости действий этих акторов. В-третьих, нарушается соподчиненность и согласованность действий акторов в рамках одного государства или региона. В-четвертых, политическая карта мира представлена гецивилизациями, которые объединяют государства по исторически сложившимся этническим, конфессиональным, хозяйственным, пространственным параметрам. Однако нормы международного права не регулируют отношения между гецивилизациями. Пока же мы знаем лишь тот тип отношений между ними, который С. Хантингтон определил как «столкновение цивилизаций». Все это является показателем фундаментальных подвижек в Вестфальской системе мира и необходимости определения контуров новой системы мира совместными усилиями исследователей в области теории мировой политики, международного права и геополитики.

Философские штудии, оформляющие геополитические знания в стройную систему, разумеется, важны и интересны не только сами по себе, но и применительно к осмыслению глобальных процессов в мировой политике. На наших глазах происходит размежевание глобального геополитического пространства на два полюса. Один, «атлантический», объединяющий США и Европу, олицетворяет тот самый «золотой миллиард», который претендует

на единоличное управление (в первую очередь, со стороны США) всеми мировыми процессами. Второй — «тихоокеанский», основными генераторами которого являются Япония и Китай. Причем Япония относится к числу стран «золотого миллиарда», но геополитически является неотъемлемым звеном «тихоокеанского» полюса. В свою очередь, Китай интенсивно расширяет зону своего континентального и морского влияния (включая Центральную Азию, Австралию и Латинскую Америку), приступив к реализации проекта Великого шелкового пути. В настоящее время этот проект совмещается с перспективами становления Евразийского экономического союза. Более того, страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) готовят соглашение об экономическом континентальном партнерстве, подразумевающем и зону свободной торговли. Инициатива ШОС и ЕАЭС представляет собой не только ответ на крупнейшие экономические проекты США — Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), которые явно направлены против Китая и России, но и закономерный этап развития сотрудничества на евразийском пространстве. Такое соглашение ШОС и ЕАЭС, подписание которого ожидается осенью 2016 г., может стать самым амбициозным в мире [4].

Поэтому на ближайшие годы можно считать, что основным содержанием мировой политики будет нарастание конфликтного потенциала между этими двумя глобальными центрами силы. Как здесь ни вспомнить один из законов диалектики, согласно которому источником развития является борьба противоположных тенденций, сторон развития. Но нельзя забывать, что если источником развития выступает борьба противоположностей, то условием сохранения целостности выступает единство этих противоположностей. В этой складывающейся по-новому геополитической структуре мира предстоит выработать коды и исламскому миру, и Латинской Америке, и Африке, и Индии, и России. Выходит, что формирование геополитических кодов в современной мировой политике — это удел не только тех или иных держав, но и целых геочивилизаций. Отсюда урок для России и

Евразийского экономического союза (ЕАЭС) может быть представлен как установка на сохранение своего самостоятельного пути в мировой истории – не склоняясь ни в сторону Запада, ни в сторону Востока. Сама по себе полицентричность мира (которую утверждали отечественные геополитики и о которой впервые в рамках политического дискурса заявил на Мюнхенской конференции еще в феврале 2007 г. российский Президент В. В. Путин) объективно предполагает сохранение государств – ядер этих полюсов. Более того, ключевыми звеньями полицентричного мира становятся коалиции государств. На евразийском континенте таковыми выступают ЕАЭС, ШОС, БРИКС. Геополитический проект дальнейшего развития России в полицентричном мире, как справедливо отмечает Л. Г. Ивашов, видится в следующих основных направлениях: возрождение традиционных духовно-нравственных ценностей и применение перспективных моделей державного строительства, активное участие в развитии ЕАЭС и ОДКБ, расширение круга участников и сфер деятельности ШОС, полномасштабная реализация проекта БРИКС [5]. Этот круг вопросов будет рассмотрен с целью выявления мировоззренческих и методологических основ современной геополитики, позволяющих увидеть новые горизонты глобального мира.

Примечания

1. «Essais sur la philosophie des Sciences», 2 т., 1834–43; См. подробнее: Поваров Г. Н. Ампер и кибернетика. М.: Сов. радио, 1977. С. 21, 32–34, 41.

2. Соловьев Э. Г. Геополитика как профессия и как научная дисциплина: направления эволюции геополитической мысли современной России // Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М., 2005. С. 278; *Он же*. Национальные интересы и основные политические силы современной России. М., 2004. Гл. 5.

3. См.: Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004.

4. [Электронный ресурс] URL: <http://ytro.ru/articles/2016/03/04/1273289.shtml> (дата обращения: 04.03.2016).

5. Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 774–776.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС ФИЛОСОФИИ ГЕОПОЛИТИКИ

---

§ 1. От классической к глобальной геополитике

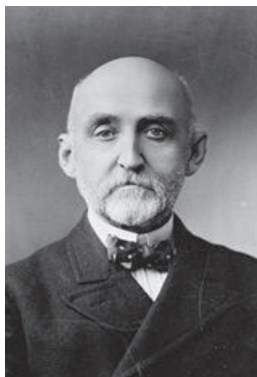
Особенностью развития современного теоретического знания в гуманитарной сфере является возникновение новых областей знания на стыке нескольких сложившихся научных направлений. Так, еще на рубеже XIX–XX вв. геополитика зарождалась как одно из направлений политической географии (Ф. Ратцель, Х. Макин-дер) или же в качестве раздела политологии (Р. Челлен).

*«Государство является живым организмом,
укорененным в почве»*

Ф. Ратцель

Фридрих Ратцель
(1844–1904)

*«Кто владеет морем – владеет сушей
и всеми ее богатствами»*

А. Мэхэн

Альфред Мэхэн
(1840–1914)

Мировоззренческим основанием новой науки выступила «философия жизни» (В. Дильтей, Г. Риккерт), в соответствии с которой «государство является живым организмом, укорененным в почве» (Ф. Ратцель). Спустя столетие *классическая геополитика* трансформируется в *глобальную геополитику* (ее еще называют цивилизационной геополитикой), опирающуюся на значительно большее число отраслей научного знания. К тому же мировоззренческие и методологические основы глобальная геополитика заимствует из политической и социальной философии, философии культуры. В равной степени это касается расширения понятийного аппарата и разнообразия геополитических концепций. Помимо традиционных понятий *территории, Суши, Моря, нома-са, географической оси истории, почвы, пространства, границы* в содержание современного геополитического дискурса включаются новые понятия, например: *геоцивилизация, глобализация, геополитический код, геополитическая эпоха, историко-культурная зона, виртуальное пространство, лимитроф и др.*

По каким направлениям происходила трансформация классической геополитики в глобальную? Во-первых, это было связано с изменением содержания и направленности геополитических концепций. Во-вторых, с расширением круга акторов геополитических процессов в мире. В-третьих, на становление глобальной геополитики огромное влияние оказали цивилизационные детерминанты: культурная история, цивилизационная и этническая ментальность, принадлежность к историко-культурным зонам. Справедливости ради стоит отметить, что концепции классической геополитики сами по себе послужили теоретическими истоками глобального историзма. К настоящему времени оформился предмет глобальной истории, а именно – «закономерности существования устойчивых в долговременной исторической перспективе культурно-хозяйственных связей между различными народами, закономерности становления социальной мироцелостности» [1]. Характеризуя далее предмет глобальной истории, следует дополнить, что в ракурсе исследований «долговременной исторической перспективы» получила теоретическое оформление социальная синергетика, изучающая нелинейные процессы и

эффекты. Рассмотрим это подробнее. Для классической геополитики направленность концепций была связана с обоснованием роли и цели государства в геополитическом противоборстве и в связи с этим с анализом природы государства и его функционирования в политическом пространстве.

Так, в 1928 г. К. Хаусхофер, Э. Обст, О. Мауль и Г. Лаутензах во вступительной статье к сборнику «Основы построения геополитики» («Bausteine zur Geopolitik») определили программу геополитики следующим образом:

«1. Геополитика есть учение о зависимости политических событий от земли.

2. Она опирается на широкий фундамент географии, в особенности политической географии как учения о политических пространственных организмах и их структуре.

3. Постигаемая географией сущность земных пространств дает геополитике те рамки, внутри которых должен совершаться ход политических событий, для того чтобы им был обеспечен длительный успех. Носители политической жизни будут, разумеется, временами выходить за эти рамки, однако раньше или позже зависимость от земли непременно даст о себе знать.

4. В духе такого понимания геополитика стремится дать оружие для политического действия и сделаться путеводительницей политической жизни.

5. Тем самым геополитика становится нормативной наукой, способной вести практическую политику до того пункта, где необходимо оторваться от твердой почвы. Только так может совершиться скачок от знания к умению, а не от незнания; в последнем случае он, безусловно, больше и опаснее.

6. Геополитика стремится и должна стать географической совестью государства» [2].

Ф. Ратцель, один из основателей геополитики, в работе «О законах пространственного роста государств» (1901) формулирует семь законов, один из которых определяет зависимость роста государств от роста культуры, а другой выявляет причину экспансии в разнице культур соседних государств. Иначе говоря, в основах геополитической мысли изначально присутствовала цивилизационная

парадигма, которая обрела в полном объеме свою методологическую значимость в глобальной геополитике. В то время, на рубеже XIX–XX вв., государство представляло собой исключительный актор международных отношений, порожденный Вестфальской системой мира. В настоящее время многие авторы заявляют об эрозии Вестфальской системы, объясняя это тем, что, наряду с государствами, акторами выступают негосударственные образования – межправительственные организации, транснациональные корпорации, геоцивилизации, которым от государства транслируется ряд геополитических функций. У Ратцеля государство предстает организмом, «в составе которого известная часть земной поверхности играет настолько существенную роль, что все свойства государства определяются свойствами народа и его территории» [2]. Столь же категоричным в интерпретации государства как исключительного актора международных отношений был другой основатель геополитики – Р. Челлен.

Он выделял пять сторон жизни государства – географическое пространство, народ, хозяйство, общество, управление, и назвал геополитикой тот раздел политической науки, или государственоведения, который изучает географические факторы существования и развития государства. Ориентация геополитических концепций на выявление роли государства в современной, глобальной геополитике

«Геополитика в особенной своей части благодаря анализу прежде всего таких атрибутов страны, как пространство, форма и протяженность, может служить выражением такой категории, как политическая необходимость»

«... От нашей науки эпоха требует осознания действительности, а не построения какой-нибудь логической конструкции»

Р. Челлен. Государство как форма жизни

Рудольф Челлен
(1864–1922)

связана с анализом полярности мира (одно-, би- или многополярности) в исторической динамике и выяснением вопроса о том, какая держава или блок держав будут у руля глобального управления.

Иная направленность геополитического анализа была задана Х. Макиндером. Это проблема больших пространств, территорий и мирового лидерства над ними. Государство предстает как часть мирового организма, внутри которого появляются претенденты на мировое лидерство, в первую очередь в Евразии. Причем у британского геополитика речь шла о большом пространстве не в географическом, а в политическом смысле. «Баланс геополитического могущества, — заявлял он, — в каждый конкретный момент является, безусловно, с одной стороны, результатом географических, также экономических и стратегических условий, а с другой — относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов» [3].

Так, на протяжении столетия геополитическая мысль эволюционировала от органицистского видения государства, возвращенного географической средой и выступающего в качестве единственного актора геополитического противоборства на международной арене, до признания множественности политических акторов, ключевую роль среди которых начинают занимать геоцивилизации. В связи со сказанным вряд ли можно признать конструктивной точку зрения С. Б. Переслегина, который предлагает выделять в современном глобализированном мире четыре основные цивилизации — Запад, Восток, Юг и Север (русская цивилизация) [4]. Рисуемая таким образом крупными мазками геополитическая карта современного мира вряд ли может выступить конструктивным основанием для глобального политического прогнозирования и управления. Более того, на подобной карте предельно упрощается реальный расклад геополитических сил в утверждающемся многополярном мире.

Глобальная геополитика обретает свои контуры в принципиально новом социокультурном пространстве. Дело в том, что классическая геополитика возникла и получила первоначальное развитие как силовая геополитика, которая исповедовала тезис

К. Клаузевица о войне как продолжении политических отношений и проведении их иными средствами. Таковой геополитика оставалась и на протяжении холодной войны, которая была инициирована речью У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. и, как ответ на вызов, официальной военной стратегией СССР (на Западе ее называли доктриной Соколовского). В последней, в частности, отмечалось, что «по своей политической, социальной сущности новая мировая война будет решающим вооруженным столкновением двух противоположных мировых социальных систем» [5]. На протяжении десяти послевоенных лет развивалась первоначальная фаза противостояния сверхдержав. Необходимо отметить, что военная стратегия, опирающаяся на ядерное оружие, постепенно обрела политическое выражение в концепции мирного сосуществования. Силовая геополитика явилась вместе с тем продуктом прометеевской культуры, получившей развитие и освятившей в своих духовных интенциях индустриальную эпоху. Человек – покоритель природы, всячески исхитряющийся черпать ее ресурсы и аналогично относящийся к социальному миру, что нашло выражение в силовой геополитике.

К середине XX в. потенциал прометеевской культуры заметно стал угасать. Человечество столкнулось с глобальными проблемами (в первую очередь это была необходимость предотвращения термоядерной войны, разумного использования природных ресурсов и охраны окружающей среды). Рецепты для их решения давала научно-техническая революция. Она же ознаменовала переход от индустриальной к постиндустриальной эпохе. Тогда же стала формироваться новая социокультурная парадигма. Место прометеевской культуры все более заметно, хотя еще далеко не в полном объеме, стала занимать новая культура, ориентирующая человека на выживание в глобальном мире – природном и социальном. Исходя из этих рассуждений, следует утверждать, что вектор социокультурной динамики должен быть направлен на утверждение «новой культуры мира», которая основана на признании многообразия гецивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, а также на отказе от логики

конфронтации и на утверждении логики компромисса и сотрудничества. В методологическом плане анализ социокультурной динамики создания «новой культуры мира» целесообразно осуществлять на базе цивилизационного, формационного и геополитического подходов [6]. Причем объединяющим началом здесь выступает общий предмет исследования — *геополитическая эпоха* как конкретно-историческая форма проявления политического пространства и времени.

Императивами новой социокультурной парадигмы выступают:

1. *Постмодерн* как ревизия философских основ модернизма и *постмодернизм* как пересмотр, переоценка мира искусства модернизма — в духовной жизни. Достаточно четко, на наш взгляд, пограничную ситуацию между модерном и постмодерном обозначил П. Козловски. Задаваясь вопросом, «какие признаки свидетельствуют в пользу того, что мы живем в момент всемирно-исторической смены эпох — модерна постмодерном...», он дает вполне корректный ответ: «Спор модерна и постмодерна идет не столько о констатации факта, сколько о решении вопроса, обрел ли проект модерна *свое завершение* или, ввиду более важных перспектив, от его полного осуществления можно отказаться» [7]. Иначе говоря, определение границ между культурными эпохами — это задача выявления конкретного содержания и направления геополитического времени, которое детерминируется константами *цивилизационного времени*. В равной степени мы должны включить в структуру наших исследований представления о *цивилизационном пространстве* (это и историко-культурные зоны, и ойкумены, и метрополии, и колонии и т. д.), которое в сфере взаимодействия политических акторов обретает контуры и параметры *геополитического пространства*.

2. *Стратегия устойчивого развития* — во взаимоотношениях общества и природы. Стратегия устойчивого развития, как известно, была впервые представлена в качестве рабочего документа для конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая проходила в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В документах, предваряющих работу этой конференции, устойчивое развитие понималось как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений

удовлетворять свои собственные потребности» [8]. Для осуществления подобной связи настоящего и будущего необходимы новые методы мышления, новые моральные и ценностные критерии оценки взаимоотношения общества и природы. В данном случае смысл философских рассуждений по поводу становления глобальной геополитики заключается в выявлении характера детерминации геостратегии и полярной структуры мира закономерностями развития и функционирования биосферы. Стратегия устойчивого развития и новая парадигма культуры как способа выживания в окружающей среде выступают императивами построения мировой политики и глобального управления.

3. *Глобальная геополитика* – в сфере мировой политики. Надо сказать, что с самого начала глобальных исследований в отечественной науке прослеживалось четкое понимание цивилизационного развития в единстве решения социокультурных, экономических и политических задач. Это отмечал в свое время академик Н. Н. Иноземцев. История мировой цивилизации в контексте глобальных исследований, по его мнению, стала рассматриваться как «история решения, с одной стороны, проблем взаимоотношения человека с природой, с окружающим его миром, и с другой – проблем развития самого человека как личности, социально-экономического, политического, культурного прогресса общества, а также проблем отношения между государствами и народами» [9]. В начале XXI в., когда в число акторов мировой политики стали включаться гецивилизации, мировая политика и глобальное управление должны менять свое содержание и назначение: *создание единого цивилизационного пространства, объединяющего гецивилизации*. Глобальная геополитика, в онтологическом плане, становится при этом одним из основных средств переустройства мира, идейным основанием чего выступает философия геополитики.

Философия геополитики – это сравнительно новая область политической философии. Теоретический статус философии геополитики в недрах политической философии стал определяться в последнее десятилетие. Пожалуй, достаточно явной предпосылкой философской рефлексии геополитических реалий стала

концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Ключевым явился тезис Хантингтона о том, что водораздел основного конфликта между цивилизациями находится в сфере культуры, а не экономики либо идеологии. Признание социокультурной доминанты в межцивилизационных отношениях дало толчок, с одной стороны, отходу от доктрин классической геополитики (географический детерминизм, механистическое противопоставление Суши и Моря, военно-политическое противостояние стран и блоков), а с другой — утверждению новых акторов на мировой политической сцене, в т. ч. геочивилизаций. Вместе с тем в контекст современных геополитических исследований довольно активно включаются идеи Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах, «человеческая география» П. Видаль де ла Блаша, евразийская геополитика П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского, концепция пассионарности Л. Н. Гумилева и др. Ренессанс геополитической мысли, в частности в нашей стране, чему во многом содействовал Гумилев, получил воплощение в геополитике с «человеческим лицом». А это говорит о том, что геополитика, некогда оперировавшая понятиями пространства, территории, силы, национального интереса, обратилась и к человеку, осознающему себя геополитической силой, действующим лицом геополитических процессов.

В столь существенных изменениях социогуманитарного знания находит выражение динамика геополитических процессов, определяемая цивилизационными, социокультурными и экономическими факторами. Динамика геополитических процессов получает выражение в смене полюсов силы (вариации многополярного, биполярного и однополярного миров), что, в свою очередь, обусловлено культурным генофондом, цивилизационной принадлежностью больших и малых государств. А раз речь заходит о динамике геополитических процессов, то философия геополитики получает обоснование в социокультурной методологии, в т. ч. в глобальной истории, одним из направлений которой является историческая геополитика. Иначе говоря, история и философия геополитики предстает как новая отрасль теоретического знания, объектом которой выступает диалектика

временных и пространственных изменений в жизнедеятельности гецивилизаций.

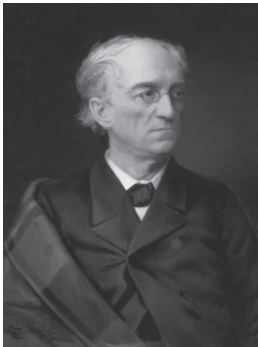
Насыщение геополитической аналитики философской рефлексией продиктовано потребностью выявления места и роли человека в глобальных геополитических процессах. Человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов. В пространстве глобальной геополитики человек — это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли. В глобальной геополитике гуманизм оборачивается к вопрошающему мыслителю новой гранью — это уже не прометеевский гуманизм покорителя природы, а глобальный гуманизм устроителя единого дома на Земле.

Геополитика обрела свое действующее лицо — человека, принадлежащего к той или иной цивилизации, привязанного к определенной историко-культурной зоне, веками пестующей образ жизни и образ мысли. Современные гецивилизации характеризуются множеством параметров экономического, социокультурного, этноконфессионального порядка. И уже в силу этого философия геополитики имеет право на свое место в системе философского знания. Более того, такое заявление может быть аргументировано тем, что сама геополитика в последние два десятилетия вошла в новую фазу своего развития — фазу *глобальной геополитики*.

В данном контексте по-новому прослеживаются философско-методологические и теоретические основы геополитики. В частности, речь идет о географическом детерминизме как методологической основе классической геополитики, а философия геополитики предстает как направление политической философии, которое выявляет бытие политического в контексте социокультурной динамики. Особое внимание следует уделять сравнительному анализу современных геополитических школ и идей, которые, отталкиваясь от классических представлений, выражают новые социальные реалии, тенденции развития и цивилизационную память. Это касается, в частности, региональной и цивилизационной геополитики. Примером тому могут служить

исследования Азиатской России в геополитической и цивилизационной динамике на протяжении последних пяти веков.

Философия геополитики в русском варианте включает такие импульсы развития, как естественнонаучная мысль К. И. Арсеньева, Л. И. Мечникова, В. И. Ламанского, Д. И. Менделеева, В. П. Семенова-Тян-Шанского и др., историсофские идеи Ф. И. Тютчева и Н. Я. Данилевского, историцизм С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, евразийская геополитика П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилева. Подобный вариант геополитики в большей степени опирался на культурологическую мысль, нежели на политологическую.

Федор Иванович
Тютчев (1803–1873)

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить»*

Ф.И. Тютчев 28 ноября 1866

«В политическом отношении местоположение России единственное в свете; ни одно государство не имеет такого непосредственного влияния на твердую землю. Сопредельная или соседственная важнейшим державам Европы и Азии Россия по этому одному должна иметь политические отношения ко всем и сильно действовать на судьбу многих народов»

К. И. Арсеньев

Константин Иванович
Арсеньев (1789–1865)

«Если есть Азия русская, если она, в отличие от собственно нерусской Азии, должна быть отнесена к особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при “русской Азии” или “азиатской России” есть еще “русская Европа” или “Россия европейская”»

В. И. Ламанский

Владимир Иванович
Ламанский (1833–1914)

– Закончится «величественная драма кровавого шествия человечества по пути прогресса»;
– наступит период «преобладания свободных союзов и групп, возникающих в силу свободного договора и объединяющих отдельных людей в силу общности интересов, личных склонностей и сознательного стремления к солидарности»

Л. И. Мечников

Лев Ильич Мечников
(1838–1888)

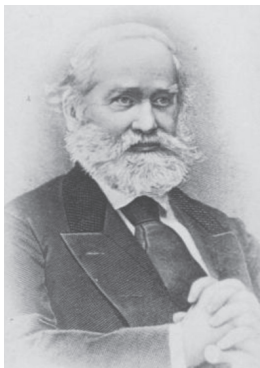

«Между тем, как каждое из европейских государств в том или ином случае извлекает известную пользу от системы равновесия, на Россию оно никакого полезного влияния не оказывает и оказывать не может... Полезная для Европы система политического равновесия не только совершенно бесполезна для России, но и еще его нарушение чьим бы то ни было преобладанием (столь вредное для европейских государств) для России совершенно безвредно»

Н. Я. Данилевский

Николай Яковлевич Данилевский
(1822–1885)

«Континентальное государство, так дурно защищенное природой, было вынуждено вести активную внешнюю политику и поддерживать свои внутренние силы в состоянии постоянной боеготовности»

С. М. Соловьев

Сергей Михайлович Соловьев
(1820—1879)

«Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих рамках колыбель каждого народа — природу его страны»

М. О. Ключевский

Михаил Осипович Ключевский
(1841—1911)

В отечественной науке геополитическая мысль в первой половине XX в. находилась на достаточно высоком уровне. Во всяком случае евразийство в своих исторических очертаниях, с одной стороны, получило мировоззренческие импульсы из русской культуры «Серебряного века», а с другой — обусловило российский вариант геополитики. Глобальная геополитика и философия геополитики тесно коррелируют друг с другом на современном этапе развития социогуманитарного знания.

§ 2. Геополитический стиль мышления

Бурное развитие геополитических исследований в последние годы, попытки построения различных геополитических теорий и

картин мира, системное исследование геополитической классики настоятельно требуют обращения к мировоззренческим и методологическим основам геополитики.

Речь идет о таких мировоззренческих основах, которые следует рассматривать как систему современного научного знания и мышления, формами выражения которой выступает культура мышления. В свою очередь, методологические основы предстают в виде открытой системы понятий, принципов и законов, отражающих реальные геополитические процессы, развитие и взаимодействие гецивилизаций, динамику мировой политики. Обратимся к рассмотрению эволюции геополитического стиля мышления. Рассуждения о стиле мышления и уместны, и необходимы для построения философии геополитики, стремящейся к поиску предельно общих оснований, которые позволяют выявить связи и отношения между природным, социальным (государственным) и человеческим, а также позволяют разобраться в «геополитическом хаосе» и идеологических хитросплетениях.

Генри Киссинджеру, идеологу, говорящему на языке конфронтационной геополитики, оппонирует писатель и философ Жан Парвулеско, который, представляя свою новую книгу как выражение «опыта *диалектического озарения*... ведущего к обретению геополитического сознания», признается: «Большая, великая трансцендентальная геополитика есть на самом деле революционная мистика в действии, имеющая целью завоевание абсолютной власти сознания

«Задача нашего времени слить два измерения – геополитическое и правовое – в единую связную концепцию... В возникающем многополярном порядке Россию следует воспринимать как ключевой элемент нового глобального равновесия, а не как угрозу Соединенным Штатам»

***Из выступления Г. Киссинджера
в Фонде Горчакова (Москва) 7 февраля 2016 г.***

Генри Киссинджер
(род. 1923 г.)

«Большая, великая трансцендентальная геополитика есть на самом деле революционная мистика в действии, имеющая целью завоевание абсолютной власти сознания над политикой...»

Ж. Парвулеско

Жан Парвулеско
(1930–2010)

над политикой и, по ту сторону политики, над “великой историей” как таковой. Ибо геополитическое сознание и определяет ход истории к ее имперскому концу и по ту ее сторону, в ином» [10].

Для современной, постклассической геополитики актуальной становится «война миров» в информационном пространстве, о чем достаточно убедительно заявляет И. А. Василенко, обращая внимание на необходимость анализа информационно-психологического воздействия на геополитический потенциал государства, в который автор включает национальный менталитет, культуру и моральное состояние общества. Ход ее рассуждений следующий: классическая геополитика основана на дуализме континентального и морского миров и базируется на сакральных идеях веры, крови и почвы. Постклассическая геополитика, в свою очередь, транслирует эти символы в виртуальное пространство в виде «символического капитала культуры», т. е. культурных и идеологических ценностей общества, определяющих социокультурную динамику геополитики государства или цивилизации. Осмысление трансформаций геополитического пространства-времени приводит к необходимости разработки методологии геополитики, которая включает ряд геополитических парадигм, образующих мировоззренческую систему. В рамках последней определяются «роль и значение особых форм завоевания и контроля над пространством, функции временных и пространственных геополитических координат, формы отношений между ведущими геополитическими акторами, границы геополитических технологий.

Тем самым, — отмечает далее Василенко, — геополитическая парадигма призвана обеспечить ценностный и мировоззренческий фундамент для пространственных отношений между государствами в современном мире». Автор выделяет четыре парадигмы (национально-государственную, идеологическую, цивилизационную и информационную), смена которых обусловлена переходом от одного этапа мировой политической истории к другому. В частности, смысл информационной парадигмы, соответствующей постклассической геополитике, Василенко усматривает в стирании исторических, социокультурных и сакральных координат виртуального пространства, которое признает только «вечное теперь» актуального информационного поля, что равнозначно нивелировке самого понятия пространства в классической геополитике. В контексте информационной парадигмы отношения между государствами и цивилизациями будут определяться информационным превосходством в виртуальном пространстве, а целью геополитических технологий выступает изменение человека, его мировоззрения и идентичности [11].

Приведенные выше высказывания дают основание утверждать необходимость анализа геополитического стиля мышления как специфической формы выражения способа мышления в конкретной области научного знания. Способ мышления, в свою очередь, представляет собой всеобщую форму движения к новому знанию, которая реализуется в двух основных направлениях — метафизическом и диалектическом. До сих пор проблема стиля мышления была достаточно обстоятельно исследована применительно к естествознанию. Да и сама проблема стиля как типической формы выражения человеческой жизни и деятельности (прежде всего представителей творческих профессий) стала предметом эстетического знания во второй половине XIX в. В гуманитарных и политических науках, где, казалось бы, стиль мышления в большей степени выражает индивидуальные особенности и пристрастия ученого, эта проблема только находит своих исследователей. Впрочем, в свое время Гумилев достаточно любопытно выразился по этому поводу. «Звездное небо, — отмечал он, — наблюдают в телескоп, женский

профиль — простым глазом, насекомых — в лупу, каплю воды — в микроскоп. А как мы наблюдаем историю? Горько сказать, но большая часть бесплодных споров происходила от того, что исторические процессы хотели видеть одним глазом с уменьшением, допустим, в 1000 раз, а другим — с увеличением в 850 раз, простодушно полагая, что таким образом будет достигнуто какое-то среднее искомое приближение... Представим себе, что в нашем распоряжении есть историоскоп... Только таким путем можно вырваться из прокрустова ложа заданной схемы, не впадая в мелочеведение, при котором теряется сам предмет исследования — ритмы Всемирной истории» [12]. Такого рода «историоскопом» как раз и выступает стиль мышления, развивающийся и функционирующий в контексте доминирующего на той или иной фазе развития науки или какой-либо ее отрасли способа мышления — метафизического или диалектического.

Из истории философии хорошо известно, что метафизический способ мышления характерен для начального этапа исследования, когда устанавливаются количественные отношения и связи, выявляются отдельные свойства. Качественная определенность объекта познания — это результат сравнительно длительно-го процесса исследования и определения его предмета. Изначально геополитика, инициируемая географическим детерминизмом, апеллировала к количественным параметрам государства и уподобляла его живому организму. В данном случае геополитический стиль мышления формировался на основе сложившихся научных концепций и идей из области географии, биологии, этнологии, политической науки и др. Образность геополитического мышления закреплялась в понятиях «жизненное пространство», «жизненная энергия», «пространственный смысл», которым Ф. Ратцель характеризовал государство, уподобляя его живому организму. «С точки зрения биогеографии, — отмечал он, — государство является одной из форм распространения жизни на земной поверхности. Оно находится в зависимости от тех же влияний, как и жизнь вообще... Вместе с человеком государства постепенно распространились во все части света, и, по мере возрастания численности населения, увеличивались в числе и величине все более и государства. И как для всего живого, так и для государства

условием жизни является его связь с землею: без земли немислим ни человек, ни величайшее его создание на земле — государство... Государство есть организм, в составе которого известная часть земной поверхности играет настолько существенную роль, что все свойства государства определяются свойствами народа и его территории. Такими территориальными, или естественными, природными свойствами являются величина, положение, границы, формы поверхности, растительность и орошение, отношение к другим частям земной поверхности» [13].

К такому же образному мышлению прибегнул и К. Хаусхофер в своей классической работе «Границы в их географическом и политическом значении», которую он определял как научно-художественную. Геополитический стиль мышления достаточно четко был представлен Хаусхофером в работе «Панидеи в геополитике». Будучи представителем силовой геополитики, Хаусхофер признавал панидеями только те, «которые, — возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, — выступали носителями культурных миссий... и были обращены ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою» [14]. Ссылаясь на «опыт географии и истории», Хаусхофер определял панидеи как все те идеи, которые охватывают народы и инстинктивно стремятся к своему воплощению и развитию в пространстве.

Панидеи заключали в себе вековую мечту о совместном освоении земель и о планетарном союзе. Но собственно геополитический стиль мышления, планетарная рефлексия получает выражение в различии Хаусхофером панидей, выражающих

«Геополитическое будущее планеты зависит от того, сумеет ли англо-американская тенденция экспансии вдоль параллелей прорвать сопротивление восточно-азиатской тенденции экспансии вдоль меридианов»

К. Хаусхофер

Карл Хаусхофер
(1869–1946)

«Всемирная история — это история борьбы континентальных держав против морских держав»

К. Шмитт

Карл Шмитт
(1888—1985)

могущество моря и суши. В главе «Морское пространственное мышление и панидеи» он обращает внимание на противостояние этих двух типов панидей, что выражает «долговременную силу геополитики». На подобное противостояние панидей первым обратил внимание еще в 1904 г. Макиндер, определяя его как *способ рассмотрения* «долговременных мотивов в истории человечества». К. Шмитт в работе «Земля и Море. Созерцание всемирной истории» (1942) однозначно заявлял, что «всемирная история — это история борьбы континентальных держав против морских держав». Шмитт усматривал корни этого противостояния в образе библейских животных Левиафана и Бегемота, олицетворявших могущество, соответственно, моря и суши [15].

А. Г. Дугин возводит подобный стиль геополитического мировоззрения в ранг *закона геополитики*. «В основе геополитики, — утверждает он, — лежит деление всех государств и культур на два типа — *сухопутные и морские*» [16]. Дугин называет и второй закон геополитики — «*закон стратегических блоков*», согласно которому логика истории диктует необходимость расширения территорий, входящих в состав либо единого государства, либо стратегического блока нескольких государств. Этот закон автор формулирует так: «*от городов-государств — через государства-территории — к государствам-континентам*». Может быть, не стоит так категорично утверждать статус законов геополитики. Закон есть необходимая, устойчивая связь явлений и процессов реального мира. Закон предстает как тенденция изменения, движения, развития

тех или иных сфер природы, общества и человеческого мышления. Наличие того или иного закона подтверждается выявлением закономерностей развития, функционирования и организации. Однако закономерность сама по себе законом не является. Поэтому предлагаемые Дугиным законы геополитики вряд ли можно признавать именно как таковые. Это, скорее, эмпирически установленные закономерности, имеющие достаточно сложную природу. Любые геополитические процессы или явления, обретающие социально значимое выражение (будь то геополитическая эпоха, противостояние блоков, историческое и политическое развитие геочивилизаций, геополитические интересы государств), обусловлены природными, социокультурными, техногенными, экономическими, демографическими закономерностями. Их сложное переплетение создает своеобразную геополитическую и геохронологическую матрицу, на основе которой формируются геочивилизации. В таком случае можно согласиться с утверждением Дугина относительно статуса геополитики как науки, которая «заставляет мыслить масштабно, мыслить веками, континентами и народами» [17]. Но это опять же относится к тому, что мы определяем как стиль геополитического мышления.

Стиль мышления современной, глобальной геополитики обретает новые очертания. Геополитика, как утверждает Зб. Бжезинский, продвинулась от регионального мышления к глобальному. Более правильно считать, что в современной геополитике определились два направления исследования – глобальное и региональное. Если в рамках первого направления ведутся поиски некой глобальной власти, глобального правительства, которое претендует на управление мировыми процессами, то второе характерно для постмодернистской геополитики ряда европейских (в первую очередь французских) авторов. Рассмотрим эти направления подробнее как раз в контексте развивающейся внутри каждого из них философской рефлексии. Сама идея глобального единства людей, единого взаимосвязанного мира имеет достаточно длительную историю. Правда, на наш взгляд, Н. В. Мотрошилова, полагая, что «взятая в широком смысле тема “глобализации”, т. е. единства, целостности планетарной жизни и жизни челове-

чества ближе философии, чем какой-либо другой сфере гуманитарной культуры, — за исключением того раздела естествознания, предмет которого включает общий взгляд на космос и целостное восприятие нашей планеты и как единого природного тела, и как “ноосферы”, уже причастной к деятельности человечества». Такая интенция философской рефлексии и естественнонаучного знания издревле выражала духовную потребность человека. Более того, следует вести речь о наличии общей закономерности, согласно которой «на протяжении всей своей многовековой истории мировая философия подготавливала, предвидела, критически осмысливала важнейшие этапы, фазы, противоречия процесса единения человечества...» [18]. И в самом деле, основные понятия, зародившиеся в древнегреческой философии, — *единое целое, бытие космос, материя, дух* — изначально выражали стремление человека к «глобальному» охвату мировых процессов, мысленному объединению первоначала всего сущего и бесконечного многообразия его проявлений.

Так и сегодня мы ведем рассуждения о глобальном мире, глобальном управлении, глобальной идеологии и т. п. Из этих рассуждений следует, что стиль мышления в контексте глобальной геополитики, с одной стороны, берет на вооружение базовые философские понятия, которые позволяют выявить генетическую связь глобализации как социального феномена в его конкретно-исторических формах. С другой — в рамках собственно геополитического знания эти же понятия воздействуют на традиционные понятия геополитики — *суша, море, геополитическое пространство, геополитическое время (геохронология), граница* и др. — и привносят в них новое содержание, соответствующее глобальному мировидению. Пожалуй, истоки стиля мышления глобальной геополитики следует усматривать в гегелевской философии истории, исходящей из признания единства человечества как объективной тенденции всемирной истории.

В «Лекциях по философии истории» Гегель весь ход рассуждений о внутренней логике всемирной истории строил на четком различении трех видов историографии: а) *первоначальная история*, б) *рефлексивная история*, в) *философская история*. Ученые, относящиеся к первому виду историографии, описывают события и деяния людей,

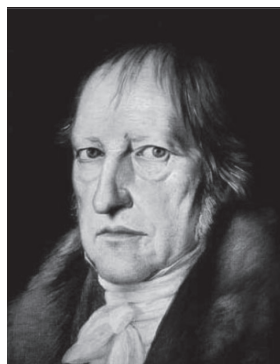
протекающие на их глазах. В данном случае «внешнее явление преобразуется во внутреннее представление». Изложение рефлексивной истории «возвышается над современной эпохой не в отношении времени, а в отношении духа». В рефлексивной истории Гегель различает четыре подвида. Первый из них — это *всеобщая история*, которая воссоздается историком как обработка всей истории какого-либо народа или какой-либо страны. При этом главной задачей является «обработка исторического материала, к которому историк подходит со своим духом, отличающимся от духа содержания этого материала». Рефлексивная история задается целью дать обзор продолжительных периодов или всей всемирной истории, а потому «должна отказаться от индивидуального изображения действительности и прибегать к сокращенному изложению путем применения абстракций, ... мысль резюмирует богатое содержание».

Вторым подвигом рефлексивной истории Гегель называет *прагматическую историю*, суть которой заключается в том, что повествования о прошлом становятся событиями сегодняшнего дня. События сами по себе различны, но общее и внутреннее в них и их связи едины. Тем самым снимается (в гегелевском смысле как диалектическое отрицание) прошлое, и события прошлого становятся современными. От мастерства, духа самого историка зависит, будут ли такие события интересны, жизненны и современны. *Критическая история* — третий подвид рефлексивной истории — это история истории, в рамках которой дается та или

«... Так как мы имеем дело лишь с идеей духа и рассматриваем во всемирной истории все лишь как его проявление, мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что философия, как занимающаяся истинным, имеет дело с тем, что вечно наличествует»

Г. Гегель «Философия истории»

Георг Вильгельм Фридрих Гегель
(1770—1831)

иная оценка исторических повествований, выявляется их истинность и достоверность. Наконец, четвертым подвидом рефлексивной истории выступает *частичная история*, которая, прибегая к абстракции, представляет собой непосредственный переход к философской всемирной истории. Частичная история – это история искусства, права, религии, науки и др., которые находятся в тесной связи со всей историей народа. Благодаря этому рефлексивная история стремится к установлению общих точек зрения, которые, если оказываются в своей сути истинными, выступают «не только внешнею нитью, внешним порядком, но и внутренней душой, направляющей сами события и факты». А это как раз приводит к философской истории. Философия истории, утверждает Гегель, означает не что иное, как мыслящее рассмотрение самой истории. Завершает методологическое обоснование философии истории Гегель следующими словами: «...так как мы имеем дело лишь с идеей духа и рассматриваем во всемирной истории все лишь как его проявление, мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с *настоящим*, потому что философия, как занимающаяся истинным, имеет дело с тем, что вечно наличествует. Все, что было в прошлом, для нее не потеряно, так как идея оказывается налицо, дух бессмертен, т. е. он не перестал существовать и не оказывается еще не существующим, но по существу дела существует теперь. Таким образом, уже это означает, что наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени. Правда, эти ступени развились одна из другой как самостоятельные; но дух всегда был в себе тем, что он есть, различие состоит лишь в развитии этого сущего в себе. Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, являются как минувшее. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине» [19].

В этих глубоко проникновенных словах усматривается, во-первых, идея о включенности, следуя терминологии Гегеля, в философскую историю предшествующих видов и подвидов истории (в частности, как это следует из заключительных слов автора, прагматической истории) как ее отдельных моментов, ступеней.

Во-вторых, дух у Гегеля – это, по сути, явленная в мире человеческая мысль, охватывающая бесконечное множество граней, моментов, этапов развития природы и социума и фиксирующая на языке науки связи и внутреннюю логику развития («жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней»). В-третьих, это следует рассматривать как определенную методологическую установку: стиль мышления глобальной, постклассической геополитики в своем становлении должен ориентироваться на ход рассуждений Гегеля о философской истории. Посудите сами: в *первоначальной истории* можно усмотреть начальный этап развития геополитики и формирование ее понятийного аппарата. В *рефлексивной истории* и ее подвидах прослеживается развитие национальных школ классической геополитики.

С полным основанием данный стиль мышления должен опираться на принцип историзма и метод восхождения от абстрактного к конкретному. В первом случае история природы и история людей рассматриваются как обуславливающие друг друга стороны единой истории.

Для геополитического стиля мышления историзм важен как принцип, согласно которому история развития географической среды в глобальном масштабе неразрывно связана с историей человеческой деятельности во всем ее многообразии. Во втором случае речь идет о таком методе исследования природной и социальной действительности, который включает в себе два диалектически взаимосвязанных способа познания: восхождение от *конкретного* (объекты действительности) к *абстрактному* (определения, понятия, частнонаучное знание об этих объектах) и восхождение от *абстрактного* (определения, понятия, частнонаучное знание) к *конкретному* (результат, этап научного исследования, развитая теория). Следует полагать, что история развития классической геополитики в таком случае в большей степени характеризуется стилем мышления, соответствующим восхождению от конкретного к абстрактному. Стиль мышления глобальной геополитики обеспечивает формирование целостного теоретического знания, исходным основанием которого выступают понятия, концепции, идеи различных школ геополитики (немецкой, российской, американской, французской, английской и др.). Объективным основанием

тому служит и тот факт, что к концу XX в. в качестве акторов мировой политики и геополитического передела мира, наряду с государствами-нациями, начинают выступать геоцивилизации. В свое время К. Ясперс достаточно тонко предвосхитил становление стиля мышления глобальной геополитики. «Мотивы на пути к глобальному единству, — отмечал он, — это, с одной стороны, свойственная нашему времени, как и всякому другому, воля к власти, не знающая покоя, пока ей не подчинится все; с другой — нависшее над всей планетой бедствие, требующее немедленной договоренности великих держав, которые перед огромной грозящей всем опасностью не решаются в отдельности применить силу, — а над обоими этими мотивами возвышается идея солидарного в своих стремлениях человечества» [20].

И еще одно важное замечание следует сделать. Стиль мышления глобальной геополитики находится под влиянием различных подходов (географического, цивилизационного, экономического, технологического и др.) и потому заимствует особенности стиля мышления, присущие этим подходам. Географический детерминизм определял стиль мышления классической геополитики, но сохраняет свою значимость и в глобальной геополитике. Изменились масштабы — теперь речь идет о парадигме отношений Запада и Востока, Севера и Юга, полюсов силы, имеющих определенные

Карл Ясперс
(1883–1969)

«Мотивы на пути к глобальному единству — это, с одной стороны, свойственная нашему времени, как и всякому другому, воля к власти, не знающая покоя, пока ей не подчинится все; с другой — нависшее над всей планетой бедствие, требующее немедленной договоренности великих держав, которые перед огромной грозящей всем опасностью не решаются в отдельности применить силу, — а над обоими этими мотивами возвышается идея солидарного в своих стремлениях человечества»

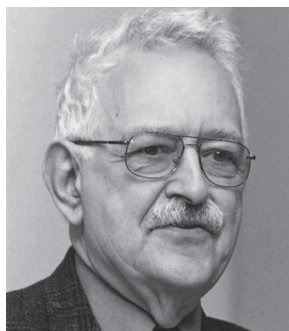
К. Ясперс. «Смысл и назначение истории»

географические очертания. Цивилизационный подход в осмыслении геополитических процессов позволяет, во-первых, ввести в теоретические рассуждения представления о гецивилизациях как акторах мировой политики. Во-вторых, этот подход ориентирует исследователя на необходимость выявления ценностных оснований, смысла геополитической деятельности различных акторов, будь то политический деятель, транснациональная корпорация, государство, гецивилизация. Геополитический стиль мышления находится под мощным влиянием социокультурной доминанты – пафос прометеевской культуры как покорения мира сменяется в условиях современной глобализации пафосом культуры выживания человечества в природном и социальном мире.

Для раскрытия содержания процесса воздействия указанных подходов на стиль мышления глобальной геополитики значительный интерес представляет предложенная Ю. В. Яковцом многомерная гецивилизационная модель. Автор, анализируя опыт глобального моделирования в докладах Римскому клубу, конструирует данную модель по двум основаниям – функциональному и территориальному. В первом случае модель воспроизводит взаимодействие гецивилизаций в шести различных аспектах (геодемографический, геоэкологический, технологический, геоэкономический, геополитический, социокультурный), соответствующих определенным блокам. Во втором – глобальное моделирование строится на основе группировки стран по 12 цивилизациям «четвертого поколения», т. е. современным, объединяемым в три группы – западные, восточные и смешанные цивилизации [21]. Привлекательность подобного хода рассуждений видится в том, что геополитический стиль мышления формируется не эмпирическим путем, а под влиянием общенаучной методологии в единстве с диалектическим способом мышления. Действительно, геополитика – конкретная наука и искусство отношений в мировой политике. Но и в том, и в другом случае, когда объективный фактор играет существенную роль в политической жизни мирового сообщества, стиль мышления обретает значимость в понимании, интерпретации и практическом осуществлении геополитических замыслов.

На формирование глобальной геополитики и соответствующего стиля мышления существенное влияние оказывает эпистемологическая конвергенция естественнонаучного и гуманитарного знания, столь заметная в последнюю треть прошлого века. Культурологический подход как новое движение в современных гуманитарных науках, о чем пишет И. Валлерстайн, определяет, что «каноны прекрасного являются социальными конструкторами, *политическими решениями* (выделено нами – *И. К., Д. К.*), отражающими ценности и представления власть имущих слоев и не включающими в себя представления иных, менее влиятельных групп общества». Центральной темой социальных исследований становится анализ «временной последовательности и пространственной локализации» [22]. Иначе говоря, геополитический стиль мышления выражает выход на новый уровень теоретических обобщений, выявляющий социокультурные детерминанты геополитических процессов. Второе направление в современной геополитике – региональное, – как отмечалось выше, выражает постмодернистские интенции научного познания.

В целом региональная геополитика подразделена на три направления – континентально-европейское, англо-американское и российское. Каждое из них характеризуется своим определяющим

Иммануил Валлерстайн
(род. 1930 г.)

«Если мы коллективно должны войти в мировой порядок большей сущностной рациональности, чем тот, в котором мы живем, то чрезвычайно важно, чтобы произошло широкое, разумное обсуждение возможностей исторического выбора. Для каждого важно, чтобы эта дискуссия развернулась повсюду, и уж обязательно в такой стране, как Россия, играющей столь важную роль в функционировании миросистемы»

И. Валлерстайн. «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире»

стилем мышления. Для современной континентально-европейской геополитики характерен гуманитарный стиль мышления: на смену *геополитики пространства* приходит *геополитика человека, владеющего пространством*. Зачастую геополитика интерпретируется как гуманитарная наука, исследующая «дух и культуру» человека, овладевающего пространством. Начало этой тенденции было положено сыном К. Хаусхофера – Альбрехтом, книга которого «Всеобщая политическая география и геополитика» была издана в 1951 г. В ней автор утверждал приоритеты «пространственного окружения человека» над географическими детерминантами. Так начала выстраиваться новая логика геополитического мышления: географическая среда – человек – внешняя политика. Гуманитаризация геополитического стиля мышления проявилась в том, что в центре внимания геополитики оказался человек, его дух, разум, воля, изменяющие пространство (природное и социальное) и внутреннюю связь между национальными интересами, выражающими сложную палитру мировой политики.

Для М. Фуше Европа предстает как «геополитическая лаборатория». «Политическая Европа, – подчеркивает он, – предлагает современный опыт формирования многополярного мира, когда объединяющиеся на договорной основе государства-нации примиряют свои национальные интересы» [23]. Для региональной

«Политическая география занимается преимущественно инвентаризацией различных факторов, геополитика занята динамикой процесса»
А. Хаусхофер. «Всеобщая политическая география и геополитика»

Альбрехт Хаусхофер
(1903–1945)

геополитики характерен стиль мышления, апеллирующий к социокультурным доминантам в мировой политике. К примеру, Жан Парвулеско, положивший начало «геополитической беллетристике», дает прогноз, который пронизан постмодернистской идеологией, помноженной на пафос возрождения евразийского могущества. «Мировая история приближается сейчас, — писал он в 1989 г. в статье “Геополитика третьего тысячелетия”, — к решительному повороту, к точке завершения и нового начала, третье тысячелетие символизирует возврат к истокам. В первый раз за десять тысяч лет народы евразийского Великого Континента, от Европы до Индии, захватив бразды политико-исторического становления всего евразийского ансамбля в свои руки, окажутся в состоянии восстановить то единство изначального бытия, высокого сознания и общей судьбы, которое предшествовало их историческому разделению. Великий метаисторический цикл завершается, замыкаясь сам на себя, его конец сливается с его началом. Конец одного мира возвещает о начале мира иного».

Идеи «новых правых» как постмодернистский вариант геополитики находят в миропонимании Парвулеско статус утверждения социокультурных архетипов, присущих евразийским этносам со времени их зарождения в ходе неолитической революции. Какую роль России отводит Парвулеско в своем геополитическом сценарии? Он видит расклад сил на «великом евразийском континенте» следующим образом: упомянутый выше «великий метаисторический цикл» на рубеже третьего тысячелетия завершается объединением Западной Европы, Восточной Европы, России, Великой Сибири, Индии и Японии. Однако это геополитическое образование не включает в себя Китай (автор не дает этому объяснение), что приведет в ближайшем будущем к ядерному окружению Китая вдоль политической оси Париж—Берлин—Москва—Нью-Дели—Токио. Что же из этого вытекает? «Силовое влияние Великой Европы в диалектической игре по утверждению имперского планетарного могущества, — отмечает Парвулеско, — снова вернет США

к статусу второстепенной державы и тем самым окончательно разрушит пресловутый “американский миф”. По этой причине США объединяет усилия по нейтрализации Великой Европы со стремлениями Китая противостоять его континентальному окружению». Современной России отводится в этом сценарии возвышенная роль геополитического спасительного «моста из Европы в Индию» [24].

Итак, «школа новых правых» однозначно ориентирована на возрождение могущества евразийского континента (на основе «общей истории» и «общей судьбы») и на отторжение атлантизма и мондиализма. «Зов предков» – вот тот социокультурный архетип, который закладывается в основу геополитического сценария. С другой стороны, «общая судьба» евразийского континента находится под угрозой возможного геополитического альянса США и Китая. В различных геополитических сценариях (Ж. Тириара, К. Террачино, Ж. Парвулеско) России отводится некая роль спасителя Европы, всего евразийского континента от атлантистских притязаний. Особенностью геополитического стиля мышления, в данном случае, является состояние перманентного взаимодействия научно-познавательного, прогностического и идеологического элементов духовного освоения природной и социальной действительности.

По сравнению с континентально-европейской региональной англо-американская геополитика базируется на иных детерминантах геополитического мышления – прагматизме и реализме. Отсюда сама геополитика трактуется как сугубо прикладная наука, обосновывающая стратегические планы военных действий или экономической экспансии. Такой стиль мышления воплощался, начиная с А. Мэхэна, Х. Макиндера, Н. Спайкмена и др., в концепциях «морской силы», «мировой державы», «имперской геостратегии», «однополярного мира» и т. п. Более того, опять же, в отличие от континентально-европейской геополитики, англо-американская по своей сути антигуманистична, поскольку, во-первых, избегает дискурса о ценностях, уповая на эффективное действие различных технологий (в первую очередь информационных).

Во-вторых, антигуманность ее получает выражение в разрабатываемых рядом американских авторов сценариях геополитических конфликтов и войн, конца истории, глобальной империи. Однако есть исключения из правил, примером чему может служить книга Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы», автор которой осознал и поведал читателю всю пагубность для простого человека создаваемой американскими корпорациями, банками и правительством («корпоратократией») глобальной империи [25].

Российское направление региональной геополитики характеризуется, во-первых, необходимостью решения внутренних проблем административно-территориального устройства и, во-вторых, выбором геополитического кода, определяющего отношения с другими государствами по всему периметру границ. Причем на стиль геополитического мышления оказывают влияние как вековые традиции, присущие русской ментальности («Москва – Третий Рим», «Святая Русь», «Малая Родина», «Ни шагу назад»), так и обыденные восприятия центра, столицы и глубинки, глухой провинции. При этом региональная геополитика имеет этнически выраженную определенность, поскольку в качестве ее социокультурной детерминанты выступают историко-культурные зоны. В практическом измерении региональная геополитика оппонирует геополитике глобальной [26], что характерно как раз для тех этнических культур, которые сохраняют свои ментальные черты, несмотря на накатывающие на них волны революционных преобразований и иноязычных влияний. Это наиболее характерно, пожалуй, для французской и русской культур, которые отнюдь не чурались регионализма в противовес глобализму. Мировой тайфун глобализации неизбежно порождает ответную волну регионализации на всех континентах и обретает цивилизационную определенность.

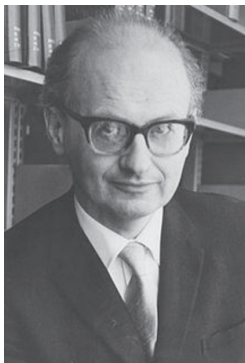
§ 3. Научные программы геополитики

Вопрос о научных программах геополитических исследований, будучи органически связанным с пониманием геополитического мышления, возникает в процессе выявления теоретического

статуса геополитики в системе политических знаний. Научные программы интегрируют в себе порождаемые определенным стилем мышления геополитические парадигмы, ключевые понятия, методы и тем самым позволяют реализовать *ретроспективно-познавательную* и *прогностическую функции* геополитики. В данном случае геополитическую парадигму следует понимать как определенную ценностную и мировоззренческую матрицу для интерпретации взаимоотношений государств, геоцивилизаций и других акторов мировой политики в политическом пространстве. Система понятий геополитики является открытой. Исходными в ней выступают понятия пространства и государства, которые изначально (у Ф. Ратцеля и Р. Челлена) определяли предметное поле геополитики. Их дополнили понятия территории, границы, силы, географической оси истории, геоцивилизации и др., благодаря которым теоретический статус геополитики получил воплощение в многообразных научных программах.

Методология геополитических исследований должна быть представлена, во-первых, способом мышления (в оппозиции *метафизика—диалектика*), во-вторых, общенаучными методами (в первую очередь методом моделирования), в-третьих, специфическими методами геополитического анализа (к ним относится, например, метод «охватывающих» законов). Функции геополитики реализуются в ретроспективно-познавательном плане, что связано с тщательным изучением теоретического наследия мыслителей и практиков геополитики, сравнительным анализом геополитических концепций, школ, традиций. В свою очередь, прогностическая функция геополитики, опираясь на методы объяснения и предсказания, воплощается в геоэкономике и геостратегии. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Научно-исследовательские программы характеризуют зрелый этап развития науки, поэтому выбор наиболее продуктивных из них необходимо осуществлять на основе реконструкции истории геополитических концепций. Следует отметить, что реконструкция истории геополитики на основе методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса была довольно интересно

«Если мы хотим изучить что-нибудь действительно глубоко, то нам нужно исследовать это не в его «нормальном», правильном, обычном виде, но в его критическом положении, в лихорадке и страсти. Если вы хотите узнать нормальное здоровое тело, то изучайте его, когда оно болеет...»

И. Лакатос. «Методология исследовательских программ»

Имре Лакатос
(1922–1974)

осуществлена А. А. Изгарской [27]. Думается, что эта методология должна быть применена и по отношению к современным геополитическим концепциям, в том числе отечественных авторов. И. Лакатос, автор этой теории, исходит из понимания деятельностного статуса науки — она есть деятельность, направленная на решение конкретных задач в контексте определенной научной программы. Последняя образуется из ряда методологических правил, одни из которых указывают на то, какие пути исследования необходимо избегать (*отрицательные эвристики*), а другие — какими путями следует воспользоваться (*положительные эвристики*). Каждая программа включает четыре основных компонента: твердое ядро, тело программы (концепции и теории), защитный пояс, положительная эвристика.

Твердое ядро, согласно Лакатосу, включает в себя одно или несколько утверждений относительно базовых категорий (пространство, государство), которые опровергать недопустимо, т. е. к ним не применимы отрицательные эвристики. *Защитный пояс* состоит из ряда вспомогательных гипотез, которые появляются при столкновении существующей теории с аномалиями. Какая-либо из этих вспомогательных гипотез под воздействием *modus tollens* (меры опровержения — *лат.*) обретает статус новой теории. В прогрессирующей программе (ее теоретический рост предвосхищает ее эмпирический рост, потому она может предсказывать новые

факты) возникает ряд теорий, среди которых, как полагает Лакатос, «каждая последующая теория получена из предыдущей путем добавления к ней вспомогательных условий, чтобы устранить некоторую аномалию. При этом каждая последующая теория имеет по крайней мере не меньшее содержание, чем непровергнутое содержание ее предшественницы [28]. Смена научно-исследовательских программ может быть объяснена деградацией и уходом с исторической арены репрессивных программ (это означает, что теоретический рост программ отстает от ее эмпирического роста), дающих запоздалые интерпретации событий, фактов, открытий по сравнению с другими конкурирующими программами. Следуя логике рассуждений Лакатоса, рассмотрим становление классической геополитики в процессе «соревнования» следующих научно-исследовательских программ – *органицистской, мирового пространства и цивилизационной*.

Органицистская программа

Основателем органицистской программы был Ф. Ратцель. В рамках этой программы в качестве твердого ядра выступали следующие утверждения: государство – организм; пространство – сила; пространственная экспансия государства делает его сильнее («Политическая география», 1897). Уподобление пространственной экспансии естественному процессу роста живого организма (у Ратцеля это было дерево) привело к появлению важной для геополитики идеи «жизненного пространства» (Lebensraum).

В книге «О законах пространственного роста государств» (1901) Ратцель сформулировал семь законов пространственной экспансии государств:

- 1) рост государств означает не только их пространственное увеличение, но и рост их культуры;
- 2) пространственный рост государств ведет за собой развитие науки, промышленности, торговли, миссионерской деятельности и вообще всех видов деятельности его граждан;
- 3) рост государства осуществляется путем поглощения меньших государств;

4) граница есть периферийный орган государства; она служит индикатором его состояния: силы или слабости, роста или деградации;

5) при росте государство вбирает в себя, в первую очередь, наиболее ценные элементы окружающей среды: реки, береговые линии морей, равнины, горные границы, природные ископаемые;

6) толчком к экспансии служит разница, перепад уровней культур соседних государств;

7) общая тенденция поглощения более слабых более сильными государствами в ходе истории набирает силу, то есть способствует еще большему увеличению территорий более сильных держав [29].

Ратцель тем самым подробно обосновал преимущества «великой державы», однако он оставил без внимания проблему войн. Эта проблема в рамках органицистской программы была решена Р. Челленом, который рассматривал государство как высокоразвитый организм, реализующий себя в борьбе за существование. Он прибегает к метафоре «руки», чтобы обосновать необходимость подчинения малых стран «великим державам» («Великие державы», 1910) и утвердить концепцию «анатомии силы государства» («Государство как форма жизни», 1916). Согласно этой концепции, сила государства включает пять элементов, подобно пяти пальцам на руке: 1) государство как народ; 2) государство как общество; 3) государство как географическое пространство; 4) государство как хозяйство; 5) государство как управление. В этой же работе Челлен впервые ввел в научный оборот термин «геополитика» [30]. Итак, теория Челлена явилась результатом развития теории Ратцеля в части объяснения новых фактов. Так в органицистской программе был сделан прогрессивный сдвиг, однако ее ресурсы были исчерпаны. Попытка А. Грабовского в начале 1950-х гг. возродить органицизм, ориентирующийся на исследование сложных социальных процессов по аналогии с биологическими системами, не увенчалась успехом. К тому же в эти годы коренным образом изменился баланс сил в мировой политике.

Программа мирового пространства

Программа мирового пространства как единого организма базировалась на признании мирового лидерства в качестве ведущей ценности мировой политики. Твердым ядром данной программы является утверждение, согласно которому в мировом пространстве существуют ключевые зоны, а контроль над ними обеспечивает мировое лидерство. В качестве мировоззренческих и методологических предпосылок этой программы выступают прагматизм, реализм, географический детерминизм, социал-дарвинизм. Данная программа реализовалась в англо-американской геополитике, основными представителями которой явились А. Мэхэн, Х. Макиндер, Н. Спайкмен, Д. Мейнинг, Зб. Бжезинский. Основатель американской геополитики Мэхэн в работе «Влияние морской силы на историю: 1660–1783» исследовал историю создания Британской империи и роль в этом военно-морского флота как орудия захвата колоний и распространения торговли в мире в качестве главного инструмента политики. Утверждение о мировом лидерстве на основе контроля над ключевыми зонами Мэхэн подкреплял методологией геополитического анализа с позиции морской силы и сформулировал следующие шесть критериев анализа:

1. Общее географическое положение государства, открытость морям и возможность морских коммуникаций. Способность угрожать своим флотом территории противника. Протяженность сухопутных границ и возможность контролировать стратегически важные регионы.

2. Исследование «физической конфигурации» государства или очертаний морских побережий и наличие портов, от чего зависит процветание торговли и стратегическая защищенность.

3. Общая протяженность территории, исчисляемая через протяженность береговой линии.

4. Численность населения как категория для оценки способности государства строить и обслуживать корабли.

5. Национальный характер и оценка способности народа заниматься торговлей.

6. Политический характер правления, влияющий на возможность переориентации лучших человеческих ресурсов на создание морской силы [31].

В качестве ключевых зон мирового лидерства Мэхэн определяет все морское пространство. Морская сила как главный геополитический фактор, обеспечивающий мировое лидерство, создается объединенными усилиями военного флота, торгового флота и военно-морских баз. Для того чтобы США стали мировой морской державой, считал Мэхэн, необходимо реализовать четыре условия: союз США с Великобританией; изоляция Германии; противодействие Японии на Тихом океане; союз с Европой против Азии. Теоретическая концепция Мэхэна остается основой геополитической стратегии США по настоящее время. В тело программы мирового пространства Мэхэна была включена еще одна важная концепция — «стратегия анаконды». Суть этой концепции — блокирование территории противника с моря и по береговым линиям, которые постепенно сужаются как кольца анаконды.

В программе мирового пространства как единого организма, благодаря усилиям Х. Макиндера, сохранилось твердое ядро (мировое пространство состоит из ряда ключевых зон, контроль над которыми обеспечивает мировое лидерство), но в принципе изменилось тело программы. Дело в том, что теория Мэхэна столкнулась с серьезной аномалией: Британская империя как морская держава стала терять лидирующие позиции в мире, лидерство стало переходить к державам суши. Так в рамках этой программы появляется новая теория, определившая ее прогрессирующий характер. Макиндер вводит в научный оборот понятия «хартленд» (континентальный плацдарм для контроля над миром) и «мировой остров» (единый геополитический массив, охватывающий Евразию и Африку). На основе этих понятий он сформулировал суждения, которые воплотились в знаменитых принципах: «Кто правит Восточной Европой, господствует над мировым островом; кто правит хартлендом, господствует над мировым островом; кто правит мировым островом, господствует над миром» [32]. В работах Макиндера произошла эволюция тела программы: в статье

«Географическая ось истории» (1904) хартленд означал внутреннее пространство Евразии, т. е. Россию, в работе «Круглая планета и завоевание мира» (1943) Макиндер ограничил пространство хартленда в пределах мирового острова европейской частью России, Уралом и Западной Сибирью, а его азиатскую часть (по современным представлениям это часть Азиатской России, имеющей свою относительно самостоятельную геополитическую и цивилизационную динамику [33]) он определил как Lenaland (Восточная Сибирь). Геостратегический замысел Макиндера заключался в обособлении Lenaland как той зоны мирового острова, которая может быть использована державами внешнего полумесяца для борьбы против хартленда. Причиной этому послужили аномалии, а именно изменение конфигурации мировой политики после Первой мировой войны и образования на пространстве хартленда Советского Союза, а также в ходе Второй мировой войны. Однако в рамках данной программы сохраняется принципиальное положение о подразделении единого мирового пространства на мировой остров, внутренний полумесяц (римленд) и внешний полумесяц (островные государства за пределами мирового острова). На основе подобной классификации формируются военно-политические блоки и их геостратегии в мировом противоборстве.

В контексте программы мирового пространства, как отмечалось выше, реализовали геополитические концепции Спайкмен, современник Макиндера, а в послевоенный период — Мейнинг и Бжезинский. Спайкмен разработал теорию, согласно которой географической осью современной истории выступает не мировой остров, как полагал Макиндер, а римленд — морские страны Европы, Ближний и Средний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион. Его ключевое положение: «Тот, кто доминирует над римлендом, доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках». Спайкмен возрождает доктрину Мэхэна и, следуя методу рефлексивной симметрии, противопоставляет свою теорию установкам Макиндера. Более того, Спайкмен включает в свои теоретические суждения геостратегию, основанную на географическом детерминизме: «В мире

Геополитические принципы Макиндера:

- *кто правит Восточной Европой, тот господствует над хартлендом;*
- *кто правит хартлендом, тот господствует над мировым островом;*
- *кто правит мировым островом, тот господствует над миром*

Хэлфорд Макиндер
(1861–1947)

Геополитические принципы Спайкмена:

- *кто контролирует римленд, тот контролирует Евразию;*
- *кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбы всего мира*

Николас Спайкмен
(1893–1943)

международной анархии внешняя политика должна иметь своей целью прежде всего улучшение или по крайней мере сохранение силовой позиции государства. Сила в конечном счете составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной политической стратегии. Территория государства — это база, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства, потому что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются непоколебимыми» [34]. Наиболее крупными геополитическими работами Спайкмена стали «Стратегия Америки в мировой политике» (1942) и «География мира» (1944). В этих трудах он выделяет десять основных критериев геополитического могущества государства:

- × Площадь территории (и прилегающей к ней акватории)
- × Характер границ
- × Численность населения
- × Наличие (или отсутствие) полезных ископаемых
- × Уровень экономического и технологического развития
- × Финансовая мощь
- × Этнонациональный состав
- × Уровень социальной интеграции
- × Политическая стабильность
- × Национальный дух

Если государство имеет высокий индекс по всем указанным критериям, значит, оно способно выступать самостоятельным актором в геополитической игре. При низком индексе основных показателей, согласно Спайкмену, целесообразно вступление в геополитический союз либо поиск геополитического покровительства.

В мировом пространстве Спайкмен выделяет три центра мировой мощи – атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье и Дальний Восток. Он же был одним из инициаторов создания военных блоков, способствующих укреплению этих центров мощи под эгидой США как глобального гегемона в мире – НАТО, СЕНТО и СЕАТО. Это дало основание считать Спайкмена основателем атлантизма, открывающим США путь к мировому господству.

Неоатлантисты, последователи Спайкмена, основное внимание уделяли роли римленда в укреплении американского могущества. Так, еще в 1956 г. Дональд Мейнинг в работе «Хартленд и римленд в евразийской истории» подразделял евразийское побережье на три типа в соответствии с геополитической ориентацией соответствующих групп стран:

– страны, ориентирующиеся на хартленд: Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа, страны Прибалтики;

– геополитически нейтральные страны: Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия;

– страны, ориентирующиеся на римленд: Западная Европа, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Таиланд [35].

Так Мейнинг интерпретировал идею Спайкмена об указанных выше десяти критериях геополитического могущества государства, отмечая при этом, что геополитические критерии должны особо учитывать функциональную ориентацию населения и государства, а не только чисто географическое отношение территории к Суше и Морю. Более того, при низком индексе основных показателей, отмечал Спайкмен в работе «География мира» (1944), государства должны объединяться в геополитические блоки и искать для себя геополитическое покровительство. Правда, идеи Мейнинга не совсем адекватно отражали реальную действительность, поскольку ряд стран неоднократно меняли свой геополитический вектор. Римленд оказался неустойчивой геополитической зоной, поэтому какой-либо общепринятой геополитической модели этой зоны создать пока еще не удалось.

Следует указать еще на один вариант программы мирового порядка послевоенного мироустройства – разработанную в 1963 г. Саулом Коэном в работе «География и политика в разделенном мире» полицентричную иерархическую модель геостратегических зон и геополитических регионов, охватывающую пять уровней (см. рис. 1 на стр. 76):

1. Геостратегические сферы – морская и евразийская.
2. Геополитические регионы – большие подразделения геополитических сфер, сравнительно однородные по экономическим, политическим и культурным признакам.
3. Великие державы – США, Россия, Япония, Китай и Европейский союз.
4. Региональные державы второго порядка, доминирующие в рамках региона, но не обладающие глобальным влиянием.
5. Субнациональные территории – «ворота» («gate»).

Поскольку геополитические регионы находятся, полагает Коэн, на различных стадиях развития, то их роли в межрегиональном взаимодействии не совпадают. Более того, критерием обмена продуктами жизнедеятельности между странами и регионами, характеризующим динамику развития мировой

ПОЛИЦЕНТРИЧНАЯ СТРУКТУРА МИРА

- 1. Геостратегические сферы — морская и евразийская*
  - 2. Геополитические регионы — большие подразделения геополитических сфер, сравнительно однородные по экономическим, политическим и культурным признакам*
  - 3. Великие державы — США, Россия, Япония, Китай, Европейский союз как объединение государств*
  - 4. Региональные державы второго порядка, доминирующие в рамках региона, но не обладающие глобальным влиянием*
  - 5. Субнациональные территории — «ворота» («gate»)*
- С. Коэн. «География и политика в разделенном мире»*

Саул Коэн

системы, Коэн предложил считать уровень энтропии (социально-экономической), позволяющий различать четыре группы регионов — с низким, средним, высоким и крайне высоким уровнями энтропии. Согласно такой логике рассуждений, геополитические регионы, в пределах которых находятся мировые сверхдержавы, а уровень энтропии характеризуется низкими и средними значениями, определяют равновесие и дальнейшее развитие мировой геополитической системы. Группы переходных государств, которые вносят существенные изменения в жизнь больших наций, образуют пояса нестабильности и маргинальные сферы. В геополитической модели Коэна основная функция «ворот» сводится к стабилизации мировой геополитической системы и обслуживанию коммуникаций между государствами. Он был одним из первых, кто обосновал распад биполярного порядка и возрастание роли региональных геополитических структур.

В современной геополитике продолжателем программы мирового порядка явился Бжезинский, который развил ее в русле концепции «американской гегемонии нового типа». Апологетика Бжезинского основана на твердом ядре программы (существование ключевых зон и необходимости контроля над ними для обеспечения мирового лидерства), однако коренным образом изменяется теоретическое обоснование тела программы. Он вполне однозначно отходит от отжившей в условиях глобализации

мировой политики дилеммы хартленд—римленд, определяющей власть суши над морем или, наоборот, моря над сушей. «Геополитика, — утверждает Бжезинский, — продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским пространством служит центральной основой для глобального главенства» [36].

По сути дела, автор подменяет теоретическое обоснование программы геостратегическими установками, пытаясь утверждать, что экономическое и военное могущество США дает им право управлять миром по своему усмотрению. В таком случае программа регрессирует, поскольку ее теоретический рост отстает от ее эмпирического роста. Теоретическое положение об однополярном мире не выдерживает критики уже хотя бы потому, что теория систем не допускает возможность длительного существования сложных динамических систем без альтернативных источников функционирования и развития. Более того, даже сами американские авторы, утверждающие идею однополярности мира во главе с США, отмечают неизбежность внутренних конфликтов в самих США. Будущее Америки как сверхдержавы, заявил, к примеру, У. Мак-Дугал, будет связано с решением ее внутренних культурных войн. В более обобщенном виде отмечает неизбежный отход от американоцентризма И. Валлерстайн. «Нам потребовалось 30 лет, — отмечал он, — чтобы научиться элегантно и эффективно выполнять обязанности мирового лидера. Несомненно, не меньше 30 лет придется учиться, как элегантно и эффективно принять менее значимую роль, которая нам теперь будет предписана» [37].

Итак, научно-исследовательская программа мирового пространства как единого организма, имея достаточно длительную историю, находит свое воплощение в глобальной геополитике. Одним из вариантов этой программы является концепция Бжезинского. Несомненно, возможности этой программы далеко не исчерпаны. Скорее всего, это будет некий симбиоз с цивилизационной программой, поскольку современные геочивилизации выходят в качестве акторов мировой политики.

Цивилизационная программа

Цивилизационная программа разрабатывалась в русле континентально-европейской школы геополитики представителями французской географической и исторической мысли, отечественными учеными (евразийцами). В современной геополитике рассмотрим ее на основе работ С. Хантингтона и В. Л. Цымбурского. Твердое ядро цивилизационной программы, в этом можно согласиться с А. А. Изгарской, состоит из четырех утверждений: 1) государство – политическое образование, появляющееся в процессе развития первичных ячеек цивилизации и их столкновений; 2) человек – географический фактор; 3) пространство – потенциал для развития; 4) преодоление противоречий и противостояния между державами моря и суши [38]. Далее она выстраивает последовательность сменяющих друг друга геополитических теорий французских авторов, начиная с Видаль де ла Блаша, который заложил основы антропологического направления в геополитике. Некоторые авторы заявляют о формировании цивилизационного подхода в *геополитике* еще до возникновения ее самой по себе в системе политических наук. К примеру, И. А. Василенко считает, что цивилизационный анализ в геополитике впервые был использован Н. Я. Данилевским в работе «Россия и Европа» [39]. Очевидно, вряд ли уместна такая перетасовка исторических событий. Другой разговор, что идеи Данилевского, как и многих других

Принципы геополитической концепции поссибилизма де ла Блаша:

- *политическая история имеет два аспекта – пространственный (географический) и временной (исторический);*
- *географический фактор отражается в окружающей среде;*
- *исторический – в самом человеке как «носителе инициативы»*

Поль Видаль де ла Блаш
(1845–1918)

ученых, вполне органично вошли в различные научно-исследовательские программы геополитики в качестве прообраза твердого ядра или теорий.

Основным положением теории де ла Блаша явился тезис о том, что человек, в равной степени как и природа, должен рассматриваться в качестве активного фактора преобразования окружающего мира. Идея эта по своей сути не нова, она разрабатывалась еще в марксизме, но существенно здесь то, что она была включена в геополитический дискурс.

Политическая история, о чем де ла Блаш писал в 1903 г. в книге «Картина географии Франции», имеет две составляющие: пространственную (географическую) и временную (историческую). Поэтому географическая среда, климат и почва предстают как некая *возможность* (фр. *possible* — возможный), т. е. потенциал, способный актуализироваться, выступить реальным политическим фактором или же остаться нейтральным. Так заявила о себе идея POSSIBILISME. Цивилизационная парадигма, как об этом мог бы заявить де ла Блаш, признает такую возможность, которая реализуется изначально в «доменах цивилизации». Объединение последних происходило в начале человеческой истории, далее развитие цивилизаций шло независимо от внешних факторов. «Цивилизация, способная распространить свое влияние на другие цивилизации, — отмечал по этому поводу де ла Блаш в работе «Принципы географии человека» (изданной в 1922 г. после смерти автора на основе его заметок и статей), — становится мощным источником излучения, которое распространяется само по себе, действует независимо от внешних факторов» [40]. Разумеется, де ла Блаш абстрагируется от роли географической среды в цивилизационных, в т. ч. в политических, процессах, акцентируя внимание на социальных детерминантах. С определенной мерой достоверности это допустимо, однако абсолютизировать роль цивилизационного подхода в геополитических исследованиях вряд ли правомерно. Последователями де ла Блаша были Ж. Ансель, Ж. Готтман. В частности, Готтман утверждал, что в определении могущества государства первоочередное значение имеют

географическое положение его территории, уровень коммуникаций и характер организации территорий, а не пространство само по себе. Так Готтман предвосхитил формирование транспортной геополитики.

Особое место в рамках цивилизационной программы занимают евразийцы – представители отечественной научной мысли. С полным основанием можно утверждать, что идейной основой евразийской геополитики явилось учение Данилевского о культурно-исторических типах, или цивилизациях. Законы развития цивилизаций, сформулированные Данилевским, дают основание для выявления геополитических закономерностей их пространственного функционирования. Вот эти законы:

1. Любые народы, говорящие на одном языке или принадлежащие к одной языковой группе, могут стать «культурно-историческим типом», если они духовно способны к историческому развитию.

2. Непременным условием развития цивилизации является политическая независимость.

3. Начала цивилизации невозможно передать от одного культурно-исторического типа к другому, возможны только взаимные влияния друг на друга.

4. Цивилизация достигает своего полного расцвета лишь в том случае, если ее «этнографический материал» разнообразен.

5. Каждый культурно-исторический тип проходит определенные ступени или «фазисы эволюции» по аналогии с жизненным циклом растений, животных и человека; цивилизации и народы, их составляющие, рождаются, достигают различных ступеней развития, стареют, дряхлеют и умирают».

Пожалуй, можно с полным основанием утверждать, что приведенные выше законы Данилевского, равно как и сформулированный им же закон цивилизационного разнообразия, представляют собой твердое ядро российского варианта цивилизационной программы геополитики. Сегодня, взяв на вооружение цивилизационный подход Хантингтона, мы волей-неволей обращаем внимание на историософские суждения Данилевского. «Большей

клятвы не могло быть наложено на человечество, — заявляет он, — как осуществление на Земле единой общечеловеческой цивилизации. Всемирное владычество должно, следовательно, страшить не столько своими политическими последствиями, сколько культурными. Не в том дело, чтобы не было всемирного государства, республики или монархии, а в том, чтобы не было господства одной цивилизации, одной культуры, ибо это лишало бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и совершенствования — элемента разнообразия» [41]. Такая идейная установка воплотилась позже в кибернетическом принципе разнообразия как необходимого условия функционирования, развития и управляемости больших систем, в т. ч. социальных.

Традиционная для классической европейской геополитики дихотомия Суши и Моря в евразийстве обретает совсем иное, континентальное выражение в парадигме евразийства — как борьба леса и степи. Именно в такой цивилизационной парадигме осуществил геополитическую интерпретацию отечественной истории Г. В. Вернадский. Оставляя в стороне историческую фактологию, обратим внимание на то, как Вернадский выделяет периоды в геополитической истории России: попытки объединения леса и степи (до зарождения государства Русь во второй половине X в.); борьба леса и степи (до монгольского нашествия в 1238 г.); победа степи над лесом (до конца татарского ига в 1452 г.); победа леса над степью (до начала правления Петра I); объединение леса и степи (до падения самодержавия в 1917 г.). Как отмечал сам Вернадский, понятия «леса» и «степи» употребляются здесь не в «почвенно-ботаническом их значении, а в совокупности их природного и исторически-культурного значения». Завершив же свое исследование именно в геополитическом ключе, он формулирует собственно цивилизационно-евразийскую программу исследования: «Государство, созданное русским народом в процессе исторического развития, не есть только политический механизм; это государство есть громадный историко-культурный организм; это государство есть особый мир — особая часть света... Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные

народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что есть их государство... Русский народ есть основная сила Евразийского государства; русский язык есть основная стихия евразийской культуры... Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие напряжением всех своих сил» [42]. Мы привели эти выдержки из «Начертания русской истории» Вернадского для того, чтобы подчеркнуть суть цивилизационной парадигмы геополитики, как она закрепились в отечественной теоретической мысли.

Для последней одним из ключевых понятий было понятие «месторазвитие», которое, наряду с Вернадским, детально разработал и обосновал его современник и соратник П. Н. Савицкий. Вернадский отмечал, что под «месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие сообщества, развивающиеся в этой среде». Савицкий же в работе «Географический обзор России—Евразии» определял месторазвитие как взаимное приспособление живых существ друг к другу в тесной связи с внешними географическими условиями, что создает особую гармонию и устойчивость среды. «Понятие “месторазвитие” останется в силе, — подчеркивал здесь Савицкий, — будем ли мы считать, что географическая обстановка односторонне влияет на социально-историческую среду (что равно географическому детерминизму — *И. К., Д. К.*), или, наоборот, что эта последняя односторонне создает внешнюю обстановку (что означает экономический детерминизм — *И. К., Д. К.*), или же мы будем признавать наличие процессов обоих родов. Мы считаем, что научной является только эта последняя концепция» [43].

Савицкий уделял столь большое внимание утверждению понятия месторазвития в геополитических исследованиях ввиду того, что он рассматривал Евразию самым масштабным месторазвитием, которое как бы «предсоздано», следуя его определению, для органического развития единого государства. Примечательно, что в качестве приложения к первому изданию «Начертания русской истории» Вернадского в Праге в 1927 г. были опубликованы «Геополитические

заметки по русской истории» Савицкого. Это было, пожалуй, первое использование термина «геополитика» в русскоязычной литературе (спустя два года, в 1929 г., А. Радо опубликует статью «Геополитика» в «Большой советской энциклопедии»). Более того, в рамках цивилизационной программы Савицкий определил новое направление в разрешении вековечного противопоставления Суши и Моря, или, иначе, Континента и Океана. Если немецкая геополитическая школа исходила из географической предопределенности их противостояния, то Савицкий обратил внимание на роль единого мирового рынка в этом противостоянии в современную эпоху. Морские цивилизации оказались в выигрышном положении благодаря дешевизне и удобству морских коммуникаций, объединяющих мировой рынок. Включение в мировой рынок континентальных цивилизаций, напротив, связано с огромными транспортными издержками. В работе «Континент—океан» (1921) Савицкий наметил выход из создавшегося критического для континентальных держав положения в необходимости воспроизведения в пределах континентального мира полноты господства принципа океанического мирового хозяйства. В таком случае обеспечивается хозяйственное взаимодополнение отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира.

Для обоснования такой геоэкономической стратегии Савицкий сформулировал положения о *внутриконтинентальных притяжениях*. Подобного рода притяжения становятся действенными в том случае, когда обмен для внутриконтинентальных производителей и потребителей становится выгодным без посредства мирового рынка. Одно из этих положений можно выразить в виде неравенства:

$$Z < X + A + B + Y,$$

где Z — стоимость провоза единицы товара от производителя к потребителю внутри континента (не используя морские коммуникации);

$X + A$ – стоимость перевозки того же товара через мировой рынок (X – стоимость сухопутной перевозки до порта, A – стоимость морской перевозки);

$B + Y$ – стоимость ввоза продуктов мирового рынка на континент (B – стоимость морской перевозки, Y – стоимость сухопутной перевозки от порта до потребителя).

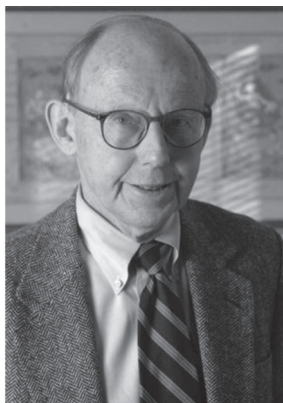
Второе положение, регламентирующее внутриконтинентальные притяжения, определяет их значимость в двух случаях:

1. Если сфера соприкасающихся внутриконтинентальных областей имеет наибольшее пространственное притяжение (для начала XXI в. это некогда нашумевший глобальный проект трансконтинентального пути ЕвРИКАот Лиссабона до мыса Дежнева – *И. К., Д. К.*).

2. Если эти области обладают наибольшим разнообразием экономического и культурного порядка.

Наконец, третье положение имеет непосредственное отношение к геостратегии: Савицкий обосновывает экономическую подчиненность римленда, морских держав влиянию континентальной геополитики. История XX в. показала весь спектр притязаний морских держав на континент Россия–Евразия. В свою очередь, Савицкий представляет континентальность как судьбу России: «Какой бы выход в Средиземное море или к Индийскому океану ни нашла бы Россия, морской прибой не принесет своей пены к Симбирскому “Обрыву”. И Симбирску, вместе с необозримым кругом других областей и мест России–Евразии, придется все так же ориентироваться не на обретенный выход к теплomu морю, но на присущую им континентальность...» [44]. Савицкого следует рассматривать как одного из основоположников геоэкономики, а потому его работы необходимо относить и к основным в русле политико-экономической научно-исследовательской программы.

Как уже отмечалось выше, в качестве современной цивилизационной программы следует рассматривать концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Он сам достаточно четко сформулировал утверждение, которое следует рассматривать как ядро его концепции, определившее структуру его книги «Стол-

«Столкновения цивилизаций являются наибольшей угрозой миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самым надежным средством предупреждения мировой войны»

С. Хантингтон.

«Столкновение цивилизаций»

Сэмюэл Хантингтон
(1927–2008)

кновение цивилизаций».

Хантингтон исходит из следующей основной идеи: в мире после окончания холодной войны основные «модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» определяются культурой и различными видами культурной идентификации. Следствием этой идеи как раз и выступают пять утверждений:

«Впервые в истории глобальная политика и многополюсна, и полицивилизационна; модернизация отделена от “вестернизации” – распространения западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации не-западных обществ.

Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей; незападные цивилизации вновь подтверждают ценность своих культур.

Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций.

Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к

конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным – с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью между мусульманами и не-мусульманами, вызывают “сплочение родственных стран”, угрозу дальнейшей эскалации конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны. Выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную... Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания» [45].

Государства, которые остаются основными акторами мировой политики, группируются в семь-восемь мировых цивилизаций. Хантингтон выделил на современной геополитической карте мира следующие цивилизации: 1) западную; 2) конфуцианскую (китайскую); 3) исламскую; 4) православно-славянскую; 5) японскую; 6) индуистскую; 7) латиноамериканскую; 8) африканскую (возможно). Глобальная политика становится политикой цивилизаций, а соперничество сверхдержав в период холодной войны сменилось столкновением цивилизаций. Основные отличия политического и экономического развития цивилизаций имеют корни в различии культур. Эти положения следует рассматривать как своеобразный «защитный пояс», перечень гипотез, подкрепляющих научную программу Хантингтона.

Довольно четко и вполне корректно формулирует свою программу цивилизационной геополитики отечественный исследователь В. Л. Цымбурский. Он, возражая некоторым авторам, сожалеющим по поводу якобы отсутствия «мировой интеллектуальной моды, которая снабдила бы Россию новой имперской идеологией», твердо заявляет: «Есть такая мода! Это мода на цивилизационную геополитику!» Цымбурский, признавая правомерность ряда положений цивилизационной геополитики Хантингтона, формулирует ряд положений в виде твердого ядра своей программы и предлагает концепцию Великого Лимитрофа (тело

«Россия, лишившись империи, лишилась выхода в Европу, лишилась выходов на Ближний и Средний Восток. Россия лишилась выхода на все пространства, от которых сейчас зависит судьба мира, выстраиваемого Западом»

Вадим Леонидович Цымбурский
(1957–2009)

программы), что следует рассматривать как прогрессирующую программу. Эти положения программы Цымбурский представил следующим образом:

- «различие для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии;
- тезис об отсутствии непреходимых границ между перифериями соседних цивилизаций;
- как рецепт практической стратегии – ставку на консолидацию и развитие цивилизационного ядра, наряду со взвешиванием и определенным ограничением обязательств стран ядра в отношении периферии».

Указывая на ограниченность цивилизационной политики Хантингтона, делающего ставку на столкновение цивилизаций, Цымбурский обращает внимание на необходимость формулировки геополитического инструментария («защитного пояса», а также позитивной и негативной эвристик) «для изучения многообразных отношений между ядрами цивилизаций и их окружением, который выявлял бы возможности и опасности, проистекающие из этих отношений» [46]. Надо отметить, что Цымбурский разрабатывает свою программу применительно к осмыслению статуса российской цивилизации, охватываемой Великим Лимитрофом в Евразии. Однако с полным основанием ее можно будет использовать для определения конфигурации ядер и периферии всех современных гецивилизаций, их генезиса, связей и отношений.

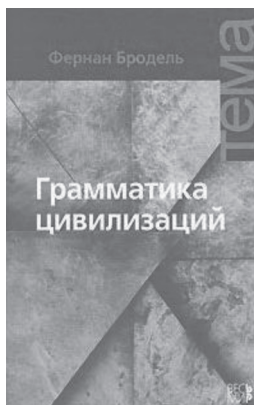
Определенным шагом в развитии цивилизационной программы в геополитике мы бы назвали предложенную В. А. Дергачевым в

качестве «защитного пояса» программы Хантингтона концепцию многомерного коммуникационного пространства. Речь идет о реализации человеческой деятельности в конкретном географическом, историческом, социокультурном, экономическом, информационном пространствах. По сути дела, Дергачев предпринял довольно интересную попытку представить межцивилизационные взаимоотношения в различных странах многомерного коммуни-

Фернан Бродель
(1902–1985)

Владимир Александрович
Дергачев
(род. в 1945 г.)

Основные научно-исследовательские программы геополитики

Программа	Представители	Твердое ядро
Органицистская	Ф. Ратцель Р. Челлен К. Хаусхофер А. Грабовский	- государство — живой организм - пространство — сила - пространственная экспансия государства делает его сильнее
Мировое пространство как единый организм	А. Мэхэн Х. Макиндер Н. Слайкмен Д. Мейнинг С. Коэн Зб. Бжезинский	- мировое пространство — единый организм - государство — часть мирового организма - мировое лидерство заключается в контроле над ключевыми зонами в мировом пространстве: хартлендом и римлендом - мировое пространство включает центры мировой мощи, но имеет один центр глобального управления
Цивилизационная	Н. Я. Данилевский В. де ла Блаш К. Валло Л. Февр Ж. Ансель Ж. Готтман Г. В. Вернадский П. Н. Савицкий С. Хантингтон В. Л. Цымбурский	- государство — политическая структура, появляющаяся в ходе развития первичных ячеек древних цивилизаций - человек есть один из географических факторов - пространство — потенциал развития государства - противоречия между государствами хартленда и римленда разрешимы - могущество государства определяется его географическим положением, коммуникациями и характером организации территории

		<ul style="list-style-type: none"> - месторазвитие как единство географической среды и человеческого общества, обеспечивающее устойчивое развитие последнего - геоэкономика государств определяется их принадлежностью к внутриконтинентальному или морскому притяжению - акторами глобальной геополитики выступают не только государства, но и их объединения в виде мировых цивилизаций - мир многополярен - мировой порядок определяют мировые цивилизации - столкновение цивилизаций обусловлено, в первую очередь, социокультурными противоречиями
--	--	---

кационного пространства бытия мировых цивилизаций [47].

Ценность цивилизационной программы, как научная, так и социальная, жизненная, заключается, на наш взгляд, в ее обращенности к нуждам и потребностям каждого из нас. «Любому, кто интересуется современным миром, – мудро наставлял Ф. Бродель, – и любому, кто желает участвовать в нем, весьма полезно знать, как рассмотреть на карте действующие ныне цивилизации, а также определить их границы, их центры и периферии, области их существования и атмосферу, общие и частные формы их проявления. Иначе можно сделать вопиющую ошибку!» [48]. Сопоставим рассмотренные выше научные программы геополитики по исходным положениям (твердое ядро программы) в табл. 1.

Итак, рассмотренные выше основные программы геополитических исследований позволяют говорить, во-первых, о наличии внутренней логики развития геополитической мысли, получающей выражение в русле различных научных школ, в конкретных геополитических теориях. Во-вторых, следует утверждать объективный характер теоретических утверждений в виде твердого ядра геополитической программы, несмотря на попытки их политической ангажированности. В-третьих, научные программы геополитики имеют определенную национальную выраженность, что обусловлено главным образом принадлежностью того или иного государства к римленду или хартленду.

§ 4. Диалектика геополитики и хронополитики

Достоянием общественного сознания в нашей стране становятся геополитика и хронополитика как разделы политического знания. Принципы этих разделов выступают своеобразными императивами политического сознания и действия в формирующемся глобальном мире. В первом приближении классификация и содержательный анализ этих принципов могут быть осуществлены как конкретное выражение диалектических принципов связи, развития системности и целостности. Так, в геополитике *принцип связи* получает конкретное воплощение в *принципе большого простран-*

ства, согласно которому геополитический статус и национальный суверенитет государства зависят от географического местоположения, сложившихся историко-культурных зон, а также от экономического, политического и военного могущества государства. В свою очередь, в хронополитике этот принцип выступает как *принцип примата политики по отношению к истории и будущему*. Согласно этому принципу политика в XX в. выступает движущей силой истории, а будущее, с другой стороны, есть продукт этой истории. *Принцип развития* в геополитике может быть представлен как *принцип стратегических блоков*: государство, либо стратегические блоки государств, в своем историческом развитии следуют тенденции пространственного расширения территорий вплоть до естественных границ (реки, побережья, горы). В хронополитике этот принцип разворачивается в *принцип единства политического времени*. Это единство предстает в последовательном развитии (в пределах человеческой жизнедеятельности, социального прогресса) культуры первого времени (трудовая деятельность), культуры второго времени (досуг) и культуры третьего времени (участие в общественной, политической деятельности). Более того, в рамках хронополитики обретает теоретический статус глобальное политическое прогнозирование, предмет и задачи которого – выявление тенденций становления будущего в точках бифуркаций.

Если геополитика предстает как видение и перестройка политического пространства, властных отношений различного масштаба вплоть до глобального, то хронополитику следует рассматривать в аналогичных процедурах по отношению к политическому времени. Более того, хронополитика предстает как проектирование будущего. Иначе говоря, геополитика и хронополитика образуют органическое единство и дополняют друг друга в процедурах проектирования глобального пространственно-временного политического континуума. Эти процедуры проектирования опираются также на *принцип системности*, в соответствии с которым все государства и блоки государств классифицируются как сухопутные и морские, по принадлежности к мировым цивилизациям (западно-европейской, русско-евразийской, тропи-

чески-африканской, арабо-мусульманской и др.) или регионам земного шара. Под эту геополитическую (точнее, геэкономическую) классификацию подпадает подразделение населения земного шара на «золотой миллиард» и остальную часть человечества. Десятки субъектов власти, определяющих содержание и характер властных отношений, представляют такие их основные сферы, как экономическая, социальная, политическая и духовная власть. В контексте хронополитики ключевой проблемой глобального политического прогнозирования является анализ феномена глобальной власти, охватывающей сферы властных отношений.

Наконец, *принцип целостности* обретает конкретные контуры в геополитике и хронополитике, во-первых, как *принцип единства геополитического образования*, согласно которому государство или блок государств (то же содружество независимых государств) способно эффективно выжить в составе единого цивилизационного мира (к примеру, Россия как основа русско-евразийской цивилизации). В контексте хронополитики принцип целостности позволяет расширить основу прогностического знания, включая в нее, помимо научно-рационалистических устоев, иные существенные звенья духовной культуры – моральные нормы, социальные ценности и верования. Иначе говоря, культура в целом, а не только наука, становится основой глобального политического прогнозирования, т. е. речь идет о принципе *примата культуры в глобальном политическом прогнозировании*. Далее, исходя из рассмотренных выше принципов, необходимо утверждать *аксиомы геополитики*, имеющие непосредственное отношение к России: сохранение больших пространств и естественных, исторически сложившихся границ России в Евразии, сохранение полиэтнического состава на основе историко-культурных зон, сохранение геополитических кодов, ориентация на мировые центры силы, утверждение геополитического сознания в системе форм общественного сознания.

Итак, политическое пространство представляет собой способ существования политических отношений и реализаций политической деятельности. В свою очередь, политические отношения выступают как взаимодействие субъектов политики по поводу ов-

ладения, использования и перераспределения политического бытия, которые и представляют собой политическое пространство (и политическое время). Политическое пространство находится в пределах границ политической активности и ее реализации в политической культуре, политическом поведении и политических действиях. Политическая деятельность, то есть деятельность субъектов политики (ими могут выступать индивид, нация, социальный класс, политическая партия, государство и какие-либо государственные объединения, мировое сообщество), реализуется на международном, национально-государственном, региональном уровнях. В соответствии с этим российское политическое пространство может быть рассмотрено в трех измерениях: 1) Россия в мировом геополитическом пространстве; 2) Россия в окружении стран «ближнего зарубежья»; 3) Россия в единстве ее регионов.

Современная Россия в мировом геополитическом пространстве идентифицируется с сердцевиной Евразии, которую еще в начале XX в. один из основателей геополитики Макиндер называл осевым регионом мировой политики. Причем Макиндер формулирует важное положение, характеризующее суть политического пространства следующим образом: «баланс политического могущества в каждый конкретный момент является, безусловно, с одной стороны, результатом географических, а также экономических и стратегических условий, а с другой — относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов» [49]. Хронополитика есть смена состояний политических отношений, которая характеризуется длительностью, последовательностью, периодичностью. Политическое время одномерно, необратимо. Развитие и функционирование политических процессов во времени выступает как непрерывное, так и как прерывное, дискретное. Временная структура политических отношений предполагает выделение определенных типов: *компромисс, конфликт, солидарность, соперничество, вражда, политическое управление, политическое владение* и т. д. Каждый из них может быть охарактеризован длительностью соответствующего политического феномена в общественной жизни, периодичностью их появления и обострения,

определенной сменяемостью и связью с повседневной жизнью людей. Политическое время следует рассматривать как разновидность времени социального (наряду с историческим и социокультурным), основными типами социального времени являются *линейный и циклический*. Циклический тип социального времени присущ традиционным обществам и получает соответствующее истолкование в древних мифах и ранних исторических повествованиях. Деятельность современных политических институтов представляет собой антиэнтропийный характер, что препятствует возвращению общества из линейного в циклическое время и, с другой стороны, позволяет регулировать временные параметры различных взаимодействующих между собой социальных процессов. Здесь важно отметить следующее:

– наиболее динамичным является время политических преобразований;

– временной период экономических преобразований и формирования соответствующих управленческих инфраструктур оказывается более продолжительным, нежели время политических преобразований;

– наиболее длительным является время протекания глубинных социокультурных процессов, связанных с архетипами этнического и национального самосознания.

Такое различие в длительности социальных процессов необходимо учитывать как в геополитических исследованиях, так и в глобалистике.

§ 5. Геополитические концепции эпохи холодной войны

Рассмотренные выше концепции основателей геополитики явились теоретическим фундаментом для построения геополитических стратегий во второй половине XX в. Ключевыми среди них следует назвать атлантизм, мондиализм, «региональную геополитику», геополитику «новых правых» и неоевразийство. Остановимся на них подробнее.

Стратегия атлантизма. Стратегия атлантизма опиралась в основном на идеи Х. Макиндера и Н. Спайкмена и получила раз-

вите в работах ряда американских ученых. Так, Д. Мэйнинг предложил метод культурно-функционального анализа, согласно которому все евразийское пространство в соответствии со своей культурно-функциональной предрасположенностью делится, как отмечалось выше, на три региона:

1) Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа (включая Пруссию), Прибалтика, Карелия – т. е. пространства, тяготеющие к хартленду (России–Евразии);

2) Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия – геополитически нейтральные пространства;

3) Западная Европа, Греция, Турция, Иран, Пакистан, Таиланд – пространства, тяготеющие к римленду.

Мэйнинг включает в геополитическую картину мира факторы, учитывающие функциональную ориентацию населения и государства, а не ограничивается лишь сугубо географическими параметрами цивилизационных пространств. Еще один важный элемент в стратегию атлантизма включил У. Кирк. Опираясь на тезисы Спайкмена о ключевом положении римленда в геополитическом балансе сил и на метод культурно-функционального анализа Мейнинга, Кирк конструирует историческую модель, в которой цивилизации римленда оказываются источником культурных импульсов, направленных внутрь континента. С. Коэн, продолжая эту линию рассуждений, подразделяет большие геополитические пространства, т. е. каждый регион планеты, на четыре составляющие (рис. 1):

1) внешняя морская среда;

2) континентальное ядро, или *interland* (удаленные от побережья внутренние регионы);

3) дисконтинуальный пояс, т. е. береговые сектора, ориентированные на континентальное ядро либо на внешнюю морскую среду;

4) геополитически независимые регионы [50].

Рассмотренные выше элементы геополитического анализа послужили основой стратегии атлантизма, предполагающей полный

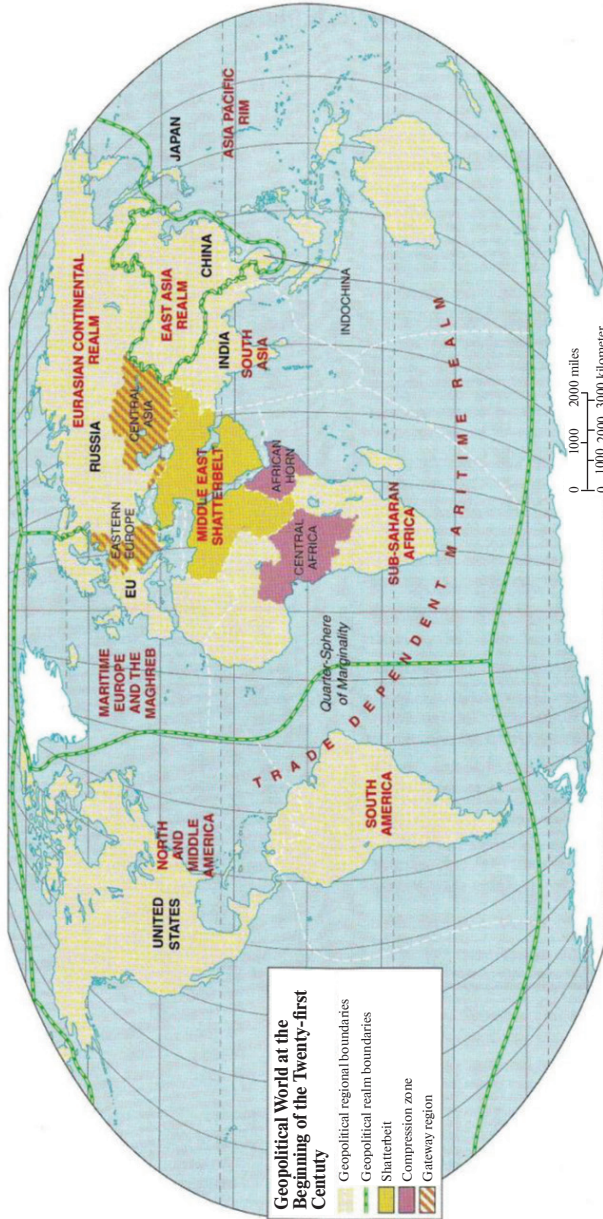

Рис. 1. Большие геополитические пространства (по Коэну)

контроль над Советским Союзом и его союзниками со стороны США. Доктрина, утверждающая подобный контроль, получила название «Linkage», т. е. стратегия «Анаконды», согласно которой из отдельных береговых зон должны быть образованы дисконтинуальные пояса вокруг Советской Евразии. Дело в том, что с геополитической точки зрения блок НАТО изначально контролировал весь американский континент и почти всю береговую зону Евразии, а блок Варшавского договора был стратегически завершен лишь на севере и востоке. Практически к началу 1990-х гг. доктрина «Linkage» доказала свою эффективность. Сработали не столько идеологические, сколько геополитические закономерности.

Несмотря на ряд неоспоримых преимуществ СССР и других стран — участниц Варшавского договора (культурно-цивилизационных, экономических, природных, военных и др.), им были присущи и недостатки геополитического характера. К ним относятся, в первую очередь, большая протяженность сухопутных границ, в то время как США стратегически полностью защищены морскими границами и находятся вне зоны потенциальных конфликтов. Это позволяло создать сложную систему геополитического распределения силовых «ядер» и дисконтинуального пояса вокруг евразийского «Большого пространства». В конечном счете стратегия атлантизма привела к поражению СССР в холодной войне, и только будущее покажет, насколько верным был его отказ от жестких действий, нацеленных на преодоление доктрины «Linkage» и на победу Суши над Морем.

Победа США в холодной войне (римленда над хартлендом в геополитическом плане) обусловила необходимость формирования новых концептуальных схем. Одна из них, неоатлантическая, может быть представлена работами С. Хантингтона. Эта объяснительная схема исходит из появления в геополитической картине мира нескольких зон, которые, наряду с Евразией, противостоят Западу (в этом смысле она трактуется как пессимистическая). Другая схема (оптимистическая), признающая победу Запада в холодной войне окончательной, уповает на наступление эры единой цивилизации по западному образцу. В этом русле на осно-

ве утверждения «конца истории» (Ф. Фукуяма) строится теория мондиализма. Остановимся на них подробнее.

«В мире, который сформировался после окончания холодной войны, – писал в 1996 г. С. Хантингтон, – глобальная политика впервые в истории обрела многополюсный характер и одновременно стала учитывать взаимодействие многих цивилизаций». Ученый выдвинул идею, которая вполне четко коррелирует с методологическим принципом, ориентирующим на анализ социокультурной динамики геополитических реалий: в современном мире основные различия между людьми, странами, цивилизациями носят не экономический и идеологический, а культурный характер. Хантингтон утверждает, что в «новом мире» на уровне этнических отношений осуществляется региональная политика, а на уровне отношений между цивилизациями (их он насчитывает восемь – западную, славяно-православную, китайскую, японскую, исламскую, индуистскую, латиноамериканскую, африканскую) – глобальная политика. Культурный характер различий между странами и цивилизациями ведет к межцивилизационным столкновениям, конфликтам по демаркационным линиям, главная из которых проходит по линии, «отделяющей народы, которые представляют западно-христианскую традицию, от мусульман и православных». Итак, цивилизационные различия становятся важнейшими геополитическими факторами после окончания холодной войны. Среди рекомендаций, ориентированных на укрепление стратегических позиций западной цивилизации, Хантингтон предусматривает:

- интеграцию в нее обществ других цивилизаций, чьи культуры близки к западной;
- укрепление отношений с Россией и Японией;
- поддержание социальных групп, ориентирующихся на западные ценности;
- обеспечение военного превосходства на Дальнем Востоке и в Юго-Западной Азии;
- усиление роли международных институтов, отражающих западные интересы и ценности и т. д.

Кредо неоатлантизма, представленного Хантингтоном: после развала СССР противостояние между ним и Западом сменилось противостоянием Запада и всего остального мира, что будет определять геополитические сценарии XXI в. В том же ключе анализирует геополитическую ситуацию З. Бжезинский. Жизненно важно для Америки, утверждает он, чтобы «на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке». Неоатлантизм Бжезинского предельно прост и однозначен: «Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства». Разумеется, Бжезинский ведет речь о глобальном главенстве США по следующим параметрам: 1) впервые в истории одно государство является действительно мировой державой; 2) государством, превосходящим все другие в мировом масштабе, является неевразийское государство и 3) центральная арена мира – Евразия – находится под превалирующим влиянием неевразийской державы [51].

Мондиализм. Мондиализм (от франц. Monde – мир) представляет собой идеологическую конструкцию, согласно которой все государства и народы сольются в единое планетарное образование, в котором будут ликвидированы этнические, национальные, религиозные и культурные границы. Управлять же этим образованием будет некое мировое правительство. Идеи мондиализма воплотились при создании Лиги наций (1919), ООН (1945), ЮНЕСКО (1946). Помимо них были созданы неофициальные организации – «Совет по международным отношениям» (1921), «Бильдербергский клуб» (1954) и «Трехсторонняя комиссия» (1973). Среди авторов геополитических проектов мондиалистов находятся такие адепты неоатлантизма, как З. Бжезинский, Г. Киссинджер, Дж. Болл. Основная идея мондиалистов – переход к единой мировой системе под эгидой Запада. В русле мондиализма создавались теория конвергенции, геоэкономика Ж. Аттали, концепция «конца истории» Ф. Фукуямы. Теория конвергенции основывалась на том, что в результате сближения социализма и капитализма будет создана новая цивилизация. Ж. Аттали рассматривает геоэко-

номику как чисто экономическую реальность, представленную мировыми биржами, информационными центрами, крупными производствами и районами добычи полезных ископаемых. Геоэкономика абстрагируется от истории, культуры этносов, населяющих то или иное географическое пространство, и поэтому она прагматична, утверждая наступления «эры денег». «Конец истории» Фукуяма связывает с распадом СССР и началом нового планетарного состояния под эгидой рынка и демократии, которые объединят мир в рационально функционирующую машину.

«Новые правые». На европейском континенте геополитика развивалась в трех основных направлениях: школа Ива Лакоста, геополитика «новых правых» и неоевразийство Л. Н. Гумилева. Возрождение геополитических исследований в Европе, связанное с началом издания в 1976 г. журнала «Геродот», который основал Ив Лакост, было связано с деглобализацией геополитики. Она обретает сугубо прикладной характер, ориентированный на решение узкорегionalных проблем. Наиболее влиятельным направлением в геополитических исследованиях на европейском континенте была возникшая в конце 1960-х гг. во Франции школа «новых правых». Лидером ее был философ Ален де Бенуа, утверждавший принцип «континентальной геополитики». Согласно этому принципу, будущее принадлежит «Большим пространствам», которые представляют собой не блоковое политическое объединение государств, а объединение этнических групп в единую «федеральную империю». «Федеральная империя», будучи дифференцированной в этническом отношении, строится на единстве изначальной культуры, которое определяет ее, империи, стратегическое единство. Одним из таких «больших пространств» является Европа, по отношению к которой Бенуа выдвигает два принципа. Первый — принцип «общего прошлого», согласно которому народы Европы имеют общее индоевропейское происхождение. Второй — принцип «общего будущего», который вытекает из концепции объективно протекающих процессов экономической и политической интеграции. Для школы «новых правых» характерно противопоставление понятий «Европа» и «Запад». «Европа» понимается как кон-

тинентальное геополитическое образование, субъектом которого выступает этнический ансамбль индоевропейского происхождения, имеющий общие культурные корни. Понятие «Запад» применимо к современной утилитарной, постиндустриальной цивилизации, крайней формой выражения которой выступает США. Понятие «Европа» включает в себе социокультурный и исторический смысл, в котором фиксируется различие культурных и цивилизационных начал. Важно отметить, что в рамках школы «новых правых» получил распространение тезис *«Прежде всего Европа, но лучше даже с Востоком, чем с Западом»*, выражающий идею союза Европы с Россией. Тем самым «новые правые» высказывают антиатлантистские и антимондиалистские настроения, что характеризует их как теоретических маргиналов.

Более радикальных взглядов придерживается бельгийский ученый Жан Тириар, считавший себя «европейским национал-большевиком». Взгляды Тириара основывались на принципе «Больших пространств», сформулированном еще в середине XIX в. немецким экономистом Ф. Листом. Следуя этому принципу, полагает Тириар, европейские государства должны объединиться, как он стал утверждать в конце 1970-х гг., с Советским Союзом, в результате чего будет создана «Евро-советская империя от Владивостока до Дублина».

Идею создания «Евро-советской империи» на основе этнокультурной дифференции развивает итальянский ученый Карло Террачино. Но в обосновании идеи создания антиатлантистского, антимондиалистского блока он идет дальше Тириара. Важная роль в борьбе с атлантизмом должна отводиться исламскому миру, а Европа представляет собой плацдарм русско-исламского антимондиалистского блока. Исламский мир предстает выразителем континентальных геополитических интересов, реализация которых может способствовать европейскому возрождению.

Французский писатель Жан Парвулеско положил начало новому жанру – «геополитической беллетристике», которая представляет романтическую версию геополитики. История челове-

ства предстает как история борьбы за власть, могущество, которое является основой цивилизации. В эту борьбу включаются на протяжении многих веков короли и генералы, патриархи и финансисты, революционеры и мистики, ученые и художники, словом, все те, кто образует «орден евразийцев» и «орден атлантистов». Геополитический прогноз Парвулеско пронизан постмодернистской идеологией, помноженной на пафос возрождения евразийского могущества.

Идеи «новых правых» как постмодернистский вариант геополитики находят в миропонимании Парвулеско статус утверждения социокультурных архетипов, присущих евразийским этносам со времени их зарождения в ходе неолитической революции. «Новые правые», вдохновленные идеями «геополитической беллетристики» Парвулеско, ратуют за возрождение могущества евразийского континента на основе «общей истории» и «общей судьбы» и отторжение атлантизма и мондиализма. «Зов предков» — вот тот социокультурный архетип, который закладывается в основу геополитического сценария и идеологических доктрин. С другой стороны, «общая судьба» евразийского континента находится под угрозой возможного геополитического альянса США и Китая. В различных геополитических сценариях (Ж. Тириара, К. Террачино, Ж. Парвулеско) России отводится некая мессианская роль спасителя Европы, всего евразийского континента от атлантистских притязаний.

Примечания

1. Шестова Т. Л. Глобальный историзм и его роль в развитии знаний об обществе. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 82, 178.
2. Grundlagen, Wesen und Ziele der Geopolitik // Bausteine der Geopolitik. Berlin, 1928. S. 4.
3. Ратцель Ф. Политическая география // Землеведение. 1898. Кн. I—II. С. 52.
4. Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классики геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М., 2003. С.29.

5. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. СПб., 2005. С. 123–127.
6. Военная стратегия. М., 1968. С. 253.
7. См. подробнее: Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004. С.171–177.
8. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 21.
9. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989. С. 50.
10. Глобальные проблемы современности / Под ред. Н. Н. Иноземцева. М., 1981. С. 5, 251–255.
11. Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя. СПб., 2006. С. 10.
12. Василенко И. А. Политическая философия. М., 2004; *Она же*. Геополитика современного мира. М., 2006. С. 36, 47, 66.
13. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М., 1970. С. 19–20.
14. Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Землеведение, 1898. Кн. I–II. С. 52–54.
15. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 18, 256.
16. Дугин А. Г. Основы геополитики. М., 1999. С. 729.
17. Дугин А. Г. Основы геополитики. М., 1999. С. 729, 733, 735.
18. Мотрошилова Н. В. Идеи Единой Европы: философские традиции и современность // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / Под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова. М., 2005. С. 20–21.
19. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии и истории. СПб., 1993. С. 57, 59, 60, 63, 125.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 208.
21. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003. С. 66–79.
22. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С. 245–246.
23. Фуше Мишель. Европейская республика // Геополитика: Антология / Сост. Н. Н. Ашенкампф, С. В. Погорельская. М., 2006. С. 675.

24. Парвулеско Ж. Геополитика третьего тысячелетия // Дугин А. Г. Основы геополитики. М.; 1999. С. 885, 887, 888.

25. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М., 2007.

26. Кефели И. Ф. Политическая регионалистика. СПб., 2005; Нурышев Г. Н. Регионы современной России: геополитические детерминанты. СПб., 2005.

27. Изгарская А. А. Реконструкция геополитических концепций // Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2002; Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемных измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России. Новосибирск: Изд. ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012. 250 с.

28. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 75–85.

29. См.: Геополитики и геостратегии. Хрестоматия Ч. 2. Кн. 1 / Под ред. Б. А. Исаева. СПб., 2004. С. 50; Геополитика. Антология / Сост. Н. Н. Ашенкамф, С. В. Погорельская. М., 2006. С. 203.

30. Kjellen R. Der Staat als Lebensform. Berlin, 1917. S. 53.

31. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю 1660–1783. М.–Л., 1941. С. 21–23.

32. Mackinder H. Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1962. P. 113.

33. См. подробнее: Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубов К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. М., 2004.

34. Spykman N. America's Strategy in World Politics. Hamdem, 1942. P. 41.

35. Meining D. W. Heartland and Rimland in Eurasian History // West Politics Quarterly. 1956. Vol. IX. P. 553–569.

36. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1998. С. 53.

37. Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 189.

38. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемных измерениях: внешние и вну-

тренние факторы динамики современной России. Новосибирск: Изд. ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012. С. 58–78.

39. Василенко И. А. Геополитика современного мира. М., 2006. С. 146.

40. Цит. по: Геополитики и геостратеги. Хрестоматия. Ч. 2. Кн. 2 / Под ред. Б. А. Исаева. СПб., 2004. С. 89.

41. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 426.

42. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 37–38, 281–282.

43. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 25; Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 293.

44. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 406–412, 418.

45. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 15–16.

46. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 183, 186, 237.

47. Дергачев В. А. Цивилизационная геополитика. Киев, 2004. С. 49–65. См. также: [Электронный ресурс] URL: www.dergachev.ru.

48. Braudel F. On History. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 210–211; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М., 2003. С. 45.

49. Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классики геополитики. XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М., 2003. С. 29.

50. Cohen S.V. Geography and politics in a divided world. N-Y, 1963.

51. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее стратегические императивы. М., 1998. С. 12, 53, 234.

Глава II

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

---

§ 1. Понятие глобальной истории в геополитическом дискурсе

В глобальной политической истории выделяются следующие геополитические эпохи:

– **Вестфальская** (1648–1814 гг.), основанная на принципах баланса сил и национального суверенитета.

– **Венская** (1814–1914 гг.), основанная на принципе «европейского концерта», приведшего к утверждению многополярного мира на евразийском континенте.

– **Версальско-Вашингтонская** (1919–1939 гг.), в рамках которой реализовались итоги Первой мировой войны и возникло первое в мире социалистическое государство.

– **Ялтинско-Потсдамская** (1945–1991 гг.) – победа СССР в Великой Отечественной войне, коалиции СССР, США и Великобритании – во Второй мировой войне и зарождение мировой системы социализма, что привело к установлению биполярного мира в условиях холодной войны.

– **Беловежская** (1991 г. – по настоящее время, ее еще называют Post Cold-War era) – эпоха после завершения холодной войны, которая характеризуется претензиями США на утверждение однопольного мира и усилением тенденции формирования новой конфигурации многополярного мира.

Прежде чем мы рассмотрим эти эпохи подробнее, следует отметить, что в социокультурном знании историческая эпоха вообще понимается как определенный исторический отрезок времени, единый в сущности и внутреннем содержании и имеющий какие-либо характерные особенности. Зарождение понятия исторической эпохи относится ко времени европейского Возрождения. Для средневековых хронистов временной интервал эпохальных или частных событий ограничивался двумя крайними точками –

Сотворением мира и Страшным судом, вне которых какой-либо истории и не было. Она — лишь линейная последовательность создания, основания чего-либо, будь то государство, династия, город. Средневековые хроники строились по принципу *usque ad tempus scriptoris* — вплоть до времени пишущего, т. е. описание доводилось до настоящего времени. Каждые последующие хроники, как правило, переписывались и дополнялись описаниями последующих событий. Эпоха Возрождения ознаменовалась тремя «открытиями»: восприятием и признанием античного наследия как своего прошлого, великими географическими открытиями и зарождением основ опытного естествознания. Поэтому границы исторического знания расширились во времени далеко в прошлое (какая смелость — до Сотворения мира!), а историческое знание о будущем обрело форму утопии как предвосхищения создания идеального общественного строя на основе критики существующего (опять же какая смелость — невзирая на Страшный суд!). Расширились и пространственные границы знания о мире — на запад, восток и юг. В ренессансном мировоззрении представления об исторических эпохах основывались на принципе антропоцентризма, деятельностного начала человеческой личности.

Одним из первых положений концепции исторических эпох следует признать понятие эпохального исторического события, делящего прошлое на древнюю и новую историю. Понятие «античность» (*antiquitas* — древность, старина) обозначало древнюю историю. Начало новой истории связывалось с какими-либо событиями, которые означали завершение древней истории, относящееся к падению в 476 г. Западной Римской империи Ромула Августула. По сути дела эта новая история начиналась как средневековая история: *media antiquitas* — средняя античность, *media aetas* — средние века, *medium aevum* — средний век. В конце XVII в. была предложена концепция трех исторических эпох: *древняя* (завершилась правлением императора Константина Великого, в 330 г. перенесшего столицу Римской империи в Константинополь и принявшего в конце жизни христианство), *средняя* (завершилась падением Константинополя в 1453 г.) и *новая* (наступила после

распада Византийской империи). Данная концепция родственна современной периодизации эпох всемирной истории.

Геополитическая эпоха предстает как измеряемая в социокультурном пространстве и времени конфигурация «силовых полей» государств на международной арене. Геополитические эпохи сменяются в ходе передела мира и утверждения государственно-национальных интересов, которые присущи тому или иному государству на протяжении всей истории его существования. Сталкивание интересов на международной арене, выражающих императивы безопасности и территориальные притязания, проблемы укрепления экономического могущества и определения этнической самоидентификации в каждом конкретном случае предстают как определенный пространственно-временной срез геополитической эпохи.

Первые две из указанных выше геополитических эпох характеризуют сугубо европейскую историю. Азиатский континент имел свою историю, мало пересекающуюся с историей европейской. С собственно географической точки зрения история Евразии охватывает историю двух частей света – Европы и Азии, Запада и Востока, – которые имели разную ритмику социально-политического развития и периодизацию исторических эпох. Предложенная периодизация геополитических эпох, во-первых, относится к политической истории, которую, вслед за Гегелем, следует признать как *частичную историю* (наряду с историей искусства, религии, права, науки и др.), предвещающую непосредственный переход к *философской всемирной истории* (этот вопрос подробно был рассмотрен в главе 1). Политическая история, будучи одним из подвидов рефлексивной истории, стремится к установлению общих точек зрения, которые, если оказываются в своей сути истинными, выступают «не только внешней нитью, внешним порядком, но и внутренней душой, направляющей сами события и факты», что и приводит к философской истории, которая, согласно Гегелю, означает не что иное как мыслящее рассмотрение самой истории. Во всемирной истории (в том числе и в политической истории) мы имеем дело лишь с *настоящим*, поскольку философия

имеет дело с тем, что вечно наличествует, заключая в себе все предшествующие ступени всемирной истории как проявление идеи духа. Эта «идея духа» как раз и предстает в виде целостного знания, познавательных принципов и мировоззренческих установок концепции геополитических эпох. И если всемирную историю мы можем рассматривать сквозь призму концепции трех исторических эпох (и то с определенными ограничениями), то политическая история своя у каждого государства – большого или маленького, имеющего многовековую историю или же недавно появившегося на политической карте мира. Вестфальская и Венская геополитические эпохи охватывали политическую историю государств Европы. Версальская эпоха начинает объединять геополитическую историю Европы и Азии. Все последующие эпохи являются выразителями действия закономерностей глобальной геополитики.

Применительно к русской истории следует говорить о шести геополитических эпохах, которые, помимо упомянутых выше, включают эпоху, связанную с образованием Московского государства. Ему предшествовала 600-летняя история Киевской Руси и периода феодальной раздробленности, монголо-татарского ига и собирания земель вокруг Москвы. Геополитическая эпоха Московского царства в истории России была связана с укреплением ее государственного могущества, его освящением в историософском учении «Москва – Третий Рим», а также выходом России на международную арену. Сказанное выше дает основание утверждать, что эпоха становления Московского царства на рубеже XV–XVI вв. предстает как первая эпоха российской геополитики.

§ 2. Вестфальская геополитическая эпоха

Вестфальская геополитическая эпоха явилась продуктом эпохи Великих географических открытий, которая привела к изменению геополитических интересов европейских государств. В это время начинается формирование Европы как единого целого. В политической жизни Западной Европы XVI в. был отмечен

формированием централизованных государств на национальной основе по преимуществу в форме абсолютных монархий. Это — Англия, Франция, Испания, Португалия, Дания, Швеция, а также Республика Соединенных провинций, появившаяся в Нидерландах как результат освободительной борьбы против Испании. Формирование национальных государств и утверждение их полного суверенитета входило в противоречие со средневековым принципом универсальной христианской империи и власти императора как светского главы католического мира.

Изменилась и конфессиональная ситуация в Европе. Реформация привела к отпадению от католического мира значительной части германских земель, Швейцарии, Англии, Дании, Швеции, Норвегии, Республики Соединенных провинций. Возникло противостояние католических и протестантских стран. Конфессиональный принцип был положен в основу формирования межгосударственных союзов и военных конфликтов вплоть до середины XVII в. Такое положение нарушало единство христианской Европы и ослабляло ее в борьбе с мусульманской экспансией в лице Османской империи. Международные противоречия и конфликты не были окончательно разрешены на протяжении XVI в., продолжали и во многом определяли политику государств в XVII в.

Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. явилась первой войной общеевропейского масштаба. В ней столкнулись две линии политического развития Европы. Средневековая политическая традиция, воплощенная в стремлении к созданию единой христианской монархии, где понятия «государство» и «интересы нации» никак не совмещались, была связана с политикой австрийских и испанских Габсбургов. Они же находились во главе католической реакции в Европе. Другой принцип политического развития реализовался в Англии, Франции, Голландии и Швеции и предполагал создание сильных государств на национальной основе. Во всех государствах, кроме Франции, преобладал протестантизм. Экономическое развитие государств также протекало различно. В антигабсбургской коалиции состояли страны, в которых раз-

вивался капиталистический уклад. Для России, непосредственно не участвовавшей в войне, но с позицией которой должны были считаться оба враждующих лагеря, основной задачей внешней политики являлась борьба с польской агрессией. Поэтому вполне естественно, что она была заинтересована в поражении союзницы Польши – Габсбургской монархии. Противоречия со Швецией в этой ситуации отступали на задний план. В военном конфликте между европейскими государствами прямо или косвенно участвовала Турция.

Вестфальский мирный договор был заключен после долгих переговоров 24 октября 1648 г. одновременно в Мюнстере и Оснабрюке. Его основные положения сводились к уступкам (главным образом со стороны Габсбургов и их союзников), закрепившим разделение Европы на два религиозно-политических лагеря. Вестфальский мир изменил облик Европы, увенчав собой многолетний период религиозных войн (рис. 2). Он стал очередной, теперь уже окончательной, победой политики над религией, что способствовало дальнейшему укреплению основ светского общества, ускорило процесс формирования крупнейших европейских национальных государств и усилило абсолютистские тенденции в этих государствах. В основу Вестфальского мира была положена идея национального государства, которая распространилась потом и на другие континенты, став действительно мировой. Так зародилась новая система отношений между государствами, которая впоследствии получила название Вестфальской, или государственно-центристской, системы мира.

Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории, определяет внутреннюю и внешнюю политику. Государство получало также власть в определении экономической, социальной и культурной стратегии. Данное право власти уважалось другими государствами, которые не вмешивались во внутренние дела соседей. Важен и тот факт, что принцип национального суверенитета не предполагал наличия еще какой-либо высшей власти.

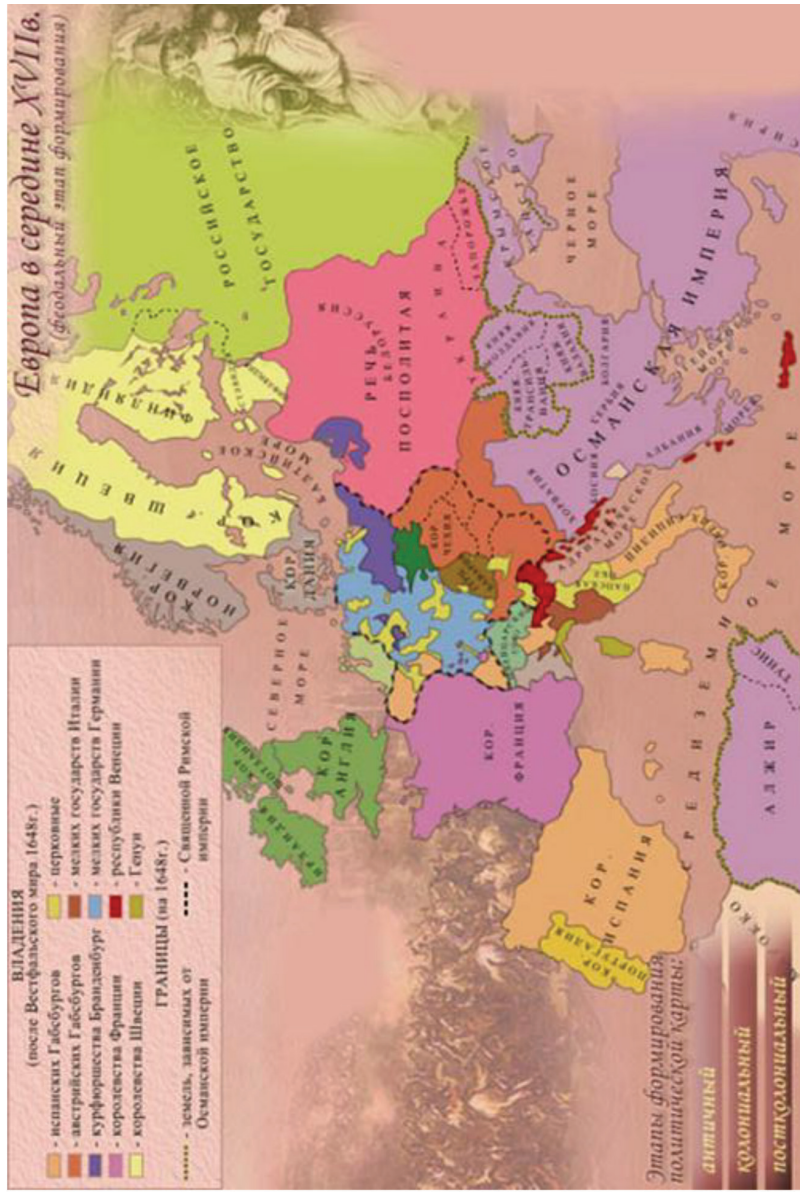

Рис. 2. Европа в середине XVII в. — начало Вестфальской геополитической эпохи

Национальное государство, обладающее суверенитетом, с той поры стало определяться:

- 1) наличием территории;
- 2) наличием населения, проживающего на данной территории;
- 3) легитимным управлением населения;
- 4) признанием другими национальными государствами.

При отсутствии хотя бы одной характеристики государство перестает существовать или резко ограничивается в своих возможностях (например, если оно не признается другими государствами). Созданная в XVII в. государственно-центристская система мира, благодаря монополии на право применять силу на своей территории, положила конец междоусобице внутри государства. Но в то же время она привела к множеству межгосударственных конфликтов в последующие периоды.

Вестфальская геополитическая эпоха вместила в себя научную революцию XVII в., положившую начало развитию опытного естествознания, и промышленную революцию конца XVIII в., которая закрепила «специфически капиталистический» (К. Маркс), то есть машинно-фабричный, способ производства. Эта эпоха охватила движение Реформации, приведшее к смене авторитета церкви в обществе авторитетом государства (когда сама религия стала орудием государственной власти) и утверждению идеала правового государства. Наконец, в контексте Вестфальской эпохи получили развитие политическая идеология, философия и культура, которые утверждали устои капиталистического общества. Продвижение России на запад (точнее, на юго-запад) было связано с ее воссоединением с Украиной. Несмотря на то, что значительная часть украинской и белорусской шляхты приняла католичество или униатство, в народных массах сохранялись православная вера, обычаи, язык, связывающие их с древнерусской культурой. В Москве воссоединение с Украиной рассматривалось с традиционно-политической точки зрения – как продолжение территориального собирания русской земли. Россия присоединилась к образованной в 1864 г. «Священной лиге», объединившей

Австрию, Польшу и Венецию против Турции. Так впервые после монголо-татарского нашествия Россия становится участницей европейской коалиции.

Свой геополитический интерес в этой коалиции Россия усматривала и в объединении с многочисленными народами, проживающими на Балканском полуострове, – единоверными и единоплеменными с русским народом. Географически Азиатская Россия охватывает Урал, Сибирь и Дальний Восток. Исторически ее формирование было связано с многочисленными походами русских отрядов в Зауралье, начиная с похода Ермака в 1581 г., который положил начало присоединению Сибири к России и ее освоению. На языке глобальной политической истории этот процесс следует рассматривать как начало становления одного из мировых центров политической и экономической силы на Евразийском континенте. В полной мере это становление завершилось с начала российской индустриализации в последней четверти XIX в.

Расширение границ Московского государства и, далее, Российской империи в Сибири и на Дальнем Востоке привело к тому, что Азиатская Россия изначально стала ареной борьбы между Россией и исторически сложившимися в Азии цивилизациями. Если в Европейской России устойчивые историко-культурные зоны складывались веками (Днепро-Двинская, Волго-Окская, Балтийская), то на территории Азиатской России этот процесс осуществлялся во взаимодействии с представителями этих цивилизаций по направлениям транспортных коммуникаций и на основе городского уклада хозяйства. Первоначально это происходило как устойчивая геополитическая и культурная коммуникация между южной частью Западной Сибири и государствами Средней Азии. Этому предшествовали распад «кочевых империй» (Золотая орда, Большая орда) и усиление могущества (с начала XVI в.) узбекской династии и государства Шейбанидов (с центром в Самарканде), в обширный геополитический ареал которого входило Сибирское ханство. Сибирь после присоединения к Московскому государству стала важнейшим направлением тюрко-мусульманского цивилизационного влияния на него.

Российская империя, осваивая Зауралье, в контексте глобальной политической истории формировалась как многонациональная евразийская держава. В то время соседние страны конфуцианской цивилизации самоизолировались и не попадали под влияние русской культуры. Действительно, не менее значительным для укрепления геополитического могущества России в ту эпоху было присоединение Сибири. Ее необъятная территория протянулась на 8500 км от Урала до Тихого океана и почти на 3000 км от границ с киргизскими, джунгарскими, маньчжурскими и китайскими феодальными владениями до кромки Северного Ледовитого океана. Россия начала свое продвижение в направлении Средней Азии и Индии еще в XV в. Население Сибири, численность которого чуть превышала 200 тыс. человек, относилось к нескольким языковым группам: уральской, алтайской, палеоазиатской. Уже к середине XVII в. землепроходцы и мореходы достигли берегов Тихого океана. С. И. Дежнев, участвуя в промысловой экспедиции Ф. А. Попова, в 1648 г. проплыл от устья р. Колымы в Тихий океан и открыл пролив между евразийским континентом и Америкой. В середине века русские доходят до Амура. Приамурье входит в состав владений России. Можно сказать более определенно: в Вестфальскую геополитическую эпоху Россия, проникнув на необъятные просторы Евразии, первой столкнулась с великими древневосточными цивилизациями — китайской и японской. С тех пор Россия стала выступать тем своеобразным мостом, который соединял Европу и Азию. Это позволяет говорить о начале процесса формирования системы геополитических кодов государств в масштабах Евразии именно в ту эпоху.

Весь XVIII в., уместившийся в Вестфальскую геополитическую эпоху, означал для России окончательное вхождение в европейскую систему международных отношений. Принятие западных образцов культуры, создание собственной системы образования (одним из указов от 1701 г. Петр I предписывал «завести в Академии учения латинския»), основ национальной науки и интенсивное развитие мануфактурного производства в новых промышленных районах, а также организация экспедиций для

изучения необъятных пространств России, великое множество других начинаний образовали своеобразную матрицу социокультурной динамики российской геополитики. В это же время происходило расширение границ России, которая после победы над шведами под Полтавой в июне 1709 г. заявила свои права на статус великой европейской державы. К России были присоединены Прибалтика и Карелия. Согласно Ништадскому миру (август 1721 г.), означавшему завершение Северной войны, Швеция уступила России Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгом и его округом. Россия превратилась в балтийскую морскую державу, получив первоклассные порты на побережье и создав мощный военный флот в Балтийском море. Российская империя заняла первенствующее положение на севере и востоке Европейского континента.

На протяжении последующих десятилетий велись перманентные военные баталии, связанные с расширением Российской империи до естественных границ и воссоединением древнерусских земель на юго-западе (Украина и Белоруссия). В 1783 г. был заключен Георгиевский трактат, согласно которому царь Кахетии Картли (Восточная Грузия) признавал верховную власть лишь русского царя. В начале 1784 г. Турция признала присоединение Крыма и Прикубанья к России, что означало долгожданный выход России к Черному морю. За подавлением восстания в Польше в 1795 г. последовал ее раздел между Россией, Австрией и Пруссией. Польша перестала существовать как самостоятельное государство. К России отошли Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни. Вестфальская геополитическая эпоха завершилась для России победой над Францией в Отечественной войне 1812 г.

§ 3. Венская геополитическая эпоха

Эпоха «Европейский концерт» наступила после крушения в 1814–1815 гг. империи Наполеона. В Европе произошла перегруппировка сил. Россия, положившая начало разгрому французской армии и сыгравшая решающую роль в окончательной победе над Наполеоном, являлась в то время наиболее мощной европейской

державой. Австрия, Пруссия и Франция были разорены и значительно ослаблены многолетней войной. Эти страны, а также Англия, не хотели усиления России, пытались не допустить дальнейшего роста российского влияния в Европе и решить хотя бы часть своих проблем за ее счет. В сентябре 1814 — июне 1815 гг. державы-победительницы решали вопрос о послевоенном устройстве Европы, собравшись в Вене. Всеми участниками конгресса был поддержан и использован для обоснования отмены политических и территориальных изменений, произошедших во время революций и наполеоновских войн, принцип легитимизма, т. е. восстановления законных прав прежних монархов. «Теория вмешательства», или «принцип интервенции», утверждала право государей применять все меры воздействия, вплоть до вооруженного вмешательства, всюду, где принцип легитимизма находился под угрозой. Легитимизм стал правовой основой решений Венского конгресса, а позднее в значительной мере и политики Священного союза. В марте 1815 г. Россия, Англия, Австрия и Пруссия подписали договор о создании Четверного союза, целью которого было проведение в жизнь решений Венского конгресса, особенно в части, касающейся Франции.

На конгрессе также была решена судьба множества мелких германских государств. 8 июня 1815 г. представители германских княжеств, вольных городов, император Австрии, короли Пруссии, Дании, Нидерландов, Баварии, Вюртемберга, Саксонии подписали федеральную конституцию Германии. Акт провозглашал создание Германского союза, целью которого объявлялось «соблюдение внешней и внутренней безопасности Германии, независимости и неприкосновенности принадлежащих к оной земель». Положение Франции было определено в соответствии с Парижским договором 1814 г.: она возвращалась к границам 1792 г. Швейцария стала конфедерацией из 19 кантонов и была провозглашена нейтральным независимым государством. Великобритания расширила свои колониальные владения: за ней были закреплены Капская область на юге Африке, острова Цейлон, Мальта и некоторые другие территории.

14 сентября 1815 г. в Париже произошло знаменательное событие — был заключен Священный союз монархов России, Австрии и Пруссии. Автором этого документа стал Александр I. В его основу были положены идеи обеспечения стабильности в Европе. Мирный договор с Францией, возобновленный договор о Четверном союзе и Заключительный акт Венского конгресса легли в основу международных отношений эпохи, вошедшей в историю под названием «Венской системы» или «Европейского концерта». «Венская система» просуществовала более 40 лет, в течение которых Европа почти не знала больших кровопролитных войн. Венский конгресс восстановил нарушенный принцип национального суверенитета. Изначально основу этой эпохи определил имперский принцип контроля географического пространства. Главными центрами силы в мировом сообществе в дальнейшем были Российская империя, Франция (она имела статус республики, но фактически являлась колониальной империей), Германская империя (с 1871 г.), Британская колониальная империя (формально провозглашенная в 1876 г.) и Турецкая империя (турецкий султан принял титул «императора османов» в 1877 г.). Таков был многополюсный мир на европейском континенте, далеко не устойчивый и пронизанный противоречиями, особенно при переходе к высшей фазе развития капитализма — империализму (рис. 3).

В российской геополитике рассматриваемой эпохи (завершение ее пришлось на годы Первой мировой войны) следует выделять по крайней мере три направления. Во-первых, это продолжение внешней политики, нацеленной на расширение границ Российской империи и выбор геополитических партнеров в отстаивании своих государственных интересов. Во-вторых, это освоение новых географических пространств и включение в состав империи новых народов и культур, что привело к столкновению российских интересов с интересами Великобритании, Турции, Ирана, Китая и ряда других стран. В-третьих, важным направлением социокультурной динамики именно в эту эпоху явилась общественная мысль, в которой постоянно присутствовала и получила своеобразное воплощение геополитическая компонента.

ЕВРОПА ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА 1815 Г.

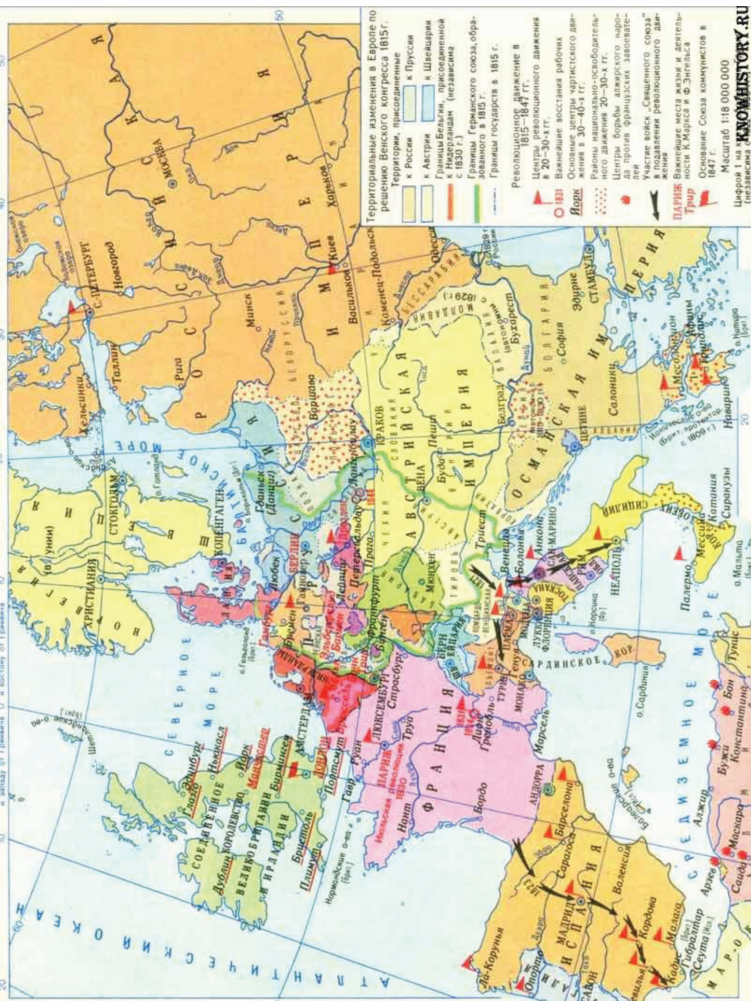

Рис. 3. Устройство Европы с начала Венской геополитической эпохи

Если в предшествующие эпохи общественная мысль вращалась вокруг мессианской идеи Филофея «Москва – Третий Рим» или идеи Петра I о приближении к Европе, то Венская эпоха вобрала в себя, в контексте русской духовной культуры, огромную палитру идей и учений относительно геополитического статуса России. Но уже в 1853 г. Россия оказалась в дипломатической изоляции: в том году Великобритания и Франция заключили секретный договор, направленный против России. Австрия и Пруссия не желали допустить перевеса России на Балканах. В конечном счете Россия потерпела поражение в Крымской войне, она была лишена военно-морского флота, военных крепостей и arsenалов на Черном море. Того же была лишена и Турция. Дарданеллы были открыты для прохода военных судов всех стран. Поражение в войне существенно подорвало престиж России на мировой арене и лишило ее возможности оборонять свои черноморские границы.

Лишь начиная с 1873 г. внешнеполитическое положение России постепенно стало укрепляться. В том году был заключен «Союз трех императоров» (России, Германии и Австро-Венгрии), означавший восстановление влияния России на европейскую политику. Во внешней политике Россия стала придерживаться (особенно в годы царствования Александра III) стратегии «геополитического балансира». Эта стратегия была основана на учете национальных интересов стран европейского континента с целью сохранения собственных государственных интересов. «Европа может и подождать пока русский царь рыбачит», – как сказал однажды Александр III, желая подчеркнуть свой вес в мировой политике и сохранившееся геополитическое могущество России. Такая стратегия, очевидно, должна сохранять свою актуальность и для современной России.

Во второй половине XIX в. активизировалась политика России на Дальнем Востоке. В 1858–1860 гг. к России были присоединены Амурская область (по левому берегу Амура) и Уссурийский край. Однако проникновение ряда западных держав, в первую очередь Англии и Франции, в Китай, закрепленное кабальными договорами в результате «опиумных» войн (1840–1842 гг. и 1856–

1860 г.), привело к превращению Китая в полуколонию. Для России это означало появление реального геополитического противника на Дальнем Востоке в лице тех же держав, которые оказались победителями в Крымской войне 1853—1856 г. Появление «третьей» геополитической силы в лице западных держав в регионе создавало реальную опасность возникновения там западных колоний или протекторатов, что противоречило интересам России и потребовало ускорения выгодного для нее процесса пограничного размежевания с Китаем. К необходимости более активно заниматься проблемами Приамурья и Приморья подтолкнула записка генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта от 7 марта 1846 г. на имя императора. «Обладание Амуром, — писал он, — во всяком случае неизбежно для России, и рано или поздно оно должно осуществиться. Амур необходим для Восточного края России, как необходимы берега Балтийского моря для Западного ее края, необходим, как для расширения наших торговых связей с Китаем и вообще с Востоком, как для решительного утверждения русского флага над Северными водами Восточного океана, так и для быстрейшего и правильнейшего развития естественных богатств Восточной Сибири, всего этого огромного пространства земель от верховьев Оби до Восточного океана».

Не менее однозначно, в духе геополитических утверждений Макиндера, заявил в 1849 г. назначенный за два года до этого генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев: «Кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, и владеть прочно: ибо достаточно иметь устье этой реки и плавание оной под ключом, чтобы Сибирь, и более населенная и цветущая земледелием и промышленностью, оставалась данницею и подданною той державы, у которой был этот ключ» [1]. Экспедиция Г. И. Невельского от Кронштадта в Петропавловск-Камчатский доказала, что Сахалин является островом, а устье Амура доступно для прохода морских судов. Летом 1850 г. недалеко от устья Амура Невельской заложил Форт-Николаевск (ныне Николаевск-на-Амуре), а в 1853 г. — поднял русский флаг в заливе императора Николая (ныне Советская Гавань) и в

южной части Сахалина. Несмотря на начало Крымской войны, отвлекшей внимание правительства от сложной ситуации на Дальнем Востоке (появление «третьей» геополитической силы), Н. Н. Муравьев настойчиво убеждал генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича, управляющего Морским министерством, что эта война не представляет столь серьезной угрозы для Европейской России. «Но на крайнем востоке, — отмечал он в конфиденциальной записке великому князю, — наше дело иное: Авачинская губа в Камчатке, устья Амура и плавание по этой реке могут быть силою отторгнуты от России. Соседний многолюдный Китай, бессильный ныне по своему невежеству, легко может сделаться опасным для нас под влиянием и руководством англичан и французов, и тогда Сибирь перестанет быть русскою; а в Сибири кроме золота важны нам пространства, достаточные для всего излишества земледельческого народонаселения Европейской России на целый век; потеря этих пространств не может вознаградиться никакими победами и завоеваниями в Европе» [2].

Только лишь после наступательных действий английских и французских войск в июне 1860 г., которые завершились разгромом маньчжуро-монгольской конницы, захватом и разграблением Пекина, китайская сторона была вынуждена подписать 2 ноября 1860 г. с Россией договор (Пекинский договор), согласно которому регламентировались русско-китайские торговые отношения и уточнялись границы. Правый берег р. Уссури признавался владением России, а левый — Китая. Далее граница проходила по р. Сунгача, оз. Ханка, р. Беленхэ и по р. Тумыньцзян до корейской границы. Так Азиатская Россия стала рассматриваться как новый формирующийся полюс силы в Восточной Евразии, хотя России и не удалось преодолеть военно-политическое и дипломатическое доминирование западных держав в Китае. В итоге этих событий геополитическая сцена Северо-Восточной Азии раздвигалась теперь до масштабов мировой политики. В 1875 г. по договору с Японией весь Сахалин признавался владением России, которая в свою очередь уступила Японии всю гряду Курильских островов. В 1867 г. царское правительство

продало Аляску и прилегающие к ней острова США, поскольку расходы на содержание русских колонистов на Аляске превышали приносимые Аляской доходы. К тому же Россия рассчитывала на дипломатическую поддержку США в своем соперничестве с Англией.

Во второй половине XIX в. на просторах Восточной Евразии, как отмечалось выше, определилось геополитическое противоречие между Россией и Англией, которое в зарубежной литературе получило название «Большая игра». На протяжении 1850–1890 гг. происходило присоединение к России Казахстана и Средней Азии. Включение в состав России Казахстана обеспечило наступление на Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства. Проникновение России вглубь обширных территорий на востоке от Каспийского моря привело ее к столкновению с интересами Великобритании. Дело дошло чуть ли не до военных столкновений. По договорам 1885 г. и 1895 г. Россия признала сферой интересов Великобритании Афганистан и Тибет, к России отходили ханства Средней Азии и Памир.

Геополитические ориентиры России в конце XIX в. (см. рис. 4), определившие основные приоритеты и направления русской внешней политики, достаточно четко были сформулированы императором Николаем II. В одном из посланий английской королеве Виктории в начале 1899 г. он писал: «Как Вам известно... я теперь стремлюсь только к возможно более длительному миру во всем мире, это ясно доказали последние события в Китае — я имею в виду новое соглашение о постройке железной дороги. Все, чего хочет Россия, — чтобы ее оставили в покое и дали развить свое нынешнее положение в сфере ее интересов, определяемой ее близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской державы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела ее между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий» [3].

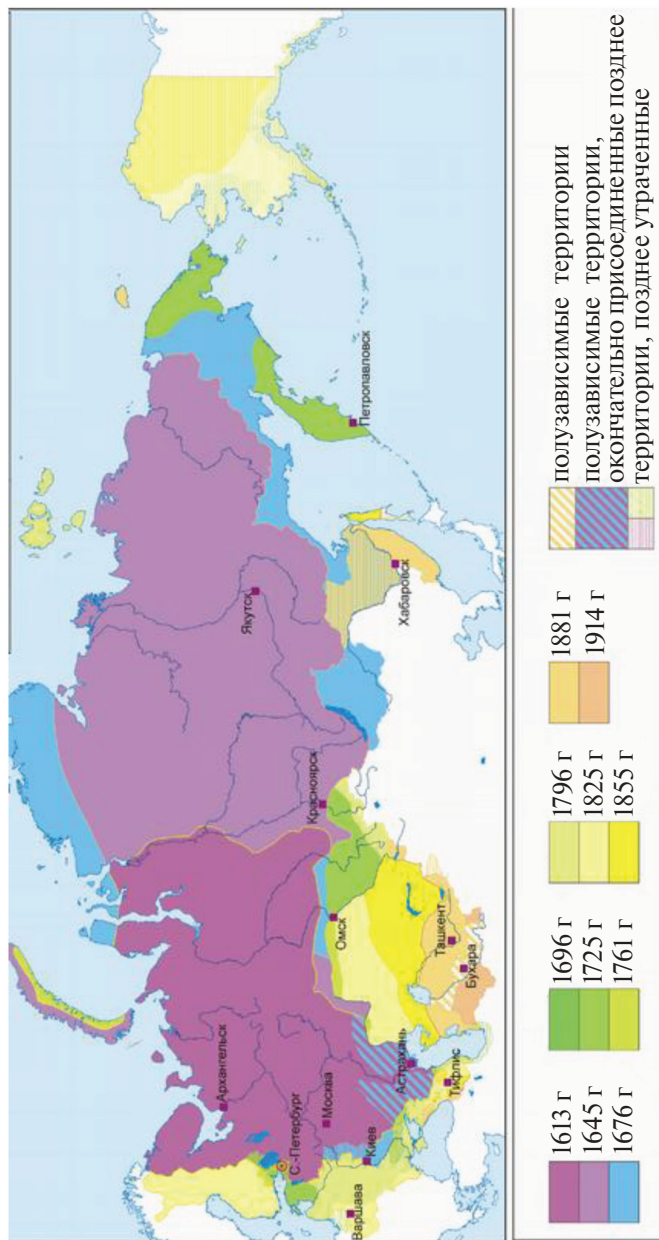

Рис. 4. Геополитическая экспансия России в Евразии (XVII – начало XX вв.)

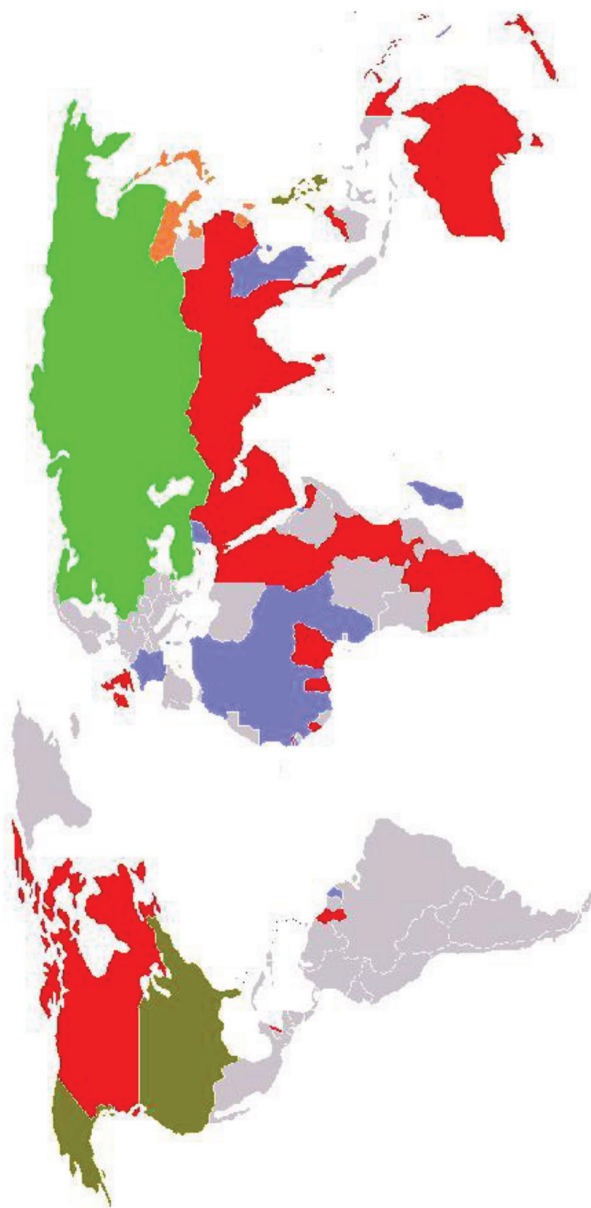

Рис. 5. Мир накануне Первой мировой войны

- Британская империя
- Французская колониальная империя
- США и ее колониальные владения
- Российская империя

Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) началось в 1898 г.; предполагалось, что доведенная до Порт-Артура железнодорожная ветка обеспечит выход России к незамерзающим портам Тихого океана. Уже в ходе строительства КВЖД китайская сторона опасалась того, что Россия захватит Маньчжурию. Попытки вытеснения русских военных и строителей из зоны отчуждения окончились тем, что к осени 1900 г. практически вся территория Северо-Восточного Китая находилась под контролем русского военного командования. Маньчжурия оказалась зоной столкновения геополитических интересов России, Китая и Японии, что привело к русско-японской войне.

В начале XX в. в Европе сложились основные центры политической силы, определившие две геополитические концепции. Формирование одной было вызвано заключением договора между Россией и Великобританией (август 1907 г.), который, в частности, регулировал интересы этих стран в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Россия, Великобритания и присоединившаяся к ним Франция образовали геополитический блок, получивший название «Тройственного согласия». Неофициально союз был назван Антантой (от франц. *Entente cordiale* – сердечное согласие). Германия и Австро-Венгрия представляли собой противостоящую геополитическую коалицию (рис. 5).

15 июня 1914 г. Австро-Венгерская империя объявила войну Сербии. 17 июня Россия, издавна являвшаяся покровительницей славян, приступила к мобилизации. В ответ на это 19 июля (1 августа по новому стилю) Германия объявила войну России. С этого дня началась Первая мировая война.

§ 4. Версальско-Вашингтонская геополитическая эпоха

Версальско-Вашингтонская геополитическая эпоха наступила после окончания Первой мировой войны, итоги которой подводились на Парижской (Версальской) мирной конференции, проходившей с перерывами с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. Версальский мирный договор представлял собой попытку фиксации соотношения сил в мире и в Европе, установившегося

в результате Первой мировой войны. Вместе с последовавшими за ним Сен-Жерменским, Трианонским, Нейнским договорами и итогами Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. он создал систему международных отношений, вошедшую в историю как Версальско-Вашингтонская система. Она создавала благоприятные условия для гегемонии Франции на Европейском континенте и Англии за пределами Европы. Великобритания получила значительную часть германских колоний в Азии и установила свое господство над Ираком, Палестиной, утвердилась в Египте, Персидском заливе, Красном море, а также получила полное превосходство на Средиземном море и на морских коммуникациях в Индию. Германские колонии в Африке – Того и Камерун – были поделены между Францией и Англией. США не претендовали на новые территории, но тем не менее заняли выдающееся место в соотношении мировых сил. К моменту подписания Версальского мирного договора США являлись самой сильной и влиятельной страной мира.

В результате Версальского договора углубились противоречия и между странами-победителями: Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, Италией и другими странами. Версальская система привела к изоляции Советской России от Европы, начав период длительного противостояния государств с различными режимами. Версальская система и антикоммунизм превращались в синонимы. В итоге мирного урегулирования европейская карта претерпела существенные изменения. На ней появились новые государства: Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. королевство Югославия), Эстония, Латвия и Литва. Версальская система явилась отражением нового баланса сил, сложившегося в результате победы стран Антанты. Произошли существенные изменения в составе пятерки великих держав, из числа которых выпала Россия.

Вся новая система международных отношений выстраивалась на основе концепции коллективной безопасности, которая носила настолько общий характер, что оказалась неприемлемой в

конкретной ситуации. Все это привело к тому, что Россия и Германия подписали во время Генуэзской конференции Рапалльский договор 1922 г., согласно которому были восстановлены дипломатические отношения между РСФСР и Германией в противовес Версальской системе международных отношений, которая перерастала в Версальско-Вашингтонский мировой порядок. 12 ноября 1921 г. открылась Вашингтонская конференция, на которой решался вопрос об «ограничении вооружений». Вашингтонская конференция завершила передел мира. В этом смысле она дополняла Версаль. Но если в 1919 г. в Париже английские и французские дипломаты сумели обойти дипломатов США, то в Вашингтоне американская дипломатия добилась значительного успеха в решении дальневосточных вопросов. Англия шла на компромисс в целях борьбы с Японией и Францией; Япония вынуждена была уступить американцам в китайском вопросе и заявить, что уведет свои войска из Сибири, но первой нарушила принятые обязательства. В мировой политике произошла перестановка сил в пользу США. Таким образом, в 1919–1922 гг. возникла система международных договоров, получившая название Версальско-Вашингтонской, или межвоенной, которая должна была регулировать сложившиеся к тому времени межгосударственные отношения. Не ликвидировав разногласия между победителями и побежденными, она выявила противоречия между самими победителями, что позднее привело к созданию новых политических группировок и к новой мировой войне.

§ 5. Ялтинско-Потсдамская геополитическая эпоха

Ялтинско-Потсдамская геополитическая эпоха наступила после окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг., которая разорила Европу, обеднила население 60 стран мира (за исключением США). Людские потери и материальные издержки были огромны. За годы войны было оторвано от производительного труда и поставлено под ружье 110 млн человек. Военные расходы, проведенные по госбюджетам всех воевавших стран, составили

1 282 млрд долларов, в том числе СССР — 357 млрд долларов. Общие расходы на войну, включая стоимость причиненного ущерба, исчислялись в 3 300 млрд долларов. Людские потери остаются не точными до сих пор, принято считать, что за годы войны погибло около 50 млн человек.

С завершением войны в Европе на первое место во внешней политике встали вопросы мирного урегулирования, начиная с определения границ и налаживания взаимоотношений и кончая решением социально-экономических задач. Для их решения необходимо было созвать международную конференцию. С 17 июля по 2 августа 1945 г. в пригороде Берлина Потсдаме состоялась встреча глав правительств трех держав: СССР, США и Великобритании. Советское правительство было готово продолжить сотрудничество с союзниками, оформившееся во время Тегеранской и Ялтинской конференций. Прежде всего участникам конференции предстояло решить вопрос мирного урегулирования в Европе. Необходимо было создать такой международный орган, который подготовил бы мирные переговоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, а в дальнейшем и с Германией. Атмосфера Потсдамской конференции отличалась от Ялтинской: руководители СССР, США и Англии держались менее дружелюбно, чем прежде. Еще в мае 1945 г. Черчилль писал Трумэну о том, что «над Восточным фронтом опускается железный занавес». За день до открытия конференции в США был проведен испытательный взрыв первой атомной бомбы.

Потсдамская конференция имела большое международное значение. Принятые решения содержали программу устойчивого послевоенного европейского устройства и были высоко оценены общественностью. Успеху Потсдамской конференции способствовала благоприятная международная обстановка. СССР в это время занимал прочные позиции в самой Германии, его вооруженные силы стояли в ее центре, на Эльбе. Через неделю после окончания конференции предстояло вступление СССР в войну против Японии. Руководители США и Англии вынуждены были считаться с возросшим авторитетом СССР и с чувством глубокой

симпатии, которую народы Европы питали к своим освободителям. К сожалению, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, сложившаяся по итогам Второй мировой войны, оказалась нежизнеспособной в условиях мирного развития. Из союзников СССР США и Англия превратились в открытые геополитических противников.

Говоря о нашей стране, необходимо отметить следующее. Советская геополитическая эпоха в мировом масштабе охватила Версальскую эпоху, последовавшую вслед за окончанием Первой мировой войны, и Ялтинско-Потсдамскую эпоху, которая, после завершения Второй мировой войны, определила переход от многополярного к биополярному миру. Наша страна в начале 50-х гг. XX в. впервые за все свою тысячелетнюю историю достигла пика военно-политического могущества, обладала самыми мощными в мире вооруженными силами и стала, наряду с США, глобальной ракетно-ядерной сверхдержавой. Какое место во второй половине XX в. занимал на геополитической карте мира Советский Союз?

Как известно, одним из итогов Первой мировой войны явилось крушение империй, представлявших основу политической системы мира, — Германской, Австро-Венгерской, Турецкой и Российской. Версальский мирный договор определил новый мировой порядок уже без Советской России. Согласно этому договору, Франция признавалась европейской континентальной державой, а Англия — морской державой. Территорию России предполагалось поделить на сферы влияния стран Западной Европы, Турции и США. Еще 23 декабря 1917 г. Англия и Франция заключили между собой соглашение о разделе «зон влияния» в России. Замыслы Антанты были изложены в записке главного командования союзными армиями «О необходимости интервенции союзников в России» от 18 января 1919 г. В ней, в частности, отмечалось следующее: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами... Большевистский режим несовместим с установлением

прочного мира. Для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожить его как можно скорее; их солидарный долг состоит в том, чтобы объединить с этой целью свои усилия. В деле осуществления плана действий, который они должны принять, обязанности каждой из них должны быть, по-видимому, распределены следующим образом:

Англия: Действия в Северной России и в Прибалтике. Участие в интервенции в Польше. Действия в Юго-Восточной России с целью соединить вооруженные силы Сибири с армиями Деникина и Краснова. Организация этих армий.

США: Действия в Польше (руководство действиями союзников).

Франция: Действия в Сибири и на Украине. Организация польской армии.

Италия: Участие в действиях на Украине» [4].

Таков был сценарий геополитического раздела Советской России, который строился в соответствии с доктриной Х. Макиндера и при его непосредственном участии в качестве британского посланника при главном командовании союзными армиями и одного из авторов Версальского договора. Причем в качестве ударной силы против Советской России командующий союзными армиями Фош рассматривал все народы, живущие на ее окраинах, — финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов и др. [5]. Программа расчленения России была предложена на Парижской мирной конференции американским президентом Вильсоном («14 пунктов Вильсона»). Для обсуждения на конференции американской делегацией предлагался документ, в частности, отмечалось: «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждую со своей экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство» [6]. В ответ на эти притязания американской администрации В. И. Ленин в октябре 1920 г. говорил: «Нравится это им (США — *И. К., Д. К.*) или нет, Советская Россия — великая держава. После трех лет блокады, контрреволюции, вооруженной интервенции и польской войны

Советская Россия сильна, как никогда прежде. Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу» [7].

Следует отметить особо, что, начиная с 1921 г., Советская Россия достаточно четко определила свой геополитический вектор на Восток. Советское государство аннулировало все неравноправные договоры и соглашения, которые имела царская Россия со странами Востока (это относилось в первую очередь к Ирану, Афганистану и Турции, с которыми были заключены первые мирные договоры и установлены дипломатические отношения). Восточная политика России, как отмечалось в ноте Советского правительства, направленной правительству Ирана, «останется диаметрально противоположной восточной политике империалистических держав, стремясь к самостоятельному экономическому и политическому развитию восточных народов и оказывая им в этом всяческую поддержку. Народ и Советское правительство России усматривают свою роль и свое призвание в том, чтобы быть естественными и бескорыстными друзьями и союзниками народов, борющихся за свою полную самостоятельную экономическую и политическую свободу» [8].

Новый мировой порядок был направлен против Советского Союза, Германии и Китая и потому был противоречив и недолговечен. В предвоенный период, помимо Англии и Франции, к великим державам, определявшим основы системы международных отношений, относились также США, СССР, Германия, Италия и Япония. Реализуя свой геополитический статус великой державы, СССР направлял внешнюю политику исходя из необходимости сохранения своих национально-государственных интересов. Геополитический парадокс 1930-х гг. заключался в том, что «континентальный» Советский Союз стремился к достижению союза с «континентальной» Германией против «морских» США и Англии (что нашло подтверждение в подписанном в августе 1939 г. в Москве пакте о ненападении и дополнительном секретном протоколе, согласно которому разграничивались «сферы интересов»

Германии и СССР в Восточной Европе). Однако все же Советскому Союзу пришлось объединиться с США и Англией против «континентальной» Германии, поскольку нацистская империя была для СССР в то время гораздо более чуждой, нежели либеральный мир «морских» держав Запада. История распорядилась таким образом, что Советский Союз вышел из Второй мировой войны, несмотря на колоссальные потери, окрепшим геополитически, военно-стратегически и духовно. Впервые в отечественной истории наша держава оказалась недосягаемой в военном отношении, вокруг нее был образован мощный геополитический континентальный блок.

Рост могущества СССР как геополитического центра Евразии вызывал ответную реакцию со стороны другого центра силы — США. В противовес созданию к концу 1940-х гг. мировой системы социализма внешняя политика США реализовалась в доктрине Трумэна, и плане Маршалла, в создании Североатлантического союза (НАТО). Еще в годы войны началось образование нового типа международных отношений и международного права. 12 декабря 1943 г. СССР заключил договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Чехословакией, 11 апреля 1945 г. — с Югославией, 21 апреля 1945 г. — с Польшей, 4 февраля 1948 г. — с Румынией, 18 февраля 1948 г. — с Венгрией, 18 марта 1948 г. — с Болгарией, в феврале 1950 г. — с КНР. На протяжении 1947—1949 гг. страны народной демократии заключили аналогичные договоры между собой, что юридически закрепило создание мировой системы социализма. Так стал складываться тот тип международных отношений, для которого принцип сотрудничества стал основой формирования современного (послевоенного) международного права. «Чтобы народы могли действительно объединиться, — писал еще К. Маркс, — у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов другими» [9]. Реакция Запада на это была достаточно жесткой и однозначной, хотя на нее определенные ограничения накладывали

нормы международного права, в т. ч. новый свод императивных норм, т. е. таких норм, которые создаются международным сообществом в целом и от которых государства не могут отступать даже по взаимному соглашению. Однако еще 5 апреля 1947 г. американский президент Г. Трумэн заявил, что «мир смотрит на нас (США – *И. К. Д. К.*) как на своего руководителя» [10], тем самым открыто выразив притязания США на мировое господство. Как известно, поводом для экспансии американского империализма в Европе и открытого провозглашения антисоветского курса послужило принятие английским правительством в феврале 1947 г. решения вывести свои войска из Греции и прекратить финансовую поддержку Турции. Уже 12 марта того же года Трумэн обратился в конгресс США с просьбой ассигновать 400 млн долларов для оказания срочной «помощи» Греции и Турции. Однако истинные намерения доктрины Трумэна достаточно четко выразил в то время американский публицист У. Липпман, который писал: «Мы выбрали Турцию и Грецию не потому, что они являются блестящими образцами демократии, а потому что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море, к сердцу Советского Союза» [11]. Вскоре, летом 1947 г., государственный секретарь США Д. Маршалл заявил о желании Соединенных Штатов помочь экономическому восстановлению европейских стран. Суть «плана Маршалла» заключалась в использовании американской экономической помощи в качестве средства для обеспечения господствующего экономического, политического и военного влияния США в странах Западной Европы. Образованный по инициативе Англии в марте 1948 г. Западный союз представлял собой первый после войны военно-политический блок, направленный против СССР и положивший начало разделению Западной и Восточной Европы. Этот союз был тесно связан с планом Маршалла и привел к образованию в апреле 1949 г. НАТО.

Советская геополитическая эпоха завершилась, к великому сожалению, поражением Советского Союза в мировом соперничестве с США. В собственно геополитическом плане завершение советской эпохи было связано с нарушением того, что следует

называть *принципом геополитической полноты*. Для государства или же цивилизационного мира (в данном случае для нашей страны) действие данного принципа определяется: наличием естественных и исторически сложившихся границ; дружескими отношениями с непосредственными соседями и возможностями мирного решения спорных территориальных вопросов; материально-сырьевой и экономической самодостаточностью; наличием оптимального демографического, энерго-информационного и интеллектуального потенциала; эффективностью действия норм международного права. При этом необходимо учитывать, что сразу же после окончания Второй мировой войны Запад навязал Советскому Союзу холодную войну. Особую остроту она приобрела в период с конца 1940-х до 1960-х гг. и охватила практически все сферы международных отношений: политическую, экономическую, военную и идеологическую. Пролог холодной войны следует относить к заключительному этапу войны. Предпосылками ее надо полагать, во-первых, попытки У. Черчилля открыть второй фронт не во Франции, а на Балканах и продвигаться не с Запада на Восток, а с Юга на Север, чтобы не допустить дальнейшего продвижение Советской Армии. Во-вторых, одной из предпосылок этому была договоренность руководства США и Англии не информировать Советский Союз о работах по созданию атомного оружия. В-третьих, в последний год войны вынашивались планы отеснения советских войск с центра Европы к довоенным границам. Наконец, 7 марта 1946 г. У. Черчилль в своей речи в Фултоне открыто объявил крестовый поход против коммунизма. Период холодной войны еще долго, по мере публикации рассекреченных документов, будет привлекать внимание ученых и политиков, но одно можно утверждать с достаточной мерой определенности: холодная война развернулась между двумя сверхдержавами — США и СССР. В подавляющем большинстве случаев обострение обстановки и доведение конфликтов до критического состояния исходили от США. В годы холодной войны стало правилом применение силы или его угроза. Первыми в этой конфронтации выступали США, которые строили отношения с СССР исключительно на основе постоянной кризисной конфронтации и стремления к военному

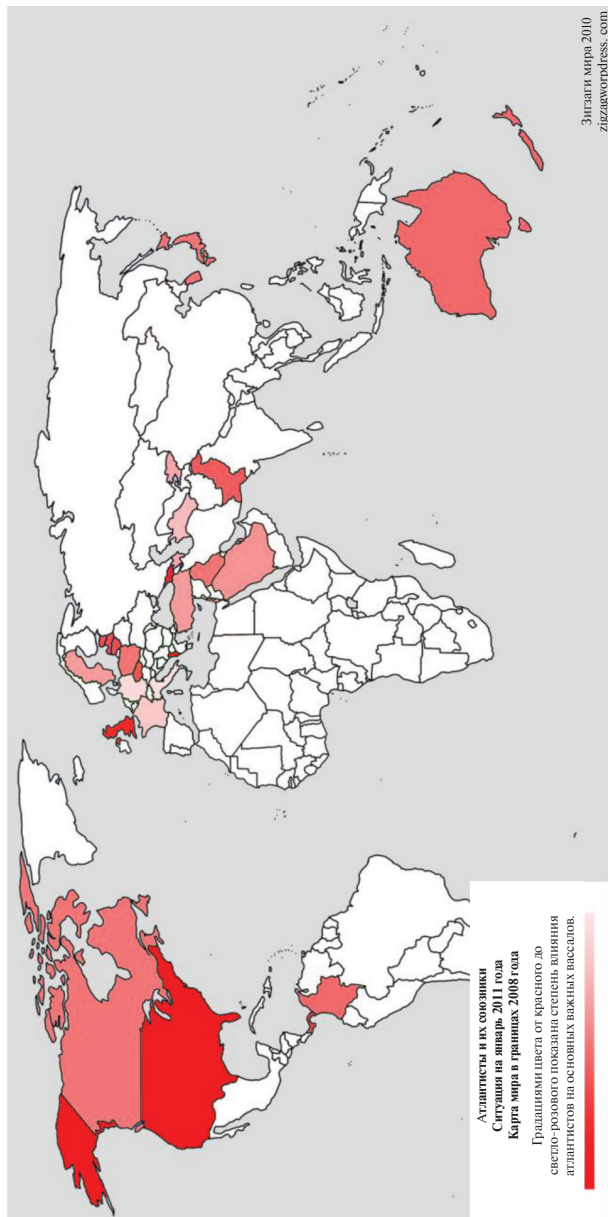

Рис. 6. Мир в эпоху «past cold war»

превосходству над СССР. Задача американской внешней политики состояла в «ускорении разложения советской системы» и установлении всего мирового господства над миром [12]. США как сохранившийся полюс мировой силы пытается сохранить «новый мировой порядок», при котором России уготовано место сырьевого придатка Запада.

§ 6. Беловежская геополитическая эпоха. Что же дальше?

Новая геополитическая эпоха, связанная с развалом Советского Союза и мировой системы социализма, получила название Беловежской, или эпохи *past cold war*. Завершилась холодная война, США заявили претензии на утверждение однополярного мира, что выразилось, в частности, в расширении зоны влияния НАТО. Геополитическая карта мира радикальным образом изменилась, о чем шла речь в марте 2006 г. на конференции «От Фултона до Мальты: как начиналась и как закончилась холодная война» (рис. 6). Приведем для сравнения две оценки холодной войны, которые служат для осмысления современных геополитических реалий. Первая принадлежит американскому политологу Джозефу Наю, вторая – российскому дипломату Анатолию Адамишину.

Джозеф Най: «Первый урок, который мы можем извлечь из холодной войны, состоит в том, что кровопролитие никогда не бывает неизбежным. Вероятность перехода конфликта в «горячую» стадию может снижаться или повышаться, но избежать его можно всегда. Строго говоря, даже сама холодная война не была неизбежной...

Второй урок холодной войны состоит в том, что развитие конфликтов очень сильно зависит от личных качеств конкретных лидеров. Невозможно понять происхождение холодной войны, не поняв Сталина и Трумэна, окончание холодной войны невозможно понять, не понимая Горбачева и Рейгана...

Третий урок состоит в том, что военная мощь имеет свои ограничения. Конечно, военная мощь важна, и взаимное ядерное сдерживание сыграло большую роль, особенно на начальном этапе холодной войны. Но следует помнить, во-первых, что ядерное оружие настолько ужасно, что использовать его, по сути, невозможно — оно

может служить только инструментом сдерживания. Во-вторых, надо помнить о том, что в эпоху национализма, на которую наложилась информационная революция, управлять враждебно настроенным населением невозможно...

Четвертый урок — это важность экономической мощи. В конце XX в. мы пережили то, что называют третьей индустриальной, или информационной, революцией... Урок состоит в том, что невозможно сохранить конкурентоспособность, если мы не готовы к постоянным инновациям, к тому, что Джозеф Шумпетер называет творческим разрушением. Концепция «творческого разрушения» означает, что, желая получить что-то, мы должны от чего-то отказываться, надеясь, что полученное будет лучше того, от чего мы отказались...

Пятый урок — это важность мягких форм влияния, или *soft power*. *Soft power* — это способность добиться от других желаемого, не принуждая их, а привлекая. Добиваться желаемого можно запугивая других (метод кнута) или покупая их согласие (метод пряника), а можно добиваться, чтобы они сами хотели сделать то, чего ты хочешь. Это и есть *soft power*. Надо отметить, что в 1945 г. СССР обладал очень большим потенциалом *soft power*: коммунизм как идея был привлекателен для многих европейцев, а СССР — как страна, победившая фашизм. Но большая часть этого потенциала была потеряна, в том числе в результате вторжений в Венгрию и Чехословакию. СССР терял *soft power* по мере того, как рос его военный потенциал: использование военной мощи подрывает потенциал *soft power*, а значит, и совокупную мощь государства. Традиционно считалось, что победит тот, у кого армия больше. Урок, однако, состоит в том, что в информационный век побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна привлекать людей...

Шестой урок — это роль ядерного оружия. Во многом холодная война не стала «горячей» именно благодаря ядерному оружию. Оно сыграло роль «магического кристалла»... Извлекать уроки из холодной войны важно, но нельзя забывать и об опасности прямолинейных аналогий. Сегодня мы имеем дело с новыми проблемами, и ошибаются те, кто называет угрозой международного терроризма новой холодной

войной или четвертой мировой войной. Эта война может быть «длинной», но она будет отличаться от предыдущих конфликтов. История никогда не повторяется, в лучшем случае она лишь рифмуется» [13].

Анатолий Адамишин: «Холодная война была детищем США и СССР, если угодно, – СССР и США. И отсюда закономерно, что покончено с холодной войной было также в контексте отношений СССР и США... Если разобраться, холодная война была формой мирного сосуществования не той односторонней, которую пытались внедрить мы (отношения мы с вами, господа капиталисты, поддерживаем, практическую пользу из этого извлекаем, а то, при этом везде, где можно, пытаемся вас ослабить, то, извините, это закон общественного развития), а той, которая сложилась в реальной жизни на основе реального соотношения сил. Ключевыми компонентами были идеологическое противостояние и геополитическое соперничество. По части идеологической непримиримости пальма первенства была явно наша... Парадоксальным образом нынешняя ситуация напоминает вторую половину сороковых годов. Тогда окончилась Вторая мировая война, ныне завершилась холодная в ее первородном варианте... Сейчас, мне кажется, нам нужно правильно выбрать вектор между сотрудничеством с Соединенными Штатами, которое никогда не будет полным, и конфронтацией с ними, которая тоже не должна быть никогда не полной... **Основной, на мой взгляд, урок холодной войны состоит в том, что делать американцев своими врагами, вновь оказаться в состоянии изнурительной конфронтации с ними, себе дороже** (выделено нами – И. К., Д. К.)» [14].

К урокам холодной войны, в контексте осмысления геополитических реалий последующего десятилетия после упомянутой выше конференции 2006 г., следует отнести, во-первых, признание того факта, что идеологическое противостояние трансформировалось в информационную войну как первоначальную фазу гибридных войн, во-вторых, что на смену некогда господствующего биполярного мироустройства приходит полицентричное мироустройство, в котором ведущими акторами мировой политики становятся мировые цивилизации. В-третьих, на смену геопо-

литической эпохи *past cold war* приходит новая, вектор развития которой был верно намечен А. Адамишиным: «*сотрудничество с Соединенными Штатами, которое никогда не будет полным, и конфронтация с ними, которая тоже не должна быть никогда не полной*». В частности, было высказано предложение назвать эту эпоху Крымской геополитической эпохой, знаковым началом становления которой явилось воссоединение Крыма и Севастополя с Россией [15]. После этого исторического события и осуществления операции российских Воздушно-космических войск в Сирии (сентябрь 2015 – март 2016 гг.), обеспечившей перелом в затяжном сирийском кризисе в пользу правительственных войск, мы можем с полным основанием утверждать, что эти действия России положили начало коренным изменениям в геополитической обстановке мира – наступлению эпохи полицентричного мироустройства.

Примечания

1. Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границы. М., 1975. С. 102.
2. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 161.
3. История России с начала XVIII до конца XIX века / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1998. С. 536.
4. Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник материалов и документов. М., 1960. Т. 1. С. 83, 87.
5. Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 319.
6. История внешней политики СССР. 1917–1980 гг. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. В 2-х т. Т. 1. М., 1980. С. 98; См. также: Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. М., 1954. С. 95–100.
7. Ленинский сборник. XXXVII. С. 254.
8. Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 80–81.
9. Маркс К. О Польше // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 371.
10. Truman H. Memoire. Stuttgart, 1955. Bd. II. S. 116.

11. История внешней политики СССР: В 5 т. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М., 1981. Т. 2. С. 130.
12. Протопов А. С., Козьменко В. М., Елманов Н. С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). М., 2001. С. 294–299.
13. Най Дж. Рифмы истории // Коммерсантъ, № 38/II (3369), 06.03.2006.
14. Стенограмма Международной конференции «От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война». 1 марта 2006 г. // [Электронный ресурс] URL: davaiknam.ru/text/stenogramma-mejdunarodnoj-konferencii-ot-fultona-do-maleti-kak-page-2 (дата обращения: 20.02.2016).
15. Панкратов А. Н. Новая геополитическая эпоха // Геополитика. 2014. № 1.

Глава III

ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

---

§ 1. Идеи и теоретические вехи протоевразийства

«Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» М. В. Ломоносова следует рассматривать как, по сути, первую работу, предвещающую становление геополитической мысли в отечественной науке и веху в осмыслении континентального местоопределения России с позиции ее выхода в океанские просторы. Чем можно объяснить столь твердое заявление? Этот последний в творческой биографии и весьма объемный трактат был написан Ломоносовым и представлен с посвящением 20 сентября 1763 г. девятилетнему наследнику царского престола Павлу Петровичу, который числился тогда президентом Адмиралтейств-коллегии (читай — командующим флотом). А уже 14 мая 1764 г. Екатерина II своим секретным указом предписала Адмиралтейств-коллегии (в соответствии с предложениями Ломоносова о плавании «западно-северными морями», т. е. вдоль Североамериканского архипелага, и «Сибирским океаном») организовать поиск прохода Северным (или Сибирским) океаном (так тогда называли Северный Ледовитый океан) в Камчатку «по северо-западному проходу». Экспедиция совершила два плавания из Архангельска (уже после смерти Ломоносова) летом 1765 и 1766 гг. и впервые проложила морской путь через Северный Ледовитый океан к Северной Америке и Камчатке. Так теоретическая мысль русского гения оперативно воплотилась в стратегический план и конкретные действия на государственном уровне. Предисловие к этой работе Ломоносов начинает следующими словами: «Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое — от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных, второе — от победоносных действий

против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира, третье — от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество... Россия, простираясь по великой обширности матерой земли и только почти одну пристань у города Архангельского, и ту из недавних времен имея... по открытии Петровою рукою во многие моря пристаней, по введении знания в мореплавании и строении корабельном, бывшие неудобности исчезли и ход российских военных и купеческих судов знатно прирастает, который со временем не токмо другим державам сравниться, но и превзойти может, ежели все то употребится в пользу, что всевышний промысел дал в участие нашему пространному отечеству» [1].

Далее Ломоносов, подробно описывая открытия новых земель, предпринятые португальскими, испанскими, английскими, голландскими мореплавателями, и перечисляя «бóльшие неудобства» в заморских краях (природные и житейские), твердо заявляет: «Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе подданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужею не продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным, где не токмо от неприятелей безопасна, но и свои поселения и свой флот найдет. Не на великом пространстве в разных климатах, которые разнятся семьюдесятью градусами, предпринять долговременный морской путь россиянам нужно, но между 80-м и

«Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»

М. В. Ломоносов.

Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию (1763 г.)

65-м северной широты обращаться. Нет страху ни от крутых, море похищающих вихрей, ни от ударов туч, корабли от воды отрывающих, которые в северных морях нигде не примечены. Не опасна долговременная тишина с великими жарами, отчего бы члены человеческие пришли в неудобную к понесению трудов слабость, ни согниение воды и съестных припасов и рождение в них червей, ниже моровая язва и бешество в людях. Все сие стужею, которой так опасаемся, отвращено будет. Самое сие больше страшное, нежели вредное препятствие, которое нашим северным россиянам не так пагубно, превратится в помощь» [1, с. 438].

И далее Ломоносов сопоставляет многочисленные наблюдения путешественников, строит предположения (например, относительно того, есть ли вокруг полюса море или же «занимает оный суша») и гипотезы глобального, говоря современным языком, масштаба. В качестве одной из них он предлагает, «рассматривая весь шар земной», проводить аналогию между Старым и Новым светом, заняться подсчетом примерного «количества льдов в Сибирском океане». Либо, замечает он, «вообразив себе величину и фигуру Сибирского океана, представим мысленным зрением главные качества северного американского берега, лежащего на супротив сибирского...» [1, с. 470–471]. Две последние главы (четвертую и пятую) Ломоносов посвящает конкретным предложениям «к мореплаванию Сибирским океаном» и рекомендациям «О самом предприятии северного мореплавания и о утверждении и умножении российского могущества на востоке». Заключает сей труд Ломоносов в назидание потомкам следующими словами: «Жаление о людях много чувствительнее, нежели о иждивении, однако поставим в сравнение пользу и славу отечества. Для приобретения малого лоскута земли или для одного только честолюбия посылают на смерть многие тысячи народа, целые армии, то здесь ли должно жалеть около ста человек, где приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государственной славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду. Если же

толикая слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно нарекание от всей Европы, что, имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в поисках от неприятеля и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне... Последнее из противных мнений, чтобы сие открытие не досталось в чужие руки, обращается в ничто следующими: 1) помянутое мореплавание к нам ближе, нежели к прочим европейским державам, 2) россиянам тамошний климат сноснее, 3) что на нужных и тесных местах построятся зимовья с предосторожностью для наших людей, коими чужестранные пользоваться не могут... Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [1, с. 489—490]. М. В. Ломоносов был одним из тех провидцев нашей земли русской, который на века предопределил геостратегию развития и геополитический статус российской державы на пространствах Северной Евразии.

Геополитическая парадигма, воплотившаяся в транспортно-коммуникационном пространстве между Балтийским, Черным и Каспийскими морями («Триморье»), основывалась на трех устойчивых историко-культурных зонах (Балтийская, Днепродвинская и Волго-Окская) и характеризовала общий каркас геостратегического развития страны. Геополитический код, т. е. определение приоритета в международных экономических и политических связях, оформился с основанием Петербурга в дельте р. Невы, т. е. как раз в том месте, которое оказалось связующим звеном между этими тремя историко-культурными зонами и было общим путем «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». Положение Петербурга в вершине геополитического треугольника пространства «Триморья» определило в то время характер геополитического кода — ориентация на Запад. Екатерина II в «Наказе» от 30 июля 1767 г. отмечала, что Россия есть европейская держава, русский народ — это народ европейский, а незыблемой формой правления в геополитических масштабах России является самодержавие.

Естественнонаучное и цивилизационное направления формирования геополитических воззрений, предваряющих евразийскую идею, разработал Л. И. Мечников, предвосхитив появление геополитических учений ряда западных ученых-атлантистов, в частности А. Мэхэна и Х. Макиндера. «Географическая среда, — писал Мечников по этому поводу, — эволюционирует во времени, она расширяется вместе с прогрессом цивилизации. Ограниченная в начале исторического периода не особенно обширными бассейнами больших рек, эта среда в известный момент охватывает побережья внутренних морей, а затем распространяется на океаны, охватывая мало-помалу все обитаемые области земного шара» [2]. В. И. Ламанский, как и Л. И. Мечников, отталкивался от ведущей роли географической среды развития цивилизации (он вел речь преимущественно о России как цивилизации), но делал далеко идущие выводы о социально-политическом единстве России на Евразийском континенте. Свою работу «Три мира Азийско-Европейского материка» он начинает вроде бы с простого заявления: «Европа есть собственно полуостров Азии, и потому она с последней составляет одно целое, одну часть света, которая, по всей справедливости, может носить еще название Азийско-Европейского материка». Исходя из признания антропологических особенностей и состава населения, а также историко-культурных характеристик этого материка, Ламанский выделял три крупные части мира с присущими им географическими, этнологическими и историко-культурными характеристиками: западная, т. е. романо-германская (католически-протестантская) Европа, собственно Азия и «средний мир», т. е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия. Далее относительно этого «среднего мира» Ламанский поясняет следующее: «Вступая в пределы этого среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно так же вступая в него из Европы, мы вправе сказать: здесь кончается Европа и еще не начинается Азия». Это сугубо геополитическое суждение автор дополняет утверждением цивилизационного порядка, которое выражает его славянофильские убеждения: «Если есть Азия *русская*, если она в отличие от

собственной, нерусской, Азии должна быть относима к особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при русской Азии, или Азиатской России, есть еще русская Европа, или Россия Европейская... Не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского. От первого он отличается, подобно России и собственной Европе, своей христианскою культурой. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к западному, а к восточному христианству» [3].

В связи с упоминанием этих суждений В. И. Ламанского следует подчеркнуть, что при всей условности выделения направлений формирования геополитических воззрений в отечественной науке ее представители на протяжении XIX–XX вв. охватывали эти направления в целостной мировоззренческой (россиеведческой) парадигме, пронизывающей геополитические воззрения. Изначально она была достаточно остро сформулирована П. Я. Чаадаевым в «Философических письмах» и в «Апологии сумасшедшего»: мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Н. Я. Данилевский рассматривал эту парадигму как неперемненное условие цивилизационно-культурного многообразия, при котором славянский культурно-исторический тип будет первым полным четырехосновным (т. е. объединяющим религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую деятельность) типом. Геополитический характер обретает суждение Ф. И. Тютчева о перерастании «России-1» (Россия в границах империи) в «Россию-2» (Россия включает народы Восточной Европы) и далее – в «Россию-3», т. е. «Россию будущую», охватывающую весь евроазиатский континент (за исключением Китая).

Еще в первой половине XIX в. в системе военных наук ведущее место начинает занимать военная география. У ее истоков в России были профессор Николаевской академии генерального штаба (она была образована в 1832 г. по проекту генерала-адъютанта

барона Антуана Анри (Генриха Вениаминовича) Жомини «для образования офицеров к службе Генерального штаба») М. А. Языков, издавший в 1838 г. первый учебник по военной географии, и будущий военный министр Д. А. Милютин. Языков первым предпринял анализ влияния на военные действия и в целом на военную структуру государства не только топографии, но и объективных факторов – демографических, экономических, государственно-административных и др. Милютин, в свою очередь, основное внимание в военной географии уделял ее ключевому разделу – военной статистике, главная цель которой заключалась в определении силы и могущества государства в военном отношении. Территория, народонаселение и государственное устройство представляли предмет военной статистики. Последняя, в трактовке Милютина, является прообразом геополитики, поскольку она изучает «те свойства земной поверхности, которые определяют вообще средства государства к успешному ведению войны... т. е. к определению состояния государства в отношении к военным силам и средствам» [4]. Эти положения военной географии, сформированные Милютиным, сохранили свою теоретическую и практическую значимость вплоть до Первой мировой войны.

Генрих Вениаминович Жомини (1779–1869)

Военная статистика (прообраз геополитики) изучает «те свойства земной поверхности, которые определяют вообще средства государства к успешному ведению войны... то есть к определению состояния государства в отношении к военным силам и средствам»

Д. А. Милютин

Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912)

В те же годы государственная статистика как раздел географии развивалась, будучи не только ограниченной военной тематикой. Значительную роль в этом сыграла вышедшая в 1848 г. работа академика К. И. Арсеньева «Статистические очерки России», где подробно были проанализированы такие важные характеристики геополитического статуса России, как территория, граница и тенденции пространственного расширения государства в его культурной истории. Арсеньев детально описывает западную, южную, восточную и северную границы России, предваряя описание следующим положением: «Границы государства можно и должно рассматривать в различных отношениях: физическом, коммерческом, военном и политическом; и чтобы судить правильно, счастливое или невыгодное местоположение имеет какое-либо государство, надобно рассматривать его во всех сих отношениях. Часть невыгоды в одном отношении вознаграждается или перевешивается преимуществами в другом». Предпринятое Арсеньевым описание границ дало ему основание для оценки пространства России (он, пожалуй, одним из первых, наряду с Д. А. Милютиным, стал использовать понятие пространства в геополитическом, говоря современным языком, смысле) в указанных выше отношениях. В частности, отмечая уникальность местоположения России в политическом отношении, Арсеньев обращает внимание на то, что ни одно государство не имеет такого влияния на сушу, как Россия. Поэтому «сопредельная или соседственная важнейшим державам Европы и Азии, Россия... должна иметь политические отношения ко всем и сильно действовать на судьбу многих народов». По сути, Арсеньев предвосхитил появившуюся в 1904 г. статью Х. Макиндера «Географическая ось истории», в которой вводится понятие хартленда для обозначения России–Евразии. Наконец, Арсеньев дает характеристику России в военном отношении. Оно, по его мнению, такое, какое «только можно желать, и какое необходимо для сохранения безмерных ее пределов. Если Северный и Восточный (Тихий – *И. К., Д. К.*) океаны и обширные пустынные земли представляют мало выгод для торговли, зато они совершенно обеспечивают внешнюю безопасность государства и делают его доступным только с западной и южной стороны» [5].

«Россия, по моему крайнему разумению, назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравновешения между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью»

Д. И. Менделеев

Дмитрий Иванович Менделеев
(1834–1907)

Государственная и военная статистика опираются на конкретные данные и расчеты. В этом отношении такие разделы географии являются эмпирической базой геополитических исследований и прогнозов. И здесь весьма примечательными были расчеты, предпринятые Д. И. Менделеевым в последний период его научной деятельности.

Опираясь на данные переписи населения Российской империи 1897 г., учитывая особое месторасположение России «между молотом Европы и наковальной Азии» и признавая мессианскую роль России, Менделеев предложил выделять три центра страны: *политический центр, центр поверхности и центр народонаселенности*. Политический центр связан с местонахождением столицы. Два других центра не совпадают друг с другом вследствие неравномерности расселения жителей. Для развития страны, полагал Менделеев, важно, чтобы центр народонаселенности приближался к центру поверхности, а потому перемещался с севера на юг и с запада на восток. На основании математических расчетов Менделеев определил центр поверхности в Енисейской губернии между Обью и Енисеем в районе г. Туруханска. Центр этот, по суждению ученого, еще долго будет оставаться пустынным, лишь «выработка на русском севере минеральных богатств изменит такое течение дел» [6]. В свою очередь, центр народонаселенности находится в Тамбовской губернии между городами Козлов и Моршанск. Менделеев, исходя из разработанной им теории центрального географического и политического местоположения

России в мире, «срединного места» между Европой и Азией (в этом плане он предвосхитил труды евразийцев), завещал укреплять тесный союз с Китаем и Англией. Более того, он предлагал образовать «четвертной союз» России, Китая, Англии и Франции. Будущее человечества, считал он, на пути преодоления различий между Востоком и Западом, когда «принципиальное равенство людей и стран ставится во главу общераспространенных идеалов» [7]. В ряду геополитических воззрений концепция Менделеева заслуживает пристального внимания, поскольку она представляется суждением, построенным с учетом количественных и качественных характеристик геополитического статуса России. Следует упомянуть имя малоизвестного для современного читателя русского ученого, офицера военной разведки Алексея Ефимовича Вандама (Едрихина), издавшего накануне Первой мировой войны ряд небольших по объему, но весьма содержательных работ. В них он анализировал русскую историю с геополитической точки зрения, получившей выражение в военно-стратегическом направлении исследований. Автор, принявший участие добровольцем в англо-бурской войне на юге Африки, исходил из того положения, что главным геополитическим и геостратегическим противником России всегда выступала и будет выступать Англия (более широко — англосаксы). Англосаксы, отмечал он, утвердив свое господство над всеми океанами и тремя с половиной материками, основали Океанскую Империю, а Россия определилась на Евразийском континенте как «Сухопутная Российская Империя». И завершает одну из своих работ А. Вандам пророческими словами: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, *правильно понимаемых* интересов — у нас не будет причин опасаться наших соседей...» [8].

Итак, евразийство как типичное проявление русской культуры имело свои истоки и своих предшественников в отечественной науке, военном искусстве, но основная сфера, где происходила кристаллизация его, евразийства, мировоззренческих и теоретических

принципов, оставалась философия истории. Точнее, тот ее раздел, в котором утверждалась доктрина многонаправленности исторического процесса и равного права на существование различных цивилизаций (культурно-исторических типов, по Данилевскому). Прогресс в истории понимался как реализация возможностей, присущих различным культурно-историческим типам, о чем в развернутом виде писал Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа». Почти одновременно с ним В. И. Ламанский вплотную подходит к обоснованию концепции «Россия—Евразия», которая получила творческое развитие в евразийстве. В 1871 г. Ламанский защитил докторскую диссертацию на тему «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», в которой он сделал ряд ценных замечаний, позволяющих разобраться в смысловых и терминологических тонкостях. «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский, — отмечал автор, — основано на строгом различии их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще, культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность». Типологическое сравнение этих европейских ареалов Ламанский предпринимает, опираясь на их «исторический возраст» как важный общий показатель перечисленных выше их особенностей. И наконец, автор делает решительный шаг к утверждению некой особенности славянства. Сопоставляя Россию с Древней Элладой и Древним Римом, которые объединяли значительное число разноплеменных народов, Ламанский заявил, что «славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями» [9]. Оставался вроде бы всего один шаг до провозглашения евразийских лозунгов, но их время еще не пришло.

Рубеж XIX—XX вв. — это было время идейных исканий и выхода отечественной науки на мировую арену, зарождения революционного движения и определения Россией своего места в мире, взлет отечественной литературы, музыки, изобразительного искусства, утверждающих каждый своим языком «русскую идею». Очень хорошо и образно эти настроения предъевразийства описал

С. М. Половинкин [10]. Мучительный ход этих исканий и утверждений получил свое выражение в размышлениях о связях Европы и России у Ф. М. Достоевского в подготовительных материалах для «Дневника писателя». В 1881 г., незадолго до смерти, он писал: «Азия. Да главное-то, мировое то есть, назначение наше, может, именно в том и состоит, чтобы пригодиться в свое время Европе и всему арийскому племени. Но пока время не наступило, мы вправе позаботиться о своем самовоспитании, о своей самобытийности... Но прежде того нам надо стать *самостоятельными*. Поворот в Азию будет одним из средств, одним из толчков к тому, послужит к нашему перевоспитанию и перерождению духовному... Надо вспомнить – что мы не Европа, что мы Азия... Уже одна, что мы отказались от исключительного европеизма нашего, от прихвостничества нашего в надежде заслужить сан исключительного и совершенного европейца, – уже одна идея эта придала бы нам самостоятельности» [11].

Значительный интерес представляет эволюция геополитических воззрений в советское время. В данном случае следует остановиться на работах В. П. Семенова-Тян-Шанского, А. Е. Снесарева и А. Радо. Семенов-Тян-Шанский основное внимание уделял развитию политической географии и явился создателем одной из первых отечественных политико-географических концепций, которую следует рассматривать как существенно геополитическую теорию. Еще в начале Первой мировой войны он заявлял: «Настало то время, когда нельзя оставаться висеть в воздухе наивным мечтателем за флагом всех других наций, совершенно реально преследующих ясно видимые ими цели и не идущих ни на какие компромиссы именно вследствие ясности понимания своих задач, которые всецело зависят от политико-географического воспитания» [12]. В развернутой форме политико-географическую концепцию Семенов-Тян-Шанский изложил в вышедшей в 1928 г. работе «Район и страна». Здесь он предложил рассматривать три типа могущественных в территориальном отношении владений, основой классификации которых является опять же географический

«Результатом медленных внедрений человечества является более или менее обширное распространение его племен, а результатом завоеваний — их расчленение на государства»

В. П. Семенов-Тянь-Шанский

Вениамин Петрович
Семенов-Тянь-Шанский
(1870—1942)

Универсальные геополитические закономерности:
1) тяготение континентальных стран к морю;
2) стремление к завоеванию противоположного берега или овладение целым морским бассейном;
3) перерастание через океан;
4) овладение морскими путями и проливами;
5) реки как носители исторического развития;
6) большие реки как национальные или государственные границы;
7) система рек как фактор сохранения государства»

А. Радо

Шандор (Александр) Радо
(1899—1981)

фактор. Таковыми типами являются: «1. Кольцеобразная система. 2. Ключкообразная. 3. Система “от моря до моря”, или чрезматериковая». Давая характеристику этих систем, Семенов-Тянь-Шанский оценивал преимущества и недостатки каждой из них. Так, «кольцеобразная система» возникла на побережьях «средиземных морей» и со временем расширялась в глубь окружающих материков. Примерами таких систем являлись античные цивилизации Древней Греции и Древнего Рима. Неизбежный распад этих систем, как считал автор, происходил вследствие роста народонаселения на соседних материках и перенесения центра народонаселенности в глубь материковой зоны.

«Клочкообразная система» характерна для островных и полуостровных государств, которые, обладая сильным флотом, реализуют свою геополитическую активность, захватывают другие территории и континенты, налаживают торговые пути, способствующие установлению мировых хозяйственных связей. Примерами такого типа систем ученый называет Испанию, Голландию, Великобританию.

«Чрезматериковая система» является определенного рода антиподом «клочкообразной системы». Здесь каким-либо государством захватывается внутри материка обширная территория, «одним концом упирающаяся в одно из омывающих его морей, а другим – в другое». Геополитическая активность подобного рода государств (в качестве примера автор называет Персию, Россию, США) направлена на строительство и овладение водными и сухопутными коммуникациями и на внутриконтинентальную колонизацию. Как полагает ученый, «чрезматериковая система» отличается от других своей масштабностью, массивностью, континентальной целостностью и имеет все природные «задатки прочности». Главный недостаток подобной системы он усматривал в разной степени хозяйственного освоения территорий от европейской части России до Дальнего Востока. «При столкновении с соседями, – предупреждал Семенов-Тянь-Шанский, – “чрезматериковое” государство легче всего подвергается блокаде со стороны соприкасающихся с ним морей и хотя бы временным захватом со стороны их побережий; последнее же обстоятельство уничтожает всю суть системы “от моря до моря” и обессиливает страну». Каков ход разрешения этого геополитического парадокса? Подобно тому, как в свое время Менделеев писал о необходимости приближения центра народонаселенности к центру поверхности, Семенов-Тянь-Шанский утверждал необходимость доведения географического центра «государственной территории по возможности до одинаковой густоты населения и степени экономического развития». Географический центр территории России отдален от центра народонаселенности на 3 тыс. км (в США – на 100 км),

поэтому «чрезматериковое государство» нуждается в длительных периодах «великого покоя» для сближения трех центров страны. Эти периоды «великого покоя» всегда сопряжены с динамикой колонизации. Если последняя реализуется в клочкообразной системе как «борьба с пространством» посредством мощного морского флота, то для «чрезматерикового государства» победа над пространством достигается значительно большими усилиями. Так, Семенов-Тян-Шанский прогнозировал сооружение «меридиональных чрезматериковых путей», один из которых должен был связать Европу с Африкой. Этот путь, по мнению ученого, должен был начинаться «нашей Мурманской магистралью, направиться через центр Русской равнины на Кавказ, отсюда поперек главного Кавказского хребта, далее поперек Малой Азии в Сирию, от нее через Суэцкий канал в Египет, из Египта через восточно-африканские территории на Капштадт (Кейптаун – *И. К., Д. К.*)». По сути дела, Семенов-Тян-Шанский, определив политическую географию как науку об установлении пространственных взаимоотношений территориального могущества отдельных человеческих сообществ, дал одно из первых определений геополитики в отечественной науке [13].

В эти годы выходят работы другого замечательного русского ученого, специалиста в области военной географии А. Е. Снесарева. Он продолжил исследования Д. А. Милютина и разработал своеобразную геостратегическую концепцию. В вышедшей в 1906 г. книге «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» Снесарев рассматривал несколько причин поступательного движения России в Азию и установления своего влияния над регионом Центральной Азии. Анализируя геополитическую историю России, ученый признает «естественным и давно намеченным» движение России к «теплой воде» Индии. Одну из причин он усматривал в том, что русскому народу «мало Русской равнины», недостатками которой Снесарев считал однообразие ландшафта, отсутствие теплого океана и ненадежность границ. Русская равнина оказалась тесной землепашцам,

поэтому Московское царство стало расширяться во все стороны. Вторая причина — «стремление к власти», т. е. желание государства «расширить сферу влияния, обладать всеми слабами». Выход на север ограничен льдами Северного Ледовитого океана, движение на запад было остановлено германскими племенами и шведами, а на юг сдерживалось Османской империей. Поэтому, делал вывод автор, «русскому народу оставалась Азия, и он рванулся в нее по всем возможным направлениям: прямо на юг, через Кавказ, на юго-восток — через Киргизскую степь и далее к Индии и на восток по Сибири к Великому Океану и Китаю». Так Снесарев определял геостратегию для России: единственным направлением ее «поступательного движения» является юго-восточное — через Центральную Азию и страны Среднего Востока к Индийскому океану.

Выше уже говорилось о тех положениях военной географии, которые были разработаны в середине XIX в. Д. А. Милютиным. Снесарев делает следующий шаг в объяснении сил, определяющих могущество государства. Если Милютин полагал таковыми силами территорию (страну), народонаселение и государственное устройство, то Снесарев определяет могущество государства наличием территории, силы и средств. Под силами он понимал народонаселение и вооруженные силы государства, а под средствами — естественные богатства страны, т. е. «капитал войны»: промышленность, финансы, железные дороги, технику. Снесарев вплотную подходит к формулировке направлений геополитической стратегии России, исходя из определения предмета военной географии, который состоит в «изучении могущества государства (страны) в его географическом отражении... Под военным могуществом, — уточняет ученый, — в данном случае будем разуметь способность государства вести всякую войну с доведением до победного конца [14].

В 20-х гг. XX в. взлет геополитической мысли в Советском Союзе оборвался последней открытой публикацией статьи А. Радо «Геополитика» в первом издании Большой Советской Энциклопедии. В последующие десятилетия само понятие геополитики было

изъято из научного оборота в отечественной литературе либо интерпретировалось как одно из проявлений буржуазной науки, хотя геополитические идеи в полной объеме использовались с целью укрепления политического и военного могущества Советского Союза. Радо определял геополитику как учение о географической обусловленности политических явлений. Привлекают интерес указанные им семь универсальных геополитических закономерностей:

- 1) тяготение континентальных стран к морю;
- 2) стремление к завоеванию противоположного берега или овладение целым морским бассейном;
- 3) перерастание через океан;
- 4) овладение морскими путями и проливами;
- 5) реки как носители исторического развития;
- 6) большие реки как национальные или государственные границы;
- 7) система рек как фактор сохранения государства [15].

Как и любую энциклопедическую статью, статью Радо следует рассматривать как теоретическое обобщение геополитических исследований того времени. Дальнейшее развитие геополитики в нашей стране осуществлялось без упоминания данного названия в политической и военной географии (в рамках последней важная роль отводилось геостратегии), в востоковедении и дипломатии.

Так идейные искания и научная мысль подошли вплотную к тому рубежу, за пределами которого стали выкристаллизовываться путь революционных преобразований России и признание ее как особого мира – России–Евразии, –который в силу своей исторической судьбы в равной степени относится и к Европе, и к Азии. А потому вековым остается для России вопрос, как относиться ей к тому и другому миру. Евразийцы решали этот вопрос, исходя из признания России–Евразии как самостоятельного мира, который исторически обречен быть объединителем этих миров.

§ 2. Н. С. Трубецкой: «Мы объединились на некотором общем настроении и “мироощущении”»

Идеи евразийства витали в воздухе, можно сказать, сопровождая ход революционной борьбы в России. В данном случае мы не намереваемся искать какие-либо связи между ними, весьма неоднозначные и порой загадочные (достаточно вспомнить хотя бы операцию «Трест»), поскольку это тема особого разговора. Отметим лишь факт их совместного сосуществования в российском социуме и то, что в 20–30-х гг. XX в. евразийцы так или иначе позиционировали себя по отношению к большевизму, к Советской власти и тем событиям, которые происходили в Советском Союзе. Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) одним из первых уловил это евразийское идейное движение, о чем он писал 28 июля 1921 г. Р. О. Якобсону, объясняя свое участие в издании совместно с П. П. Сувчинским, Г. В. Флоровским и П. Н. Савицким сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» в Софии в 1921 г.: «Мы объединились на некотором общем настроении и “мироощущении”, несмотря на то, что у каждого из нас свой подход и свои убеждения... Сущность его (данного сборника – *И. К., Д. К.*) состоит в нащупывании и прокладывании путей для некоторого нового направления, которое мы обозначаем термином “евразийство“, может быть, и не очень удачным, но бьющим в глаза, вызывающим, а потому – подходящим для агитационных целей. Направление это носится в воздухе. Я чувствую его и в стихах М. Волошина, А. Блока, Есенина и в “Путях России” Бунакова-Фундаминского, в то же время в разговорах некоторых крайне правых и даже у одного заядлого кадета. Похоже, что в сознании интеллигенции происходит какой-то сдвиг, который, может быть, сметет все старые направления и создаст новые, на совершенно других основаниях. Сейчас все это очень неопределенно, но, безусловно, “что-то готовится, что-то идет“, и при таких условиях

необходимо возбуждать мысль, расталкивать, будить, сдвигать с мертвой точки, дразнить неприемлемыми парадоксами, назойливо вскрывать то, что стремятся спрятать от самих себя...» [16]. За год до этого Трубецкой публикует в Софии, куда он эмигрировал в 1920 г. и стал преподавать в Софийском университете, брошюру «Европа и человечество».

Именно она послужила своеобразным первым манифестом евразийства и сигналом к объединению творческой интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Причем надо учитывать, что это были делающие свои первые шаги в науке молодые люди, которые расценивали феномен евразийства как синтез науки и политического движения. Сокращенный вариант этой работы Трубецкого вошел в упомянутый выше сборник «Исход к Востоку». Так «утверждения евразийцев» обрели коллективный характер и положили начало целому движению. Как же этот процесс вызревал? Для этого мы обратимся еще раз к письму Трубецкого Якобсону, но более раннему, от 7 марта 1921 г., в котором он подробно объяснял своему корреспонденту замысел «Европы и человечества», методологическую предзаданность данной работы и наказ своим соратникам и последователям. «Существенное в книге — это отвержение эгоцентризма и “эксцентризма” (полагание центра вне себя, в данном случае — на западе). И главное требование, вытекающее из этого, единственный возможный выход (точнее: направление к выходу) мною указан: это — революция в сознании, в мировоззрении интеллигенции неромано-германских народов... Сущность революции в сознании состоит в полном преодолении эгоцентризма и эксцентризма, в переходе от абсолютизма к релятивизму. Это есть единственная надежная преграда на пути захватных стремлений романо-германской цивилизации».

Автор с трудом подбирает слова, чтобы выразить свой замысел «революции в сознании»: вот вам «романо-германская цивилизация», от которой надо огородиться, вот вам и условие, при котором надо это осуществить, — полное преодоление эгоцентризма и эксцентризма. А что же ожидать от этой самой «революции в сознании»? И Трубецкой предлагает неожиданный ход: «Я хотел,

чтобы моя книга поставила читателя перед пустым местом и заставила его поразмыслить над тем, чем эту пустоту заполнить». Но здесь же он предлагает и свой вариант осуществления той самой «революции в сознании», которая должна привести к утверждению самобытной национальной культуры, что, в свою очередь, обуславливает различие между истинным и ложным национализмом: «Национализм хорош, — поясняет Трубецкой, — когда он вытекает из самобытной культуры и направлен к этой культуре. Он ложен, когда он не вытекает из такой культуры и направлен к тому, чтобы маленький, по существу, неевропейский (неромано-германский) народ разыгрывал из себя великую державу, в которой все “как у господ”. Он ложен и тогда, когда мешает другим народам быть самими собой и хочет принудить их принять чуждую для них культуру... Истинный национализм предстоит создать». И вот здесь начинается самое интересное, о чем хочет поведать автор читателям и, в первую очередь, своему корреспонденту Роману Якобсону: истинный национализм, который предстоит создать, и есть то самое евразийство. Об этом не говорится прямо, но это подразумевается (вспомним его слова — «направление это носится в воздухе»). Неприятие Трубецким революционных преобразований в России мотивируется довольно слабым аргументом в виде фразы из его предисловия к русскому изданию книги Г. Уэллса «Россия во мгле»: «У нас в России и в Азии *народный* “большевизм” есть восстание не бедных против богатых, а презираемых против презирающих». Восставшим народом руководят вожди, интеллигенты, в сознании которых как раз и не произошла та революция, о которой писал выше Трубецкой. По его мнению, вожди русской революции «продолжают пребывать во власти европейских предрассудков, базироваться на эволюционной науке, на учении о прогрессе и на всем порождении романо-германского эгоцентризма. Они социалисты, а социализм и коммунизм — законные дети европейской цивилизации...» [17]. Такова была позиция Трубецкого, который «зажег факел» евразийства, пытаясь представить его как спасительное средство «национального самоопределения» России, но ее история на весь XX в. распорядилась

по-своему. Примат культуры над политикой, утверждаемый Трубецким, так и остался не принятым на вооружение.

Особо хотелось бы остановиться на работе Трубецкого «К проблеме русского самопознания», опубликованной в 1927 г. в Париже. Книга представляет собой сборник ранее изданных статей, но внимание стоит обратить на предисловие («От автора»), в котором автор, отталкиваясь от признания понятия личности как одного из самых важных в евразийском учении (в котором личностью является не только отдельный человек, но и народ), выдвигает идею о персонологии как науке о личности. «Для ученых, принимающих участие в евразийском движении, — пишет в предисловии автор, — главным предметом описательного исследования является та многонародная личность, которую в совокупности с ее физическим окружением (территорией) евразийцы называют Евразией». Трубецкой ратует за создание системы наук, подчиненных персонологии, а евразийство как система мирозерцания должна включать еще и систему философских, политических, эстетических и др. идей, которой должна соответствовать и система практических действий [18]. Спустя полвека эта идея ученого воплотилась, во многом благодаря усилиям академика И. Т. Фролова, в создании системы наук о человеке, которая ныне стала одной из ключевых в глобалистике.

К концу 1920-х гг. Трубецкой начинает тяготиться евразийскими занятиями, о чем он пишет в письме Сувчинскому 10 марта 1928 г. Он вполне справедливо считает, что его призвание — наука, а к публицистике и к философствованию (так теперь он стал воспринимать евразийское движение) у него никакого призвания нет. «Главный евразиец», как называли Николая Сергеевича его единомышленники, дошел до отчаяния: «Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций... в глубине души я его просто ненавижу, и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его, уйти от него, забыть про него было бы для меня высшим счастьем» [19]. В 1929 г. в знак протеста против просоветской и прокоммунистической направленности газеты «Евразия»

Трубецкой вышел из состава руководящих органов евразийского движения. В то же время он продолжал участвовать в работе теоретических евразийских семинаров, публиковал в различных евразийских сборниках небольшие статьи и заметки, но основное внимание было обращено к языкознанию, теории языка; его труды в этой области получили мировое признание. В 1938 г. после аншлюса Австрии Трубецкой, проживающий в Вене, неоднократно подвергался притеснениям со стороны гестапо. По признанию П. Н. Савицкого, от концлагеря его спас только титул князя. Однако значительная часть его научных рукописей была конфискована во время обыска и впоследствии утрачена. Не перенеся этой потери, Н. С. Трубецкой скончался от инфаркта миокарда.

§ 3. П. Н. Савицкий: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года»

В докладе на Международном съезде историков в 1933 г. в Варшаве П. Н. Савицкий, один из представителей «ведущей тройки» евразийцев, прямо заявил: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 г. в среде тогдашнего младшего поколения русской интеллигенции. Оно стремится подвергнуть пересмотру основные представления относительно хода русского исторического развития. Евразийство породило значительную историческую литературу, но и встретило многочисленные возражения со стороны старшего поколения русских историков. В исторической области оно сосредоточивает свое внимание на объяснении возникновения Российской империи XVIII–XX вв. и сменившего ее Союза советских республик... Евразийцы высказываются за решительное расширение тех рамок, в которых трактуются проблемы русской истории. Они считают необходимым русскую историю расширить до рамок

истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира — срединного мира старого материка — в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин... Устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» [20]. Так предельно четко и понятно Савицкий определил, во-первых, историческое время зарождения евразийства, во-вторых, его роль по отношению к интерпретации евразийской истории России (имея в виду, преимущественно, работы Г. В. Вернадского). В-третьих, что является, пожалуй, самым важным для всех наших дальнейших рассуждений, Савицкий заявил об утверждении самостоятельного статуса евразийской геополитики как геополитики цивилизационной, а не силовой, не военной, которая была присуща немецкой и англо-саксонской геополитическим школам.

Петр Николаевич Савицкий (1895—1968) в 1913 г. поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института, где учился «весьма удовлетворительно» (т. е. на «отлично»), что позволило ему, в соответствии с «Правилами присуждения звания кандидата экономических наук и действительного студента на экономическом отделении», претендовать на «приобретение» степени кандидата экономических наук после представления диссертации на обсуждение в заседание экономического отделения. По признанию Струве, Савицкий «обнаружил выдающиеся дарования» и был им рекомендован для работы в российской миссии в Норвегии, где он в 1916—1917 гг. служил коммерческим секретарем посланника. За это время он подготовил заключение двух торгово-политических соглашений между Россией и Норвегией и собрал материал для кандидатской диссертации «Торговая политика Норвегии во время войны». 4 октября 1917 г. Советом института Савицкий был утвержден в звании

кандидата экономических наук [21] и был оставлен при институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории хозяйственного быта. После Октябрьской революции Савицкий уехал на Украину, жил в Одессе, Екатеринодаре, Полтаве, Харькове, Ростове, работал над книгой «Метафизика хозяйства и опытное его познание», опубликованной лишь в 1925 г. В годы Гражданской войны Савицкий служил в штабе главнокомандующего русской армии в Крыму генерала Врангеля, занимался организацией помощи русским беженцам, руководил экономическим отделением Управления иностранных дел в созданном в апреле 1920 г. правительстве Юга России. В ноябре 1920 г. Савицкий покинул родину. Начались его скитания по европейским столицам, которые были насыщены творческой и организационной работой, связанной с зарождением евразийства. В Софии он вошел в редакцию возобновленного П. Б. Струве журнала «Русская мысль», в котором поместил статью «Европа и Евразия» (1921, № 1–2) в виде рецензии на брошюру Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». В ней автор впервые наметил основные направления теоретического обоснования евразийства и ввел в научный оборот термин «Евразия» как ключевую геополитическую и историософскую категорию.

Остановимся несколько подробнее на этом «нововведении» Савицкого, который заявляет об обосновании евразийства с естественнонаучных и, говоря современным языком, культурологических позиций. Так, он вполне четко заявил, что «в чисто географическом смысле Россия в границах 1914 г. или, вернее, в своих частях, лежащих на восток от меридиана Пулкова (берем искусственные пределы, так как естественная граница отсутствует), представляет собой своеобразный мир, отличный и от “Европы” (как совокупности стран, лежащих к западу от Пулковского меридиана, в сторону Атлантического океана), и от “Азии” (как совокупности низменностей Китая, Индостана и Месопотамии, горных стран, лежащих между ними, и островов, к ним прилегающих), — наиболее континентальный мир из всех географических миров того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материках земного шара... Россия как по своим пространственным

масштабам, так и по своей географической природе... является “континентом в себе”. Этому континенту, предельному “Европе” и “Азии”, но в то же время непохожему ни на ту, ни на другую, подобает, как нам кажется, имя “Евразия”... Вместо обычных двух на материке “Старого Света” мы различаем три континента: Европу, Евразию и Азию... Пределы “Евразии” не могут быть установлены по какому-то несомненному признаку, так же как не может быть установлена такая граница в отношении к обычному подразделению Европы и Азии. В последнем случае пределом Европы условно считаются восточные границы Архангельской, Вологодской, Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний и Уральской области. Так же условно пределом “Евразии” можно считать границы Державы Российской или ее частей, лежащих к востоку от Пулковского меридиана... Таким образом, Россию мы отождествляем с Евразией». Так рассуждает Савицкий-географ.

С другой стороны, евразийская культура, по мнению автора, характеризуется ее общей интенцией противопоставления романо-германской культуре и даже «расширения рамок мирового протеста против романо-германской агрессии» (в этих словах, в унисон с Н. С. Трубецким, улавливаются умонастроения, навеваемые только что завершившейся Первой мировой войной). Что же позволяет Савицкому утверждать собственно культурологический контекст евразийской идеологии? Это — признание, во-первых, некоей целостности культуры великого множества народов Евразии и, во-вторых, центральной и определяющей роли «этнографической России» в «неромано-германском мире». Эта роль России, по мнению Савицкого-этнолога и культуролога, выражается в той силе, которая способна свергнуть с себя безусловное подчинение «романо-германской» культуре и устранить слепое подражание «европейскому» образцу, «кошмар ... всеобщей европеизации». Вполне резонно автор замечает, что Россию в этом стремлении поддерживают примыкающие к ней туранские, монгольские, арийские, иверские, финские народы. И даже ряд народов и стран, примыкающих к границам России и стремящихся сохранить свою полную политическую от нее независимость, связаны, как тонко

замечает Савицкий, с Россией «некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств». И еще одну немаловажную социокультурную характеристику Евразии отмечает Савицкий: «Важнейшим фактом, характеризующим национальные условия Евразии, является факт иного конструирования отношений между российской нацией и другими нациями Евразии, чем то, которое имеет место в областях, вовлеченных в сферу европейской колониальной политики... Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого “братания” наций, не имеющих никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй» [21]. Таков был ответ Савицкого на книгу Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». Вскоре это привело к зарождению первых ростков евразийского учения, предваряющих появление в скором времени манифеста евразийского движения («Поворот к Востоку», 1921 г.), программного документа евразийцев («Евразийство», 1926 г.), евразийской геополитики («Географические и геополитические основы евразийства», 1933 г.) и др. Место появления этих ростков – Петроград («Пулковский меридиан»), Петроградский политехнический институт.

С самого зарождения евразийского движения Савицкий выступил его ведущим организатором и теоретиком, создателем евразийского варианта русской геополитики, обосновал базовые для евразийского учения концепции месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической и евразийской истории и т. д. Всего до 1940 г. Савицкий опубликовал более 170 работ об экономической, политической и культурной жизни СССР, по вопросам экономической истории и экономической географии, о развитии исторической науки, философии, географии в немецких, французских, чехословацких, польских изданиях. Часть своих работ он публиковал под псевдонимами П. В. Логовиков, С. Лубенский, П. Востоков. В Праге в 1927 г. Савицкий издал книги «Геополитические особенности России» (Ч. 1. Растительность и почвы) и «Россия – особый географический мир». Статья «Геополитические заметки по русской истории» была опубликована в том же году в качестве приложения к работе Г. В. Вернадского «Начертание русской истории». В Берлине в 1932 г. вышла книга Савицкого «Месторазвитие

русской промышленности» (вып. 1: «Вопросы индустриализации»). На Международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. он выступил с докладом «Евразийская концепция русской истории». В 1938–1939 гг. Савицкий работал над книгой «Основы геополитики России», в которой доказывал, что многое в истории, культуре и экономике России определено взаимодействием между своеобразными «историческими формациями» — степной и лесной зонами. «Важнейшей осью, около которой вращалась историческая жизнь “русского мира” или, иначе, географической среды, занятой в настоящее время русским народом и государством, — так начинает свою работу автор, — на всем протяжении обозримой для нас истории являлась граница между степной и лесной зонами» [22]. К сожалению, эта книга осталась незаконченной, о чем с сожалением автор писал в 1944 г. Последующие тридцать лет Савицкий не мог посвятить систематическим научным изысканиям, поскольку в 1940–1944 гг. работал директором русской гимназии в Праге, с 1945 по 1956 гг. находился в заключении по обвинению в антисоветской деятельности, а после возвращения в Прагу занимался переводами, поскольку не был допущен к педагогической деятельности. Довольно примечательно одно из его воспоминаний об этом периоде, поведенное в письме Л. Н. Гумилеву от 26 ноября 1956 г.: «Я много слышал о Вас еще задолго до 1945 г. — и всегда хотел познакомиться с Вами лично и с Вашими работами. Вы поймете, с каким нетерпением я жду их теперь!» [23]. В отличие от Г. В. Вернадского, который заложил основы исторической концепции евразийства, Савицкий актуализировал евразийство в экономико-географическом, социокультурном и геополитическом аспектах. Революция в России, как утверждал Савицкий, не меняет направления исторического процесса: Евразия остается «месторазвитием» особой цивилизации, происходит лишь видоизменение многовековой традиции, ее «мутация». Евразийское понимание планового хозяйства, по его мнению, еще радикальнее, чем у большевиков, и в этом смысле «мы (евразийцы — *И. К. Д. К.*) являемся сверхсоциалистами». Однако истинное евразийство, как признавал Савицкий, заключается в замене примата политики приматом культуры.

§ 4. Г. В. Вернадский: «Есть только одна Россия “евразийская”, или Россия—Евразия»

Георгий Владимирович Вернадский включился в «тройку лидеров» евразийского движения со времени переезда в 1922 г. в Прагу, где состоялось его знакомство с Савицким и Трубецким. Так объединились в творческий союз историк, экономист-географ и лингвист. Там же Вернадский познакомился с Н. П. Кондаковым, благодаря которому он обратил свой интерес к взаимоотношению Древней Руси и мира кочевников, проявившийся еще в 1913 г. с начала

работы в Санкт-Петербургском университете, в программу своей дальнейшей работы. Родился Георгий Владимирович в 1887 г. в Москве в семье Владимира Ивановича Вернадского — великого русского, советского ученого-геолога, основателя множества научных направлений, институтов, создателя учения о биосфере и ноосфере. Он закончил историко-филологический факультет Московского университета, а в октябре 1917 г. защитил диссертацию в Петроградском университете (в тот же год и месяц, когда и Савицкий, но в Петроградском политехническом институте). Проработав непродолжительное время в Перми, Киеве (где его отец занимался организацией Украинской академии наук), Симферополе, Г. В. Вернадский в 1920 г. эмигрирует из России. В 1922—1927 гг. он работает в Праге, а получив приглашение на педагогическую работу в Йельский университет, переезжает в США. Признание к нему пришло достаточно поздно, после 1962 г., когда он, наконец-то, получает звание профессора. К этому времени он завершает свой капитальный труд в пяти томах — «История России». Скончался Г. В. Вернадский в 1973 г.

А началась «История России» с небольшой работы, которую Вернадский написал и успел издать в Праге в 1927 г. буквально

накануне своего путешествия через Атлантический океан. Это было «Начертание русской истории», идея которой зародилась у него еще в первый год работы в Санкт-Петербургском университете. Инициатором подготовки к изданию этой работы выступил Савицкий, который тогда же в Праге издал первую часть своей работы «Географические особенности России». Как тонко заметили С. Б. Лавров и А. С. Лавров, такое совпадение послужило основанием для шуток среди русских эмигрантов, что у евразийцев теперь есть история с географией [24]. Чем же знаменательна эта работа для обоснования евразийства и евразийской геополитики России? Еще в предисловии автор обращает внимание читателей на то, что события русской истории и политика ее деятелей рассматриваются на ее «географическом фоне». Вернадский изначально задает научную программу, основанную на собственно евразийской парадигме синтеза исторического и географического знания, что будет характерно и для цивилизационной геополитики. Отмечая во «Введении», что творцом русской истории является сам русский народ, автор четко определяет географические рамки его развития: «Нет “естественных границ” между “Европейской” и “Азиатской” Россией. Следовательно, нет двух России, “Европейской” и “Азиатской”. Есть только одна Россия “евразийская”, или Россия—Евразия. Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу» [25]. Евразия, т. е. «Срединный Материк как особый географический и исторический мир» — это судьба русского народа. Так евразийская «история с географией» имела вполне серьезные намерения — географической основой русской истории Вернадский определяет «соотношение лесной и степной полосы, борьбу леса и степи» [25, с. 24]. А это следует рассматривать как фундаментальный методологический принцип — диалектику двух противоположных начал, наполняемую природным и этнографическим содержанием. Те или иные месторазвития в пределах одной и той же

географической среды образуются в разные исторические периоды как совокупность социально-исторических и географических признаков, присущих человеческим обществам. В современной этнологии и регионалистике аналогом понятия месторазвития в более широком толковании выступают понятия историко-культурных зон, регионов, а в геополитике — понятие больших пространств. В качестве примеров Вернадский называет такие цельные месторазвития, как Каспийско-Черноморская степь, объединения леса и степи, а самым большим месторазвитием он определяет Евразию как целый географический мир. «Именно в рамках этого мира, — заявляет он, — могли образовываться такие крупные социальные единицы, как Скифская, Гуннская или монгольская империя, а позже империя Российская» [25, с. 26]. Более того, Евразия — это не только географический мир для русского народа, но и месторазвитие, которое он в большей степени создал сам как «сожителство разных народностей». Вернадский, анализируя ход истории России в контексте истории Евразии, утвердительно заявил о неустранимой внутренней логике «месторазвития», которая проявилась в стремлении русского народа на протяжении многих веков освоить себе все пространство Евразии, которая с конца XIX в. стала областью «действия русского исторического процесса, русское историческое месторазвитие». Ныне же, т. е., надо полагать, на время написания автором этих строк, «Евразия представляет собою такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела» [25, с. 29, 33]. Это положение подтверждает и Савицкий в «Геополитических заметках по русской истории», которые Вернадский включил, по обоюдному согласию, в свою книгу: «Евразия как географический мир как бы “предсоздана” для образования единого государства... К концу XIX в. завершился (в основных чертах) процесс создания России—Евразии как геополитического единства» [25, с. 310].

Вернадский делает еще одно важное нововведение, связанное с раскрытием внутренней динамики месторазвития

России—Евразии в ходе создания всеевразийского государства. Он рассматривает эту динамику в виде периодической ритмичности государствообразующего процесса, обусловленного борьбой леса и степи, которые представлены не в почвенно-ботаническом их значении, а в совокупности их природного и историческо-культурного значения. Вернадский выделяет следующие периоды государствообразующего процесса:

I период — попытки объединения леса и степи (до 972 г.).

II период — борьба леса и степи (972—1238 гг.).

III период — победа степи над лесом (1238—1452 гг.).

IV период — победа леса над степью (1452—1696 гг.).

V период — объединение леса и степи (1696—1917 гг.).

Длительность каждого периода (кроме 1-го) составляет два — два с половиной века, но обращаем внимание на схему периодической ритмичности государствообразующего процесса [25, с. 32], на которой Вернадский в конце ряда единой государственности «Российская Империя — Союз Советских Республик» ставит знак вопроса. Дело в том, что основатели евразийства воспринимали русскую революцию как логический итог двухсотлетнего периода европеизации России. В то же время в программном документе «Евразийство (опыт систематического изложения)», который они опубликовали в 1926 г., отмечалось, что русская революция «прежде всего — саморазложение императорской России, гибель старой России как особой симфонической личности, индивидуировавшей русско-евразийскую культуру, и смерть ее в муках рождения России новой, новой индивидуации Евразии». Но в этом же документе его авторы ратуют за создание в качестве преемницы большевистской партии своей евразийской партии, способной стать выразительницей интересов столь лелеемой ими России—Евразии [26]. Как знать, быть может, создаваемый Евразийский экономический союз станет тем самым евразийским государством, проект которого замыслили Трубецкой, Савицкий и Вернадский?!

§ 5. Л. Н. Гумилев: «Если России суждено возродиться, то только через евразийство»

Образно говоря, Лев Николаевич Гумилев — это «наше все» в современном евразийстве. В своих многочисленных работах он осуществил великий синтез идей своих непосредственных предшественников — евразийской этнологии Н. С. Трубецкого, евразийской истории Г. В. Вернадского и евразийской геополитики П. Г. Савицкого. Накопленный идейно-теоретический потенциал евразийства никак не умещался в жесткие рамки официально принятой философии всей системы гуманитарных наук советского периода.

Удивительная судьба — поистине героическая в науке и трагическая по жизненному пути — была у Льва Николаевича Гумилева, который, несмотря на все превратности судьбы, реализовал свой творческий потенциал, опубликовав при жизни все свои труды, что удавалось далеко не каждому ученому: более 260 прижизненных публикаций, в т. ч. 12 монографий. Его творческое наследие не вписывается в рамки одной исторической науки, ее отдельных направлений — археологии, кочевниковедения, востоковедения, этнографии, исторической географии. Следуя евразийской традиции, Лев Николаевич реализовал идею объединения гуманитарного и естественнонаучного знания, в первую очередь истории и географии, синтез которых давал качественно новое знание о глобальных исторических процессах. Он создал новую науку — этнологию. Это был профессионал высочайшего уровня, ученый энциклопедического склада ума. По воспоминаниям Натальи Викторовны Гумилевой, жены Льва Николаевича, академик Ю. В. Бромлей как-то прилюдно заявил: «Я не могу дискутировать с Гумилевым, потому что не знаю так историю. А Гумилев ходит по всемирной истории как по своей квартире!»

Успех своих лекций, например, объяснялся им «отнюдь не своими лекторскими способностями — я картавый, не декламацией и не многими подробностями, которые я действительно знаю из истории и которые включал в лекции, чтобы легче было слушать и воспринимать, а **той основной идеей, которую проводил в этих лекциях.** Идея эта заключалась в синтезе естественных и гуманитарных наук, то есть я возвысил историю до уровня естественных наук, исследуемых наблюдением и проверяемых теми способами, которые у нас приняты в хорошо развитых естественных науках — физике, биологии, геологии других науках» [27].

На протяжении десятилетий евразийство находилось то на подъеме творческого развития, то предавалось забвению и остракизму. Так, в предвоенный период диалектика евразийства шла по двум направлениям — в Советском Союзе евразийство воплощалось (под советскими флагами на всем пространстве Советского Союза и в странах социалистического содружества) в социальную практику, в стане евразийцев-эмигрантов оно обретало свои мировоззренческие и теоретические контуры. Примером тому могут служить слова Савицкого из статьи «Географические и геополитические основы евразийства», которую он опубликовал в 1933 г. в немецком журнале «Orient und Occident»: «Устраните этот центр — и все остальные его (Старого света — *И. К., Д. К.*) части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Япония) превращается как бы в “рассыпанную храмину”... Над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это “братство народов” выражается в том, что здесь нет противоположения “высших” и “низших” рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается “воля к общему делу”. История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем основном историческом деле... Только преодолением

нарочитого “западничества” открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих» [28].

В настоящее время евразийство некоторыми отечественными авторами рассматривается как идеология и новая парадигма возрождения России, как пример для утверждения междивизиационных отношений в глобальном мировом сообществе. Л. Н. Гумилев в одном из своих последних интервью сказал пророческие слова: «Если России суждено возродиться, то только через евразийство».

Как же происходил непосредственный творческий контакт между одним из основателей евразийства Савицким и «последним евразийцем» Гумилевым, как формировалась новая творческая лаборатория, получившая поддержку мэтра? В этом нам поможет обращение к эпистолярному наследию. Размышляя над письмами Савицкого Гумилеву, хотелось бы отметить, что эпистолярный жанр отличается от теоретического дискурса, пожалуй, тем, что в первом научные идеи находят свое выражение в первозданном виде — они находятся еще в своеобразном бродячьем движении, сцепляются между собой в некоторые мыслительные конструкции. Любая теоретическая работа, напротив, представляет собой некий целостный комплекс посылок, суждений, умозаключений, задающий новое освещение, решение проблемы. Удивление и восхищение вызывало то, что Савицкий в своих письмах Гумилеву вновь окунается в море гипотез, реминисценций и теоретических построений, которые, безусловно, фундируются энциклопедическими познаниями в области истории, географии, этнографии, кочевниковедения. Интересно проследить, какие новые идеи Савицкий вносил в созданное им за тридцать лет до этого евразийское учение и подхваченное надежными руками его последователя — «последнего евразийца», как называл себя Гумилев. Остановимся фрагментарно лишь на некоторых высказываниях Савицкого, характеризующих методологические основания евразийского учения и раскрывающих содержание геополитической истории России и кочевниковедения.

Так, в первом же письме (от 26 ноября 1956 г.) Савицкий отмечает: «...по разным причинам я в течение 15 лет (1941–1956) был лишен возможности писать и печатать научные работы. Тогда я стал излагать мои мысли в стихах и запоминать стихи наизусть. Это был единственный в условиях тех лет способ стать независимым от записи и бумаги. За 15 лет я написал более тысячи (!) стихотворений. Были моменты, когда я помнил наизусть тысячи и тысячи стихов своей собственной продукции» [29]. Тематика переписки была достаточно разнообразной. Ученые обсуждали проблемы кочевниковедения и истории России, географического детерминизма и ритмов истории Евразии и т. п. На протяжении всей своей жизни ученые занимались историей Великой Степи и ставили перед собой, независимо друг от друга, схожие задачи: это, в первую очередь, необходимость развития кочевниковедения и важность этой темы для истории России, а также своеобразная «реабилитация» кочевников.

К 1956 г. Савицкий являлся уже признанным ученым, написавшим основную часть своих работ, в то время как Гумилев только начинал завоевывать свое место в исторической науке. Основными работами Савицкого в области истории Срединной (Центральной) Азии, которые наиболее четко демонстрируют его позицию, являются: «Геополитические заметки по русской истории», «Степь и оседлость», «О задачах кочевниковедения». У Гумилева же к началу переписки с Савицким была защищена кандидатская диссертация на тему «Подробная политическая история первого тюркского каганата: 546–659 гг.» и опубликованы ее тезисы и статья «Статуетка воинов из Туяк-Мазара». К этому времени он уже был знаком с некоторыми работами Савицкого. Так стали складываться отношения состоявшегося крупного ученого, вернувшегося после перерыва в 15 лет к науке, с начинающим (если судить по опубликованным работам) исследователем, который лишь в 44 года начнет разрабатывать свои основные идеи и публиковать фундаментальные работы.

Савицкий весьма точно характеризует методологическую общность их исследований. Так, в письме от 10 февраля 1964 г.

он пишет Гумилеву следующее: «...Вы достигли вершины, акме научного творчества, его подлинного цветущего состояния. Без перенажима на свои силы (что было бы губительно) — используйте всю это священное состояние духа, это стояние в зените Вашего знания и Вашей творческой мысли. И да продлится как можно дольше и пусть даст как можно больше эта великая кульминация Ваших творческих сил!.. Цель... нашей научной работы (извините, что так говорю сразу за нескольких) в одном из ее поворотов — это создание или построение “картины-системы”. Под этим понятием я подразумеваю объединение многого, иногда бесконечно многого — в одном, но емком, собрание разбросанного воедино, точнейшее определение (по Вашему слову) “что к чему”. Начертание “картины-системы” исследуемых явлений было методом целого ряда моих как исторических, так и географических и даже философских работ. Мне кажется, что понятие “картины-системы” — или, говоря по-иному, структуральный подход к проблемам... — мне кажется, что понятие это родственно и Вашему методу» [30].

Из этих слов Савицкого следует сделать вывод о том, что именно методологическая общность определяла преемственность в евразийском учении на протяжении всего XX в. Неоднократно в его письмах звучала гордость за то, что евразийское учение, зародившееся в творческой лаборатории русского зарубежья, нашло своего достойного продолжателя в отечественной науке. Эта мысль подтверждается и теми суждениями Савицкого, которые касаются собственно русской истории. В письме от 27 декабря 1958 г. он пишет Гумилеву: «сегодня снова хочу побеседовать с Вами... В лоне Монгольской державы сложилась *новая Русь*. Едва ли не этим определилась и определяется вся дальнейшая судьба человечества... Тут не нужно бояться сложности картины и относительно малой длительности “подъемов” и “прогибов”. Нужно давать бывшее *во всей детальности*, как Вы это и делаете. “Причины” прогиба *всегда*, в определенном смысле, лежат в *предшествовавшем подъеме*. Это *общая закономерность* всей “досоциалистической” истории человечества, важная черта ее ритмики. Это Ваше наблюдение

ние (абсолютно правильное) должно *вдохновлять*, а не смущать историка. Оно открывает ему *тайны прошлого*, структуру времени, если можно так выразиться... *В политико-географическом* отношении (следует отметить, что на протяжении всей переписки и конкретно в данном случае Савицкий не пользуется, по вполне понятным причинам, геополитической терминологией, даже когда он упоминает свои сугубо геополитические работы 20–30-х гг. — *И. К., Д. К.*) и Римская империя, и даже халифат — мелюзга, по сравнению с державой Чингисхана и его наследников... *Объективно* кочевой мир — столь же великий и самостоятельный мир, как и миры греко-римский и мусульманский. В этом, мне кажется, *вдохновляющая и возвышающая* сторона великой Вашей работы». Эту мысль Савицкий продолжает развивать в письмах от 5 июня 1959 г. и от 3 декабря того же года. В первом из них, высказывая ряд критических замечаний по поводу интерпретации Гумилевым соотношения Леванта и Евразии («Иран, Туран и Россия» — это в значительной мере Ваши — Левант и Евразия), Савицкий отмечает: «Я рад, что Вы упомянули Чингисхана. Я продолжаю считать его крупнейшей (в политическом смысле) фигурой всей “доленинской” истории Евразии — великого и сурового отца нашего Чингисхана. Только Ленин превзошел его размахом и силой установки». А во втором письме Савицкий как бы подводит итог своим рассуждениям: «Древние кочевники — великий пример для нас, как нужно *сражаться и побеждать* (хотя бы и в бою — *один против ста*), как нужно стоять за свое, отстаивать свой быт, свой уклад жизни, свою самобытность. Задача нашей эпохи — во всех областях и по каждому признаку *сломать под самый корень рог западной гордыни*. Этому делу может и должно служить и русское кочевниковеденье (при сохранении *полной объективности* в изучении кочевников)» [31].

Приведенные выше мысли Савицкого, надо полагать, придавали силу и уверенность Гумилеву неумолимо следовать научной истине в утверждении евразийского учения, «невзирая на лица и ранги» своих оппонентов. На рис. 7 представлена карта Евразии: история народов, которые населяли ее в начале второго тысячелетия, стала предметом масштабного исследования Гумилева.

Рис. 7. Евразия в начале 2-го тысячелетия

Исследования Л. Н. Гумилева охватили тысячелетнюю историю России—Евразии. Евразийский континент, его срединная часть выступает для Гумилева местом формирования великорусской цивилизации на основе славяно-тюркского суперэтноса. Исторический альянс Леса и Степи определил характер культуры этой цивилизации, ее геополитическую судьбу и пассионарный характер. Из учения Гумилева следуют геополитические выводы относительно России—Евразии и образующего его суперэтноса:

1. Евразия представляет собой месторазвитие суперэтноса, или объединенного великорусского этноса. «Географическая ось истории» Х. Макиндера наполняется богатым этнографическим и историческим содержанием, вскрывающим социокультурную динамику российской геополитики.

2. Геополитический синтез Леса и Степи в центральной части Евразийского континента выступает фактором культурно-стратегического контроля над его западной и восточной частями. Это, в свою очередь, предполагает признание многополярного мира и цивилизационного многообразия, не допускающего превосходства какой-либо одной цивилизации над другими.

3. Геополитические сценарии будущего мирового развития должны основываться на прогнозных оценках возможных пассионарных толчков в различных регионах земного шара.

На протяжении XX в. евразийство выступало «идеей-силой» глобального русского проекта как единая духовная настроенность общественного и индивидуального сознания, нацеленная на сохранение жизненного геополитического пространства России—Евразии. Такая «идея-сила» получила всестороннее обоснование в работах Гумилева, который сформулировал «Евразийский тезис» следующим образом: «надо искать не столько врагов — их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность жизни. И союзников надо искать искренних. Так вот, тюрки и монголы могут быть искренними друзьями...» [32]. Отсюда урок для Большой России (в пределах всего постсоветского пространства) может быть представлен как установка на сохранение своего самостоятельного пути в мировой истории — не склоняясь ни в сторону Запада, ни в сторону Востока. Сама по себе полицентричность,

многополюсность мира неизбежно предполагает сохранение государств — ядер этих полюсов. Кстати говоря, Гумилев, развивая идеи своих предшественников-евразийцев, не сводил Евразию к европейской и азиатской территории, а понимал ее как систему всех народов, населяющих этот материк. Более того, евразийский взгляд он распространял не только на Россию, но и на Европу и Азию и другие континенты. Признавая принцип полицентризма, он не просто опровергал европоцентризм и ратовал за полицентризм. В отличие от своих предшественников, которые, провозглашая полицентризм, все-таки считали центром мира Евразию как «континент—океан», Гумилев доказывал, что центров много, их число определяется числом ландшафтов и, в принципе, каждый этнос может выступить исходным центром. В Евразии одним из таковых начинает выступать Евразийский Союз, следуя принципу: органическая целостность устойчивее и сильнее образующих ее элементов.

В одной из своих последних статей — «Евразийство: современность концепции...» — С. Б. Лавров писал: «Почему именно евразийство стало ключевой темой в дискуссиях о будущем России, об ее геополитических путях? Видимо, эта геополитическая концепция созвучна нашей эпохе... она стала востребованной в наши дни, в эпоху отчаянных поисков “идеи-силы” (формула евразийцев) для России, как осмысление феномена России... Тезис о “евразийскости” страны имеет несколько важных следствий. Во-первых, концепции универсализма противостоит концепция особого пути, концепции вестернизации — призыв быть самими собой... Признание “евразийскости” России диктует и ее геополитический путь — он не в фарватере США и Западной Европы... Евразийство — ориентир и разумной внутренней политике России... Наконец, из “евразийскости” России вытекает ее внешнеэкономическая линия. Это весьма актуально и сегодня как антитеза призывам “быть как все”... Лучшим доказательством актуальности идей евразийства является их широкий переход из сферы науки в сферу политики, тревога и проклятия Запада по этому поводу» [33]. В связи с этим следует рассматривать вопрос о возможности восстановления статуса сверхдержавы России в составе Евразийского экономического союза как одного из центров силы в обретающем свои

контуры полицентричном мире и, более того, разрабатывать геополитический проект обретения статуса великодержавности самим Евразийским экономическим союзом. «У нынешней России, — как справедливо отмечает Л. Г. Ивашов, — несмотря на унижения, заблуждения, разграбление ресурсов, духовности и интеллекта, тем не менее сохранился геополитический потенциал, превосходящий пока потенциалы всех других государств мира» [34].

Примечания

1. Ломоносов М. В. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1986. С. 436.
2. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 355–336.
3. Ламанский В. И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 183, 185–186, 199–200, 206.
4. Милотин Д. А. Критическое исследование военной географии и военной статистики. СПб., 1846. С. 46.
5. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 2, 23, 24.
6. Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1906. С. 130, 141.
7. См.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX–XX веков / Сост. Н. Г. Федоровский. М., 1997. С. 421–423.
8. Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 186; См. также: С. 175.
9. Ламанский В. И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 51, 95.
10. Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живов. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 731–738.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. сочинений в 30 томах. Т. 27. Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Dubia. Л., 1984. С. 194–196.

12. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии. Пг., 1915. С. 33.
13. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.—Л., 1928. С. 160, 162, 168, 193, 194.
14. Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 15; Снесарев А. Е. Введение в военную географию. М., 1924. С. 330.
15. Радо А. Геополитика // Большая Советская Энциклопедия. Т. 15. М., 1929. С. 390—391.
16. N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Prep. by R. Jakobson et all. The Hague—Paris, 1975. P. 21—22.
17. N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Prep. by R. Jakobson et all. The Hague—Paris, 1975. P. 12—16.
18. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Сост. В. М. Живов. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 109.
19. Цит. по: Соболев А. В. Своя своих не познаша. Л. П. Карсавин и другие // Начала. 1992. № 4. С. 56.
20. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 123—124, 126.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Фонд 478, опись 1, дело № 1837, лл. 53, 60, 65, 73—74.
22. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 152—155, 156—158.
23. ГАРФ. Архив П. Н. Савицкого 5783.
24. Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву. 1956 год // Геополитика и безопасность. 2008. № 4. С. 87.
25. Лавров С. Б., Лавров А. С. Предисловие // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство «Лань», 2000. С. 13.
26. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство «Лань», 2000. С. 23; Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 52, 58.
27. Гумилев Л. Н. Автонекролог // Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 31.

28. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 296, 302.
29. Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву // Геополитика и безопасность. 2008. № 4. С. 88.
30. Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву // Геополитика и безопасность. 2010. № 1 (9). С. 101–102.
31. Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву // Геополитика и безопасность. 2009. № 2–3 (6–7). С. 140–141, 147, 155.
32. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: 1993. С. 31.
33. Лавров С. Б. В каком мире мы живем? (размышления геополитика). СПб., 2001. С. 60–64.
34. Ивашов Л. Г. Геополитика русской цивилизации. / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 784.

Глава IV

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

---

§ 1. «Война и мир» между геополитическими акторами Евразии

Вторая половина XX в. ознаменовалась рождением на евразийском континенте множества международных организаций, экономических союзов и военных блоков, которые дополнили палитру национальных геополитических интересов интересами межгосударственными, региональными, межконтинентальными и способами их реализации. Не претендуя на всеобщий анализ деятельности всех организаций в пространстве геополитических связей и зависимостей, следует обратить внимание на ряд международных объединений военно-политического и экономического порядка, которые определяют геополитическую карту евразийского континента начала XXI в. Активности Североатлантического союза (НАТО), реализующего в Евразии, да и не только, англосаксонскую политику управления миром, противостоит набирающая силу Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая многое в геополитическом плане унаследовала от Организации Варшавского договора (ОВД). С другой стороны, Европейский союз как единый геополитический и геоэкономический центр силы явился наглядным примером реализации идеи «единой Европы», способной в послевоенный период противостоять мощи двух сверхдержав. В этом же направлении, хотя порой весьма непоследовательно, идет и Содружество независимых государств, пытающееся сохранить тенденции геополитического единства, заложенные Советским Союзом. И вот теперь начинает набирать силу новый геополитический актор на евразийском континенте — Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Иначе говоря, на евразийском континенте просматриваются следующие оппозиции: в военно-политическом плане — **НАТО** и **ОДКБ**, в социально-экономическом и гуманитарном — **ЕС** и **ЕАЭС**. Вместе

с тем континентальный блок, выражающий геоэкономические и геополитические интересы государств и цивилизаций центральной части Евразии, включает **ОДКБ** и **ШОС**. Рассмотрим подробнее диалектику их геополитического взаимодействия.

4 апреля 1949 г. по инициативе США двенадцатью странами (США, Франция, Нидерланды, Бельгия, Великобритания, Канада, Португалия, Люксембург, Италия, Дания, Норвегия и Исландия) была образована Организация Североатлантического договора (Северо-Атлантический альянс – НАТО, North Atlantic Treaty Organization, NATO) как **военно-политический союз**. Организаторы альянса официально заявляли, что целью его создания признавалась защита свободы и безопасности государств-членов альянса «политическими и военными средствами, гарантия защиты демократии, свободы личности, верховенства права и мирного разрешения споров, а также способствование распространению этих ценностей во всем Евроатлантическом регионе». Неофициальную цель альянса в 50-х гг. XX в. разъяснил с военной прямотой и лаконичностью первый генеральный секретарь НАТО британский генерал Гастингс Исмей: «To keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down» («Русских – вон, американцев – на их место, а немцев – держать в подчинении»). Иначе говоря, не допускать СССР в Европу, обеспечивать в ней американское присутствие и сдерживать Германию. Этой доктрины НАТО, придерживается по сей день: первую скрипку в альянсе неизменно играют США, все попытки Германии сформировать объединенные европейские вооруженные силы блокируются, а Россия остается для НАТО тем, чем был СССР, даже в еще большей степени, – противником № 1, несмотря на все «партнерства ради мира» и «открытое небо». Подтверждением расширения «НАТО-пространства» в беловежскую геополитическую эпоху служит смена акцентов в руководящих документах НАТО спустя полвека после своего появления на геополитической карте мира. В «Стратегической концепции Североатлантического союза» (апрель 1999 г.) были зафиксированы следующие ключевые положения:

- НАТО успешно обеспечивал свободу своих членов и *предотвращал возникновение войны в Европе* на протяжении сорока лет

«холодной войны». Сочетая оборону и диалог, он сыграл незаменимую роль в мирном разрешении конфронтации между Востоком и Западом (ст. 2).

- НАТО является воплощением неразрывной трансатлантической связи между безопасностью Северной Америки и безопасностью Европы (ст. 7, 27).

- Во имя укрепления мира и стабильности в Европе и за ее пределами европейские союзники усиливают свою способность к действиям, в том числе и военный потенциал (ст. 18).

- Ряд стран внутри и за пределами Евroatлантического региона переживают серьезные экономические, социальные и политические трудности. *Противоборство на этнической и религиозной почве, территориальные споры, малоэффективные или неудавшиеся попытки осуществления реформ, нарушения прав человека и распад государств могут привести к локальной и даже региональной нестабильности* (ст. 20).

- Проводя политику сохранения мира, НАТО будет содействовать предотвращению конфликтов, а в случае возникновения кризиса — участвовать в его эффективном урегулировании в соответствии с международным правом, включая *возможность проведения операций реагирования на кризис вне статьи 5 Вашингтонского договора* (ст. 31, 41, 43, 47, 49, 53с, 54, 61).

- Россия играет исключительную роль в обеспечении евроатлантической безопасности... *НАТО и Россия приняли на себя обязательства развивать отношения на основе общих интересов, взаимности и транспарентности во имя строительства прочного и всеобъемлющего мира в Евroatлантическом регионе на принципах демократии и безопасности, основывающейся на сотрудничестве* (ст. 36).

- Вооруженные силы НАТО должны обеспечивать военную эффективность и *свободу действий Североатлантического союза* (ст. 41).

- Географическое распределение сил в мирное время будет обеспечивать достаточное *военное присутствие на всей территории Североатлантического союза, включая размещение и развертывание*

сил за пределами своей территории и территориальных вод и передовое базирование сил по мере необходимости. Необходимо будет учитывать региональные и, в частности, геостратегические соображения в рамках Североатлантического союза, поскольку *нестабильность на периферии НАТО может вызывать кризисы или конфликты, требующие от союза военных ответных мер* в предположительно короткие сроки предупреждения (ст. 53b).

Из многостраничного документа мы выделили те статьи (*курсивом* — ключевые формулировки), по которым можно зафиксировать смену парадигмы деятельности НАТО за полвека его существования:

- ст. 20 — косвенное указание на нестабильность на постсоветском пространстве;
- ст. 31 и др. — присвоение себе права совершать военные операции вне регламентных рамок ст. 5 исходного документа НАТО (1949 г.);
- ст. 36 — декларативное заявление о развитии отношений на основе общих интересов между НАТО и Россией;
- ст. 41, 53b — свобода действий (в том числе и военных) Североатлантического союза.

Итак, первоначально цель создаваемого альянса формулировалась как обеспечение безопасности государств-членов альянса, а геополитическая сфера безопасности определялась Евроатлантическим регионом. Однако история показала, что истинной целью создания НАТО являлось обеспечение защиты стран-участниц альянса от советской военной угрозы. Отдельный вопрос — что следует понимать под Евроатлантическим регионом, если не только страны-члены НАТО (от 12-ти до 28-и, вошедшие в альянс на протяжении 65-ти лет)? Так, академик РАН В. Г. Барановский в Докладе для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI) (Мюнхен, 7–8 февраля 2010 г.) четко определял этот регион следующим образом: «Под таковым понимается геополитический ареал, состоящий из США, Европы и России. Их совместные усилия обеспечивают евроатлантическую безопасность — состояние защищенности указанного ареала

от дестабилизирующих угроз. Образ треугольной конфигурации, которую образуют США, Европа и Россия, не является абсолютным безупречным. Достаточно сказать, что даже пределы Европы, занимающей в этом образе центральное место, трактуются неоднозначно — может, например, возникнуть вопрос относительно правомерности “вычленения” из нее России или включения в нее стран Южного Кавказа. Далее, по геополитическим основаниям и с учетом реалий НАТО и ОБСЕ частью евроатлантического пространства является также и Канада (в этом смысле в качестве части евроатлантического “треугольника” было бы более уместно обозначить Северную Америку, а не только США). А вот у США и России есть значительные интересы безопасности за евроатлантическими рамками. Все эти уточнения обоснованны, однако они, как представляется, не ставят под сомнение уместность целостного, обобщенного анализа проблематики безопасности применительно к евроатлантическому региону». При этом методологически оправданным автор полагает критерий, согласно которому необходимо учитывать общие для рассматриваемого региона вызовы и возможности общего ответа на них. «Такие вызовы и такие возможности, — продолжает далее Барановский, — существуют; именно их наличие рассматривается здесь как системообразующее качество, способное трансформировать неупорядоченное и размытое множество “США, Европа, Россия...” в структурированную конструкцию “США + Европа + Россия”. Только в этом случае можно будет говорить о евроатлантическом регионе, евроатлантическом пространстве, евроатлантической безопасности как о геополитической реальности (или хотя бы как о возникающей реальности), а не в абстрактно-гипотетическом плане» [1]. Из сказанного следует, пожалуй, достаточно простой вывод: геополитическая безопасность евроатлантического ареала, представленного конструкцией «США + Европа + Россия», — это безопасность не от военных угроз со стороны какой-либо внешней силы (будь то исламский мир, Китай или кто-либо еще), а безопасность, связанная с сохранением своей цивилизационной целостности. Стоит обратить внимание на то, что темами

исторической встречи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска 12 февраля 2016 г. на Кубе и совместного заявления стали не только гонения на христиан, причем без различия – западных и восточных (и это после раскола христианства в 1054 г.), но и призыв к христианам Западной и Восточной Европы «объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией». И здесь мы должны четко различать противоречие между геополитическими (точнее, геоцивилизационными) закономерностями и военно-политическими усилиями НАТО (скорее, стоящими за спиной этой организации некими тайными силами, пусть это звучит в стиле модной ныне конспирологии; см. рис. 8), вспоминая риторический вопрос Т. Шеллинга: «Если игра с нулевой суммой есть предельный случай чистого конфликта, то какова другая крайность?» На этот вопрос он дает четкий ответ: «Это должна быть игра “чистого сотрудничества”, в которой игроки побеждают или проигрывают вместе, имея идентичные предпочтения относительно исхода... Игроки должны понимать друг друга, находить модели индивидуального поведения, которые делают предсказуемым поведение каждого игрока для его партнера» [2]. Иначе говоря, эвристические возможности теории игр достаточно тесно коррелируют с различными геополитическими доктринами, которые принято классифицировать исходя из тех политических

Рис. 8. Противостояние НАТО и России сегодня:
■ НАТО, ■ Россия

отношений, которые служат реализации государственных интересов на международной арене, будь то *конкуренция*, *доминирование* или *кооперация*. В математической теории игр был предложен тот логический переход от классической к глобальной геополитике, который позволил раскрыть природу взаимодействий акторов мировой политики в формирующемся полицентричном мире и выступить основой геополитической доктрины, которая выражает третий тип политических отношений – *кооперацию*.

Далее. Согласно пятой статье Договора данный союз, вопреки Уставу ООН, присвоил себе право применения вооруженных сил его участниками без каких-либо полномочий от Совета Безопасности (союз обязывает его участников лишь уведомлять Совет Безопасности о принятых ими мерах).

Итак, спустя полвека, в апреле 1999 г., была принята и опубликована Стратегическая концепция альянса, ключевые задачи которого заключались в следующем:

- быть гарантом стабильности в Североатлантическом регионе;
- проводить консультации по вопросам безопасности;
- осуществлять защиту стран-членов от любой агрессии или ее угрозы;
- проводить мероприятия, которые способствуют предотвращению вооруженных конфликтов, а также принимать участие в урегулировании кризисов;
- способствовать развитию международных отношений во всех сферах с другими государствами Североатлантического региона.

В рамках этой стратегии, НАТО заключил соглашение о сотрудничестве с целым рядом государств Европы («Партнерство во имя мира»).

Основные претензии России в той или иной мере связаны с фактором неопределенности. Прежде всего имеются в виду:

- масштабы и направления расширения сферы интересов НАТО за пределы традиционных «зоны ответственности» и задач «жесткой» безопасности (энергетическая безопасность, киберпреступность, Арктика, водные ресурсы, продовольственная безопасность и др.);

– толкование ст. 5 Вашингтонского договора 1949 г. о создании НАТО («коллективная оборона»), которая была ориентирована против «советской угрозы» и все еще считается центральной;

– вопросы применения силы с учетом обсуждаемых сценариев использования силового потенциала альянса.

Решительный шаг НАТО был связан с принятием в 2010 г. Лиссабонской декларации «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации североатлантического договора». В отличие от двух предыдущих концепций, данная характеризуется рядом новых положений:

– утверждение своей уникальности: «Хотя мир меняется, основная миссия НАТО остается неизменной: обеспечивать, чтобы Североатлантический союз и далее оставался *единственным в своем роде* сообществом свободы, мира, безопасности и общих ценностей» (Введение);

– утверждение своей привлекательности: «НАТО будет активно работать в целях укрепления международной безопасности... держа открытыми двери Североатлантического союза для всех европейских демократий, которые удовлетворяют критериям НАТО» (ст. 4с);

– утверждение своего превосходства: «Кризисы и конфликты за пределами границ НАТО могут представлять прямую угрозу безопасности территории и населения Североатлантического союза. Поэтому НАТО будет действовать там, где это возможно и необходимо, чтобы предотвращать кризисы, регулировать их, стабилизировать постконфликтные ситуации и поддерживать восстановление» (ст. 20);

– утверждение своей «доброжелательности» по отношению к России: «Сотрудничество НАТО с Россией имеет стратегическое значение, поскольку оно содействует созданию единого пространства мира, стабильности и безопасности. НАТО не представляет угрозы для России. Наоборот, мы хотим видеть подлинно стратегическое партнерство между НАТО и Россией, и мы будем действовать соответственно, ожидая от России взаимности» (ст. 33).

Мы должны, очевидно, исходить из сложившихся реалий: Североатлантический альянс остается ключевым геополитическим и силовым фактором, который влияет на ситуацию у наших границ и на нашу безопасность. И отношение России к нему должно быть основано на прагматизме и политической целесообразности, утверждающей исключительно ее национальные интересы и безопасность на пространстве Евразийского экономического союза.

Модель ОДКБ (региональная международная организация, провозглашаемыми целями деятельности которой являются «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам»). Пожалуй, именно ОДКБ следует рассматривать в качестве того самого ключевого звена обеспечения евроатлантической безопасности, который входит в зону геополитической структурированной конструкции, геополитического треугольника «США + Европа + Россия», который предлагает Барановский (рис. 9). В плане вызовов для евроатлантической безопасности и возможностей ее укрепления особое значение, по его мнению, имеют следующие территориальные ареалы: Западные Балканы, Южный Кавказ, Черноморский регион, Молдова и Приднестровье, Постсоветское пространство, Ближний Восток и Арктика [3]. А это как раз те звенья евразийской дуги нестабильности, которые рассматривались на ряде конференции, организованных Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета в 2013–2015 гг. [4].

Итак, поиск путей военно-политического взаимодействия НАТО и ОДКБ следует рассматривать, используя аппарат математического моделирования «геополитических игр» с ненулевой суммой (и параллельных игр), а межцивилизационные взаимодействия «вечных» соперников (представителей талассократии и теллуократии) — в моделях кооперативных игр.

Рис. 9. Противостояние: НАТО – ЕС, ОДКБ – ШОС

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляет собой военно-политический союз, созданный бывшими советскими республиками на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ), подписанного 15 мая 1992 г. По своим геополитическим контурам ОДКБ в основном аналогична формату СНГ (рис. 10).

Членами ОДКБ являются Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. 2 декабря 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о предоставлении ОДКБ статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. Россия связывает большие надежды с этой организацией, рассчитывая с ее помощью укрепить свои геополитические позиции в Центральной Азии, и признает этот регион зоной своих стратегических

Рис. 10. Геополитические контуры ОДКБ

интересов. В отличие от ШОС, ОДКБ, которая является региональной военно-политической структурой, более системно и глубоко сконцентрирована на сфере безопасности. На ее работе сказывается не только коллективный интерес семи государств к поддержанию безопасности в регионе, но и возросшая роль России в развитии двусторонних военно-технических, энергетических и торгово-экономических связей с каждым из участников проекта. Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа в ряде своих выступлений в январе-феврале 2016 г. сообщил, что в настоящее время особое внимание в деятельности Организации уделяется вызовам и угрозам, которые для стран Кавказа и Центральной Азии представляет запрещенная в России террористическая структура ИГИЛ (ДАИШ), а также проблеме возможного наплыва беженцев. Шла речь и о совершенствовании военного потенциала ОДКБ в условиях обеспокоенности в Организации в связи с усилением военной инфраструктуры стран НАТО вокруг границ ОДКБ, которая является региональной структурой безопасности. «Мы не говорим, как, например, НАТО, что хотим влиять на ситуацию в любой точке мира. Мы не предпринимаем таких шагов, и мандат ОДКБ распространяется только на обеспечение безопасности, в том числе применение силового потенциала, коллективных сил только на территории государств, входящих в ОДКБ», — подчеркнул Николай Бордюжа [5]. В связи с этим заявлением заметим, что до недавнего прошлого ОДКБ ограничивала сферу своего влияния лишь Центральноазиатским регионом. На перспективу прослеживается тенденция расширения геополитических границы сферы влияния ОДКБ за счет и Арктической зоны России, и российского Дальнего Востока. Задачей ОДКБ является защита территориально-экономического пространства стран-участниц договора совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба.

§ 2. Европейский союз и Евразийский Экономический Союз – союзники или?...

В. В. Путин в статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» [6] отмечал: «Два крупнейших объединения нашего континента – Евросоюз и формирующийся Евразийский союз – основывая свое взаимодействие на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования, объективно, в том числе и через отношения с третьими странами и региональными структурами, способны распространить эти принципы на все пространство от Атлантики до Тихого океана... Затем будет логично начать конструктивный диалог о принципах взаимодействия с государствами АТР, Северной Америки, других регионов» (рис. 11).

Другими словами, интеграционный процесс, следуя жанру глобалистики, рано или поздно охватит все континенты, страны, цивилизации. Евразийская интеграция находится на начальном этапе, поэтому крайне важно правильно задать векторы ее разворачивания – геополитический, цивилизационный, экономический, социально-политический и идеологический. Вместе с тем необходимо в полной мере учесть опыт интеграции, накопленный Европейским Союзом, и дополнить его своими начинаниями (рис. 12). Наконец, нельзя забывать и о том, что государства-члены Евразийского союза входят в Шанхайскую организацию сотрудничества, что накладывает определенные обязательства на Евразийский Союз и его участников.

Европейская интеграция представляет собой процесс взаимодействия между социальными и политическими институтами государств Европы, стимулирующий создание Европейского союза как политической системы и важный фактор предотвращения войны в Европе (рис. 13).

К определению понятия европейской интеграции в политической философии европейских исследователей были выработаны следующие подходы:

– межправительственный (приоритетная роль в процессе интеграции, в результате которого создаются общие надгосударственные институты, отводятся национальным государствам);

Рис. 11. Общие рынки в Европе: Европейская экономическая зона (European Economic Area); Единое экономическое пространство (Common Economic Space)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

www.nationalsecurity.ru/maps/

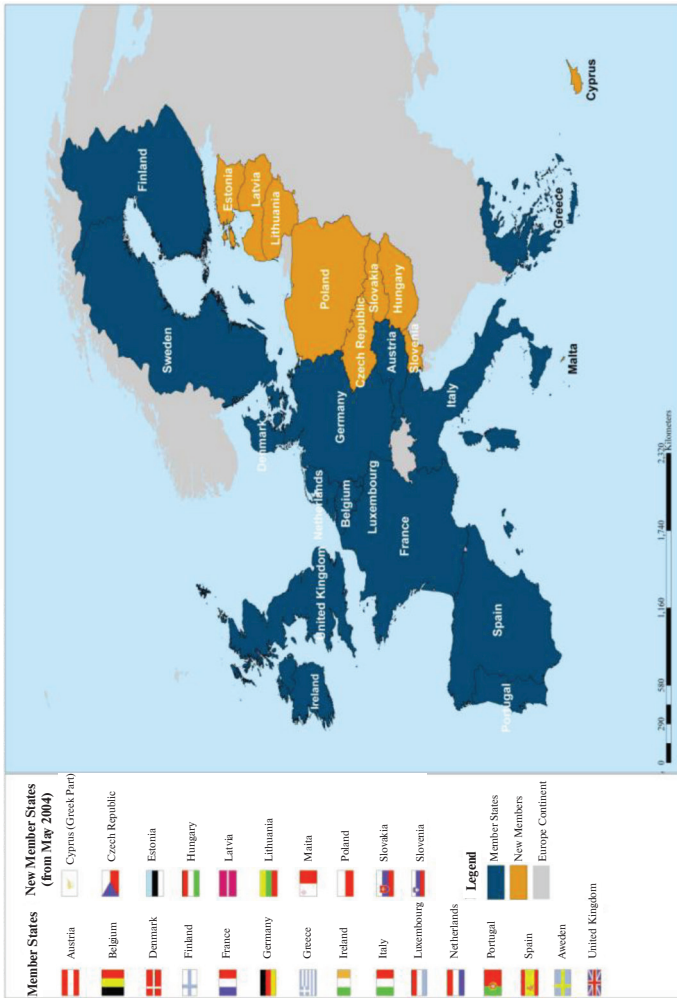

Рис. 12. Европейский Союз сегодня

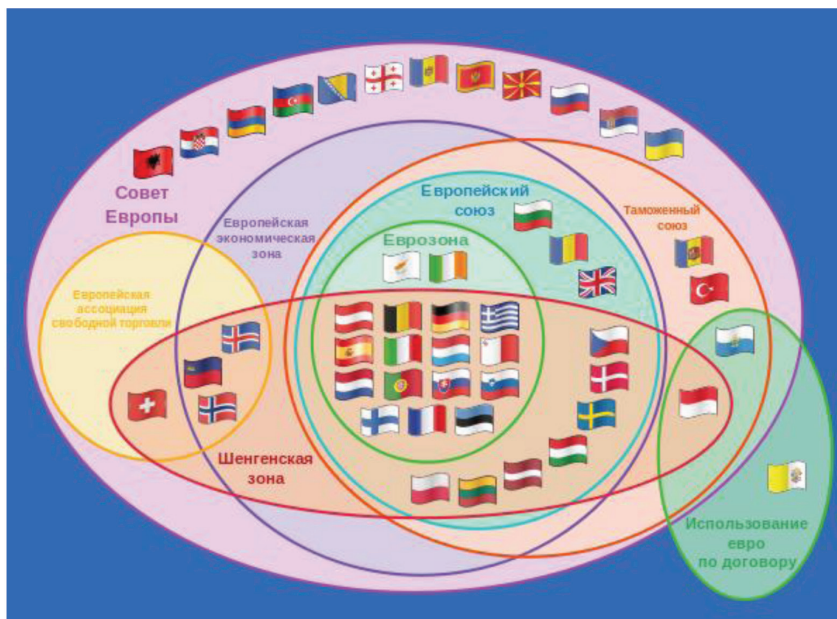

Рис. 13. Уровни евроинтеграции

– институциональный (интеграция предстает как процесс трансформации национальных практик взаимодействия институтов, ведущий к созданию многоуровневой системы управления с множеством центров принятия решений);

– коммуникативный (интеграция есть процесс создания в ходе взаимодействия между их членами в различных сферах жизнедеятельности таких социальных общностей, которые порождают новый политический центр, координирующий работу этих общностей).

§ 3. ЕАЭС, ШОС и БРИКС – императивы взаимодействия

От сопоставления Евразийского Экономического Союза с Европейским союзом перейдем к рассмотрению вопроса о том, что объединяет ЕАЭС с ШОС и БРИКС (разумеется, не только потому, что в них присутствует Россия).

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой региональную международную организацию, основанную в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. ШОС не является военным блоком, как НАТО, или открытым регулярным совещанием по безопасности, как АРФ АСЕАН, а занимает промежуточную позицию [7]. Главными задачами организации провозглашены укрепление стабильности и безопасности на пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. На начало 2016 г. членами ШОС являются: Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Государства-наблюдатели ШОС — Афганистан, Беларусь, Иран, Монголия. В состав партнеров по диалогу ШОС (статус которых предоставляется государствам и организациям, разделяющим цели и принципы ШОС, установившим с ней отношения равноправного взаимовыгодного партнерства и сотрудничающим по отдельным направлениям деятельности) входят Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка. Бангладеш, Египет и Сирия подали заявку на участие в ШОС в качестве государств-наблюдателей (рис. 14).

Предпосылки к созданию ШОС были заложены еще в 60-е гг. XX в., когда СССР и КНР вступили в переговоры по разрешению территориальных споров. После распада Советского Союза появились новые участники переговоров в лице России и государств Центральной Азии. После того как КНР разрешила территориальные споры с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, появилась возможность дальнейшего развития регионального сотрудничества. В 2001 г. встреча была проведена в Шанхае. Тогда пять стран-участниц приняли в состав организации Узбекистан, что повлекло переименование организации в «Шанхайскую организацию сотрудничества», или «Шанхайскую шестерку». Первыми документами, принятыми ШОС, стали «Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества», «Шанхайская

Рис. 14. Контуры ШОС

конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» и «Совместное заявление о подключении Узбекистана к механизму “Шанхайской пятерки”». Встреча глав государств в июне 2002 г. в Санкт-Петербурге продолжила институциональное оформление ШОС. Декларация о создании организации получила практическое воплощение в подписании «Декларации глав государств – членов ШОС» и «Хартии ШОС» – базового уставного документа. С 1 января 2004 г. ШОС начала функционировать как полноценная международная структура, обладающая собственными рабочими механизмами, персоналом и бюджетом.

ШОС имеет соглашения о партнерстве с ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и АСЕАН. Это неизбежно приводит к столкновению интересов стран-участниц ШОС. В первую очередь, эксперты обращают внимание на столкновение экономических и политических интересов России и Китая. Россия настаивает на сохранении традиционной активности ШОС в области борьбы с проявлениями «трех зол» (по терминологии ШОС): терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Опасаясь установления экономической гегемонии КНР в постсоветской Азии, Россия предпринимает усилия для того, чтобы сдерживать предложения Пекина по интенсификации экономического сотрудничества в рамках ШОС. Китай, напротив, рассматривая страны ШОС как перспективный рынок сбыта, настаивает на том, чтобы приоритеты ШОС между антитеррористической и экономической деятельностью делились поровну, а в перспективе экономическая стратегия может занять главное место в деятельности организации. Более того, во внешней политике на первый план Китай ставит исторически территориальную проблему объединения с Тайванем, которая выходит за пределы компетенций ШОС, поскольку к решению этой проблемы причастны США. Россия стремится к более тесной интеграции на основе делегирования части суверенитета государств региона наднациональным органам (ОДКБ, ЕвразЭС, а теперь и ЕАС), Китай же не намерен делить суверенитет ни с кем другим.

Россия предпочитает реализовать, в первую очередь, субрегиональные интеграционные проекты между двумя или тремя странами с сопоставимыми экономиками, а экономическую интеграцию в формате ШОС рассматривать как более отдаленную цель. Пекин же настаивает на создании единого интеграционного пространства в рамках ШОС уже в ближайшее время [8]. Это можно объяснить тем, что снятие торговых барьеров между странами ШОС создаст благоприятные условия главным образом для увеличения предложения китайских товаров, и тем самым перед странами Центральной Азии откроется перспектива стать придатком китайской экономики. С другой стороны, как полагает А. Ю. Баранов, «американские эксперты уповают на то, что Пекин,

идя на контакт с Россией, в первую очередь стремится разыграть в своих целях “российскую карту”, но не заинтересован в расширении российского политического влияния в АТР. Но ежегодные встречи глав государств ШОС и двусторонние контакты на высшем уровне демонстрируют стремление и российской, и китайской стороны к взаимодействию в ряде ключевых сфер в политике и экономике в АТР и за его пределами» [9]. Действительно, в «треугольнике США–РФ–КНР» интересы ШОС, а следовательно, и ее участников, должны занимать приоритетные позиции и в экономике, и в политике. Это, в частности, было подкреплено «Договором о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», принятым на бишкекском саммите 16 августа 2007 г. Этот Договор явился основой становления нового, более справедливого миропорядка после распада биполярной системы, когда доминирующей силой намеревались стать США как единственная оставшаяся сверхдержава.

Особое внимание следует обратить на внешнеполитическое окружение и международное влияние ШОС. Упомянутый выше «треугольник США–РФ–КНР» стал формироваться еще в 90-е гг. прошлого века в связи с распадом Советского Союза и притязаниями США на роль гегемона в однополярном мире. Тогда США воспринимали зарождающуюся «шанхайскую пятерку» как структуру, деятельность которой не представляла никакой угрозы их интересам. Китайский аналитик Чжао Хуашэн, отмечая, что ШОС изначально не имела антиамериканской направленности, приводит факты, свидетельствующие о том, что она формировалась в период наибольшего обострения отношений между Америкой, Китаем и Россией [10]. Поначалу Вашингтон приветствовал любые шаги, направленные на ослабление угрозы исламского экстремизма и достижение стабильности в Центральной Азии. Но уже в 2005 г. военно-политическая элита США приступила к реализации проекта «*Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии*», в котором нет места ни России, ни Китаю. Иначе говоря, этот проект изначально был направлен против ШОС и, соответственно, против его

участников. Вместе с тем отмечается, что противоречия между Россией, Китаем и США еще не настолько обострились, чтобы Москва и Пекин оказывали бы совместное противодействие Вашингтону. Как Россия, так и, в особенности, Китай, полагает А. В. Болятко, слишком дорожат своими отношениями с США, чтобы ставить их под удар, реализуя некий вариант военно-политического альянса-антагониста НАТО [11]. Что касается отношений ШОС с такими центрами экономического могущества, как Евросоюз и Япония, то они ограничиваются пока в основном совместными энергетическими программами, хотя в Японии встречаются предложения заявиться ей в качестве партнера по диалогу в рамках ШОС. Важно отметить, что сегодня ни Китай, ни Соединенные Штаты, ни Россия самостоятельно не могут единолично играть ключевую роль в Центральной Азии. Следовательно, ключевая роль здесь – за ШОС и ЕАС. И хотя между государствами-членами ШОС неизбежны противоречия и разногласия, эта организация выглядит достаточно монолитной структурой, объединяемой цивилизационными и геополитическими кодами государств-соседей, даже несмотря на то, что страны-члены ШОС во многом различаются по основным экономическим показателям. На Китай и Россию приходится 98 % населения и 97 % суммарного ВВП ШОС. И даже несмотря на то, что относительное влияние России в ШОС меньше, чем в СНГ, ШОС играет важную для России роль по подключению Китая, Индии, Ирана, Пакистана и Монголии к многостороннему сотрудничеству в Центральной Азии. Для государств Центральной Азии, где одностороннее влияние России или Китая всегда воспринималось с некоторым опасением, их совместное присутствие в рамках ШОС, где равноправными членами являются сами центральноазиатские государства, является наиболее эффективным механизмом взаимодействия.

БРИКС (BRICS) – коалиция пяти быстроразвивающихся стран – Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (она вошла в состав группы в начале 2011 г.; см. рис. 15), – которая была выделена аналитиком Goldman Sachs Джимом О’Нейлом в ноябре 2001 г. в аналитической записке банка.

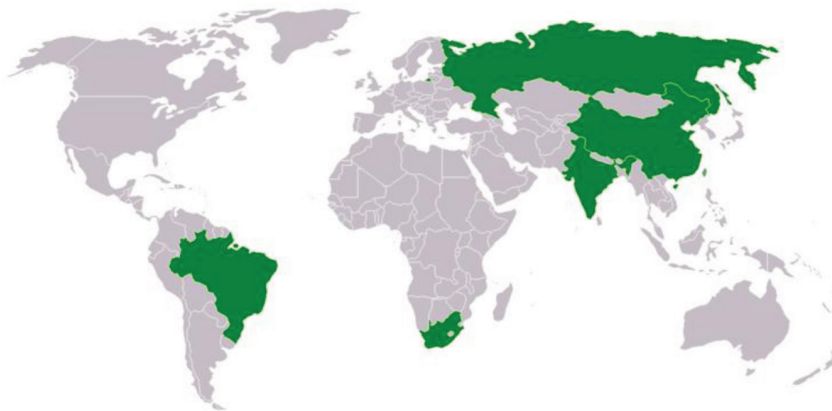

Рис. 15. БРИКС на карте мира

Пока еще в неявной форме участниками саммитов БРИКС высказывается определенная заинтересованность этих стран преобразовать «свою растущую экономическую власть в большее геополитическое “влияние”», хотя страны БРИКС пока еще не образуют какой-либо экономический блок или официальную торговую ассоциацию [12]. Члены БРИКС характеризуются как наиболее быстро развивающиеся крупные страны, обладающие большим количеством важных для мировой экономики ресурсов:

- Бразилия – богата сельскохозяйственной продукцией;
- Россия – крупнейший в мире экспортер минеральных ресурсов;
- Индия – дешевые интеллектуальные ресурсы;
- Китай – обладатель дешевых трудовых ресурсов;
- Южно-Африканская республика – природные ресурсы.

В конечном итоге прогнозируется, что значительные размеры экономик этих стран в будущем позволят им трансформировать экономический рост в политическое влияние, что приведет к формированию новой экономической элиты и снизит влияние «золотого миллиарда» в мире. Экономический потенциал БРИКС таков, что эта группа может стать доминирующей экономической

системой к 2050 г. На 2011 г. страны БРИКС занимают довольно высокие позиции в глобальном рейтинге. Итак, БРИКС следует рассматривать как долгосрочный проект объединения геополитических полюсов на трех континентах Земли, которые, демонстрируя свое экономическое и ресурсное могущество, закладывают реальную структуру многополярного мира, в котором ЕАЭС и ШОС будут занимать лидирующие позиции.

§ 4. Евразийский Союз на волнах Кондратьевских циклов

Следуя логике и последовательности рассмотрения, мы подошли к необходимости выяснения вопроса о том, как в условиях сложившейся тенденции к установлению полицентричного (многополярного) миропорядка будут осуществляться интеграционные процессы в Евразийском Союзе и определяться его геополитический статус. Полицентричность представляет собой новое состояние мировой экономики и политики, принципиально отличное от биполярного и однополярного миропорядка, причиной чему служат, во-первых, появление новых акторов мировой политики и центров экономической активности. Во-вторых, ключевым фактором становления полицентричности является переход к шестому экономическому укладу лидеров глобальной экономики и, как следствие этого, — обострение неравномерности технологического, экономического и социального развития. «...В период 2011–2020 гг., на завершающих этапах понижательной волны пятого кондратьевского цикла, — отмечают В. А. Садовничий и его коллеги, — мировое сообщество ожидают суровые испытания как экономического, так и, в особенности, политического характера» [13]. В-третьих, полицентричность получает воплощение в формировании геочивилизационной структуры мира. Полицентричное мироустройство характеризуется в первую очередь состоянием мировой экономики, в которой крупнейшими центрами выступают США, Европейский союз (объединяет 27 стран) и Китай. Доля номинального ВВП стран БРИКС (за исключением ЮАР) составляет 17,5 % (более половины приходится на Китай — 9,4 %), что говорит об объективном характере формирования

полицентричного мира, ключевые позиции в котором начинают завоевывать региональные и межрегиональные экономические союзы [14].

Прогнозирование перспектив построения Евразийского Союза (в первую очередь, Евразийского экономического пространства) необходимо осуществлять исходя из макроэкономических показателей применительно как к отдельно взятым государствам-членам Союза, так и к Союзу в целом. Тем самым все более настоятельно назревает необходимость перехода России от статуса сырьевой державы к статусу инновационно развивающейся державы. Какие нужны основания для того, чтобы Россия достойно представляла себя в Евразийском экономическом союзе, да и сам он уже на начальной стадии своего становления заявил миру о своих амбиционных планах? Реальные шансы для этого имеются – это «овладение» понижательной волной (пришедшейся как раз на это десятилетие) циклического процесса деловой активности, открытого в свое время Н. Д. Кондратьевым. В ряде работ А. А. Акаева и его коллег эта ситуация подробно анализируется, о чем пойдет дальше речь. Но сначала обратимся к разработанному в 2010 г. правительством Российской Федерации документу «Стратегия правительства РФ по инновационному развитию экономики России до 2020 г.» [15]. В нем анализируются три варианта инновационной стратегии (15, с. 19–21):

1. Вариант инерционного импортоориентированного технологического развития, который предполагает фокусирование политики на поддержание макроэкономической стабильности и низких параметров бюджетных расходов на науку, инновации и инвестиции в человеческий капитал. Такой вариант обрекает Россию на технологическое отставание от ведущих стран Запада.

2. Вариант догоняющего развития и локальной технологической конкурентоспособности. Этот вариант ориентируется не только на перевооружение экономики на основе импортных технологий, но и на локальное (точечное) стимулирование развития отечественных разработок. Для России догоняющий путь развития означает массовое заимствование доступных на

мировом рынке технологий, являющихся передовыми по российским стандартам. Они либо закупаются, либо привлекаются вместе с иностранным капиталом. Главные преимущества догоняющей стратегии заключаются в том, что сроки реализации модернизации и инновационные риски минимальны. В результате экономика получает существенные преимущества от быстрого массового распространения более прогрессивных технологий.

3. Вариант достижения лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях. Этот вариант соответствует долгосрочным целям и задачам, обозначенным в концепции долгосрочного развития России. Его реализация потребует от государства огромных средств и эффективных усилий по модернизации науки, концентрации усилий на прорывных научно-технических направлениях, которые позволят занять России лидирующие позиции на соответствующих мировых рынках высокотехнологичной продукции и услуг. Конечно, этот путь связан с большими рисками.

В конечном счете в правительственном документе предлагается смешанная стратегия, с элементами стратегии лидерства в некоторых сегментах, в которых могут быть созданы конкурентные преимущества, но с реализацией догоняющей стратегии в большинстве секторов экономики и промышленности, параллельно с восстановлением инженерного конструкторского потенциала. Правда, термины «смешанная стратегия», «некоторые сегменты» «соответствующие мировые рынки» и другие не внушают особого оптимизма относительно свершения качественного рывка, который нужен и для укрепления общего экономического пространства и экономического механизма Евразийского Союза. Начиная с 2012 г. эта задача должна стать приоритетной. Поэтому, очевидно, правительственная стратегия «Инновационная Россия—2020» должна подвергнуться серьезной корректировке. В первую очередь это должно касаться разработки общегосударственного мегапроекта возрождения России и механизма реализации входящих в него инновационных программ. Такого мегапроекта, который будет привлекательным не только отечественным инвесторам

(не говоря о государстве как главном инвесторе), но и, по приоритетности, инвесторам других членов ЕАЭС, ШОС, БРИКС и др. Кстати говоря, в заключительном разделе «Об основных направлениях усиления позиций России в полицентричном мире» упомянутой выше коллективной работы заявлено следующее: «Развитие новых технологий и инноваций обеспечивает рост совокупной производительности труда и повышение качества жизни для все более широкого круга потребителей. Глобализация создает новые рыночные возможности для реализации научно-технического потенциала, а совершенствование механизмов регулирования торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью стимулирует инновационное развитие во все большем числе стран» [16]. Возникает вопрос, кто, если не государство, которое приняло документ «Стратегия правительства РФ по инновационному развитию экономики России до 2020 г.», будет реализовывать созданные глобализацией «рыночные возможности» и повышать качество жизни не только «все более широкого круга потребителей», а всех граждан России? Объективно становление полицентричного мира привело к тому, что МВФ на своей очередной годичной сессии 2011 г. признал, что «Вашингтонский консенсус» окончательно рухнул, и призвал к созданию такой глобальной экономики, в которой финансовый сектор должен регулироваться государством, а доходы и блага должны будут распределяться по справедливости. Глобализация должна стать не капиталистической, а «справедливой и с человеческим лицом». Более того, в долгосрочной перспективе устойчивый рост должен сопровождаться справедливым распределением доходов [17]. Однако в неолиберальной «Новой модели экономического роста...», предложенной В. А. Мау и Е. Г. Ясиным, из признания тупиковым пути, который реализовался в России в постперестроечное время, по-прежнему утверждается идея дальнейшего развития России как сырьевой державы, сокращающей социальные расходы в угоду экономической эффективности [18].

А. А. Акаев в серии публикаций предложил вариант стратегии модернизации экономики России путем инновационно-технологического прорыва до 2020–2025 гг. [19]. Почему именно

до 2020–2025 гг.? Дело в том, что, в соответствии с инновационно-циклической теорией Шумпетера-Кондратьева, в начале 1980-х гг. (предположительно 1982 г.) стартовал пятый кондратьевский цикл, повышательная стадия которого закончилась на переломе веков (примерно в 2005 г.). Каждый экономический цикл продолжительностью в 50–60 лет (в современную постиндустриальную эпоху в связи с ускорением экономических процессов наблюдается его сокращение до 40–45 лет) состоит из двух фаз – повышательной и понижательной. Повышательная волна – это период длительного преобладания высокой хозяйственной конъюнктуры в мировой и крупных национальных экономиках, когда они развиваются динамично, по восходящей, легко преодолевая кратковременные неглубокие спады. Понижательная фаза – период преобладания низкой хозяйственной конъюнктуры, когда при наличии кратковременных подъемов доминируют депрессия и вялая деловая активность, вследствие чего экономика развивается неустойчиво, впадая временами в глубокие кризисы. Между прочим, рыночная экономика неизменно следовала этому динамическому тренду, начиная с конца XVIII в., т. е. с разворачивания промышленной революции – предшественницы капиталистического способа производства.

Сегодня мир оказался в его понижательной фазе и, согласно учению Кондратьева, на этом этапе можно было предвидеть крупные экономические потрясения. Они неотвратимо наступили. Первые тревожные сигналы прозвучали в 2001–2002 гг. Критическое развитие этого процесса произошло в 2007–2008 гг. Логика понижательной стадии свидетельствует, что на нынешних рубежах набравший силу кризис вряд ли остановится. С высокой степенью вероятности можно предсказать его дальнейшее обострение за счет рецессии в ведущих национальных экономиках.

Идеи Кондратьева отражают объективные закономерности, присущие экономическим системам рыночного типа. Открытые российским ученым циклы непосредственно связаны с материальной сферой и в своей динамике отражают процессы появления и внедрения инноваций, обновления и старения основных

фондов, производства и потребления, диффузии производимой продукции и насыщения рынка и т. д. Механизм циклов Кондратьева применительно к мирохозяйственной системе является ее неотъемлемым эндогенным фактором, определяющим основные временные и сущностные особенности системы, функционирующей в режиме саморегулирования с учетом ее стохастического характера. Повышательная и понижательная фазы цикла относятся к одному и тому же экономическому организму различных иерархических степеней – от мирохозяйственной до национальных. Именно в понижательной фазе, сталкиваясь с угрозой для выживания, этот организм мобилизует свои внутренние силы и закладывает инновационную по сути основу для будущего прорыва вперед на более высокие структурные и технологические этажи. Сочетание в одном кондратьевском цикле повышательной и понижательной волн, т. е. фаз «разогревания» и «охлаждения», предохраняет мирохозяйственную и национальные системы от перегревания и переохлаждения, нормализует их жизненный тонус и, в конечном счете, обеспечивает их поступательное движение, несмотря на периодическое возникновение кризисов и провалов. По выражению Кондратьева, тем самым устанавливается «тенденция к равновесию». Не будь этого механизма, мирохозяйственная система в случае глобальных кризисов могла бы пойти «вразнос», столкнуться с угрозой гибели. Кризисы не вечны, за ними наступает на новом качественном уровне подъем, который немецкий экономист Г. Менш определил как процесс преодоления депрессии за счет инноваций. Как на повышательной, так и на понижательной стадии Кондратьевского цикла роль государственной политики в экономической сфере должна играть ключевую роль, что можно достигнуть при надлежащем понимании циклических закономерностей, присущих экономической динамике. Ныне мир оказался в фазе депрессии, ее понижательной стадии, которая предположительно продолжится до 2017 г. 2010–2025 гг. – это фаза депрессии пятого Кондратьевского цикла (2010–2017 гг.) и фаза оживления и начала подъема шестого Кондратьевского цикла (2018–2025 гг.), когда мировая

экономика попадает в «окно возможностей», т.е. она становится наиболее восприимчивой к технологическим, организационным и иным типам инноваций. Таким образом, обобщая результаты вышеприведенного анализа, Акаев приходит к выводу, что России требуется стратегия интегрированной модернизации прорывного характера, чтобы воспользоваться «окном возможностей» и осуществить инновационно-технологическую модернизацию своей экономики. Такая стратегия интегрированной модернизации должна включать приемлемые сильные стороны всех имеющихся стратегий и строиться на основе проекта стратегии «Инновационная Россия—2020». Основными элементами интегрированной стратегии должны стать:

1. Стратегия интерактивной модернизации В. М. Полтеровича, базирующаяся на индикативном планировании, заимствовании западных технологий и экономической политике, допускающей режимы переключения на различных стадиях реализации стратегии.

2. Стратегия опережающего развития С. Ю. Глазьева в условиях глобального кризиса на основе отечественных научно-технических достижений, относящихся к новому шестому технологическому укладу.

3. Стратегия Р. И. Нигматулина сбалансирования экономики и стимулирования внутреннего спроса путем его удовлетворения с ориентацией российского производства на импортозамещение.

4. Новая стратегия—2020 от группы В. А. Мау и Я. И. Кузьмина в части формирования новой социальной политики.

5. Стратегия инновационно-технологического прорыва, основанная на коренном реформировании и расширении системы НИОКР.

Если такая стратегия будет принята, справедливо признает Акаев, это будет означать консенсус правительства и всего экспертного сообщества по вопросам экономической модернизации страны. В процессе реализации такой стратегии на первом этапе начнется реиндустриализация на основе передовых технологий, интенсификация НИОКР, устойчивый рост производительности

труда и национального дохода, заметные изменения в экономическом благосостоянии и социальном равенстве, а также рост статуса страны в рамках международной экономической конкуренции. Постепенно сформируются благоприятные институциональные основы, улучшится деловой климат, повысится инновационная активность бизнеса, что будет способствовать переходу ко второй стадии – инновационному развитию на основе отечественных технологий. Таким образом, стратегия должна состоять как минимум из двух этапов. Первый этап технологической модернизации займет 5 лет (2012–2017 гг.). На этом этапе приоритет должен быть отдан технологической модернизации всего народного хозяйства на основе отлаженных передовых технологий, как отечественных, так и заимствованных. Второй этап охватит период с 2018 по 2025 гг., который совпадает с начальной фазой оживления и подъема шестого большого цикла Кондратьева; приоритетом станет инновационный экономический прорыв на основе отечественных инновационных технологий и продуктов.

Японский ученый М. Хироока доказал факт диффузии инноваций в экономику именно в начале подъема большого цикла Кондратьева [20]. Однако кластер инноваций нового технологического уклада к этому времени (2018 г.) должен быть подготовлен к коммерциализации. Именно поэтому необходимо одновременное развитие технологической модернизации всех традиционных отраслей экономики и инновационного обновления приоритетных ключевых направлений.

Нынешний глобальный кризис, хотя и является очередным в системе экономических циклов, в качественном отношении выходит на уровень системного кризиса. Необходимо учитывать, что если Великая депрессия относилась к индустриальной эпохе, то нынешний кризис охватил постиндустриальную экономику. В наше время происходит переход к шестому технологическому укладу, контуры которого еще в полной мере не определились. Евразия по совокупному экономическому потенциалу, численности населения и природным богатствам не имеет в мире равных. В исторической перспективе это сыграет ключевую роль, особенно

вследствие выхода в последние десятилетия восточной части континента на авансцену мировой политики.

В XX в. для Европы, Японии и ряда азиатских стран в силу множества причин притягательным стал заокеанский ориентир в лице Соединенных Штатов. В течение многих десятилетий, как известно, действовал также советский фактор притяжения, который в нынешние времена, хотя и в более суженном плане, складывается вокруг России. Подлинным феноменом современности стал быстрый подъем Китая. Ныне нет ни одной крупной проблемы в мире, которую можно было бы решать без учета китайского фактора. В том же контексте возникает вопрос о возрастающей роли Индии в современном мире. Ныне пять геополитических центров – Европейский союз, Россия, Япония, Китай и Индия – стали главными евразийскими полюсами экономической мощи и политического влияния.

Опираясь на кондратьевскую теорию длинных циклов экономического развития, возможно представить те экономические и геополитические перемены, которые могут произойти в Евразии в обозримом будущем. На этапе подъема, который придет в шестом кондратьевском цикле не смену текущему кризису, резко возрастет потенциал тех государств, которым удастся в кризисные годы качественно перестроить экономику на основе инновационного подхода, разработать и внедрить передовые технологии. В современных условиях высокий шанс на прорыв, как представляется, получат набравшие импульс в предкризисный период т. н. развивающиеся экономики, целенаправленно ведущие линию на преодоление отставания от развитых стран. Речь, в частности, идет о таких странах, как Китай, Россия и Индия. Оказавшийся пока способным избежать, в отличие от других стран, состояния рецессии Китай, похоже, окажется в наиболее выгодном положении. С высокой вероятностью можно предвидеть более ранний, чем для других развитых стран, выход из нынешней полосы кризиса Соединенных Штатов Америки в силу быстрого приведения ими в действие мощного антикризисного финансового маховика. Все еще остается неопределенной на данном этапе та совокупность

инноваций, которая обозначит движущие силы следующего, шестого цикла. Оставшийся до его наступления период окажется временем острейшей конкурентной борьбы за получение выгод от подспудно набирающего силу процесса обновления. Судя по наиболее острым современным проблемам – энергетическая и продовольственная безопасность, охрана здоровья и экология – на них, по-видимому, произойдет концентрация инновационной деятельности. Созревают условия для широкого использования экологически безопасных атомных электростанций, внедрения более эффективных технологий в сельском хозяйстве и производстве биотоплива, развития нанотехнологий, генной инженерии, фармакологии, открытия новых методов в борьбе со СПИДом, раковыми и другими губительными болезнями. Кондратьевские идеи циклического развития, будучи универсальными, позволяют перебросить мостик от экономики к политике, высказать прогностические оценки в отношении перспектив мирового развития в социальной, политической, культурной и других сферах, определиться в более широком плане с закономерностями исторического развития. Через призму кондратьевских идей есть возможность разглядеть не только взлет и падения в мирохозяйственной сфере, но и синхронно возникающие геополитические перемены, иногда радикально меняющие жизнь мира. Эти перемены в первую очередь проявляются в изменении соотношения сил в международной сфере и в сопутствующей этому процессу смене мировых лидеров.

§ 5. Геополитический статус ЕАЭС как начального этапа формирования Евразийского Союза

Становление Евразийского экономического союза как нового актора мировой политики предполагает необходимость рассмотрения вопроса о его геополитическом статусе пока еще в постановочном порядке – на уровне обобщенного видения будущего и обоснования математического моделирования. Выше уже говорилось о том, что Л. Н. Гумилев, следуя идеям основателей

евразийства, в своих исследованиях осуществил синтез гуманитарного и естественнонаучного знания. Пожалуй, вновь настало время осмысления глобального мира (макрокосма) и человеческого мира (микрокосма) на основе синтеза трех областей знания — гуманитарного, естественнонаучного и технического. Эта идея, разумеется, не нова. Еще в 60–70 гг. XX в. она реализовалась по широкому фронту исследований сущности, направлений и социальных последствий научно-технической революции. Современный глобальный мир синергетических процессов, нового технологического уклада, новых технологий управления природными, социальными и психическими процессами, новых смыслов человеческого бытия вызывает к качественно новому синтезу научного знания. Не в меньшей степени это коснулось и геополитики, которая в своем новом формате — глобальном — все более настоятельно обращается к необходимости количественного измерения, моделирования и прогнозирования изменений базовых параметров. Таковыми следует указать, в первую очередь:

1) геополитический статус государств (и других акторов мировой политики), выражающий их мощь;

2) транспортную геополитику государств, определяющую связность больших пространств в единое целое;

3) геополитические аспекты информационно-психологического противоборства в киберпространстве (геополитика киберпространства).

Геополитический статус. Обобщенной характеристикой геополитического статуса выступают «сила», «мощь», «могущество», которые получали обоснование еще в работах основателей классической геополитики и теории международных отношений. Обобщенным показателем этих характеристик выступают модели геополитического статуса, охватывающее две группы параметров [21]:

1) геополитический потенциал, т. е. собственно геополитические атрибуты государства или союза государств (территория, месторазвитие, население, экономика, оборона);

2) внутренние и внешние факторы государственного или союзного устройства (качество государственного управления,

степень независимости – политической, экономической, военной, участие в военно-политических коалициях).

Роберт Клайн, американский стратег, автор методики «оценки мировых сил», утверждал, что «сила на международной арене может быть определена просто как способность правительства одной страны заставить руководство другой предпринять то, что это последнее никогда не сделало бы по своей воле, причем это может быть осуществлено за счет убеждения, принуждения или открытого применения военной силы» [22]. Следовательно, военная сила представляет собой основу национальной мощи государства, которая, в свою очередь, определяется как совокупность материальных и моральных возможностей влияния и властвования за пределами национальных границ. На международной арене национальная мощь государства представляется ее лидерами, военно-политическим руководством. Именно это руководство утверждает и претворяет в жизнь стратегические цели государства на перспективу. Клайн предложил рассматривать национальную мощь государства следующим образом:

$$P = (C + E + M) \cdot (S + W),$$

где: **P** – воспринимаемая национальная мощь государства;

C – «критическая масса», равная совокупности населения и территории страны;

E – экономический потенциал государства;

M – военный потенциал государства;

S – стратегические цели;

W – воля к реализации национальной стратегии.

Применительно к США Клайн рассматривал национальную мощь как способность оказывать на другие государства решающее влияние при принятии ими политических решений, распространять на них свою власть (power – и мощь, и власть) [23]. По сути, речь идет о тесном взаимодействии объективных и субъективных факторов обеспечения национальной мощи государства, которые необходимо учитывать в ходе реформы Вооруженных Сил России, которые должны находиться в постоянной готовности

вести борьбу в глобальном, региональном и локальном масштабах и быть готовыми всегда отразить потенциальную внешнюю угрозу и акты международного терроризма. Итак, военную мощь государства следует рассматривать как совокупность военного, экономического, научно-технического и морально-политического потенциалов государства или коалиции государств. Военная мощь государства воплощается в вооруженных силах и их способности выполнить поставленные перед ними задачи. В свою очередь, сила во внешнем мире — это прежде всего способность влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении, это способность устанавливать различные формы зависимости одного государства от другого, а именно: прямые, косвенные, опосредованные, с помощью насилия, убеждения, обещания выгод, лишения имеющихся преимуществ, создания условий, при которых остается лишь одна альтернатива, один выход из положения. Но если это так, то не менее очевидно, что это воздействие может достигаться разными способами, а не только использованием военного потенциала, военного давления, угрозы или в конечном счете ведения войны.

Надо отдавать себе отчет в том, что сильная Россия Западу не нужна. И наши партнеры будут продолжать делать все возможное, чтобы потеснить нас на международных рынках, затруднить сотрудничество со странами СНГ и в масштабах Евразийского Союза, с другими соседями и наращивать свое военное и технологическое превосходство. Особенно четко проглядывается стремление расчленив Россию на множество конфликтующих между собой мелких государств, загнать ее в глубь Евразии и тем самым оградить американские интересы в Европе и на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе буферными зонами. В обеспечении национальной безопасности сохраняет свое значение и военная мощь российского государства, к которой следует прибегать лишь в случаях, когда возможности других средств действительно исчерпаны. Поэтому требуется согласованное осуществление акций невоенного и военного характера с учетом прежде всего того, что новые формы

экономического, информационно-психологического противоборства оказывают существенное влияние и во многом изменяют и характер вооруженной борьбы, направленность строительства и подготовки Вооруженных Сил и других войск.

Общая формула расчета геополитического статуса имеет следующий вид:

$$S(t) = FA(t) \cdot G(t),$$

где: $S(t)$ – статус в определенный период времени t ;

FA – «функция влияния» указанных выше факторов, не связанных непосредственно с геополитическим потенциалом;

$G(t)$ – геополитический потенциал, значение которого определяется по следующей формуле:

$$G(t) = 0,5(1 + X_M^{0,43})X_T^{0,11} X_D^{0,19} X_E^{0,27},$$

где X_i ($i = T, D, E, M$) – доли государства в общемировых показателях в территориальной, демографической, экономической и военной сферах соответственно. В случае признания целью государства повышение своего геополитического статуса величина $S(t)$ может быть использована в качестве целевой функции при стратегическом планировании внешней политики государства и для расчета геополитического статуса [24].

Транспортная геополитика. Геополитический статус государства определяется состоянием его транспортной инфраструктуры, которая развивается в соответствии с определенными геополитическими закономерностями. Последние определяют существование транспортной геополитики. Транспортную геополитику России следует рассматривать как одно из ключевых оснований национальной безопасности, определяемое техническими и организационными параметрами страны, характером ее включенности в мультимодальные коридоры, историей ее развития, перспективами роста. Соответственно этому, национальная безопасность, включающая в качестве основных компонентов экономическую, экологическую, информационную, военно-политическую безопасность, однозначно не сводима ни к одному из указанных выше

компонентов. В отличие от многих европейских стран, Россия изначально существовала как целостное геополитическое образование на евразийском континенте, что объективно предопределяло наличие исторически сложившихся транспортных сетей и узлов (караванные и речные пути, морское судоходство). Тем самым мы имеем все основания рассматривать транспортную геополитику России как целостный фрагмент российской геополитики. Исходным императивом при определении основных параметров транспортной геополитики является наличие естественных границ (морское побережье, реки, горы, пустыни и т. д.), что есть выражение одного из законов геополитики, определяющего структуру политранспортной системы. Иначе говоря, транспортная геополитика рассматривается как производная от геополитического статуса какого-либо государства.

На современном этапе развития экономики интенсивные рыночные отношения потребовали новых подходов в организации перемещения грузов и товаров от производителя к потребителю. Транспортные пути оказываются материальной основой инфраструктуры регионов, владение которыми позволяет влиять на общественно-политические и экономические процессы в пределах не только отдельных регионов, но и на глобальном уровне. Одним из ведущих направлений геополитики становится создание политранспортной системы, объединяющей все эти отдельные элементы перемещения товаров в единую сеть с целью обеспечения доступа к рынкам сбыта и сырьевым запасам при сокращении времени перевозок и стоимости доставки груза «от двери до двери». Анализ содержания и состояния транспортной геополитики в современных условиях следует осуществлять на основе системного подхода, реализованного на единой геополитической карте мира (ГКМ), составленной из отдельных системообразующих элементов, т. е. карт: географических, природно-ресурсных, климатических, экологических, политических, экономических, социокультурных, карт возможных театров военных действий и, наконец, политранспортных применительно к различным регионам Земли.

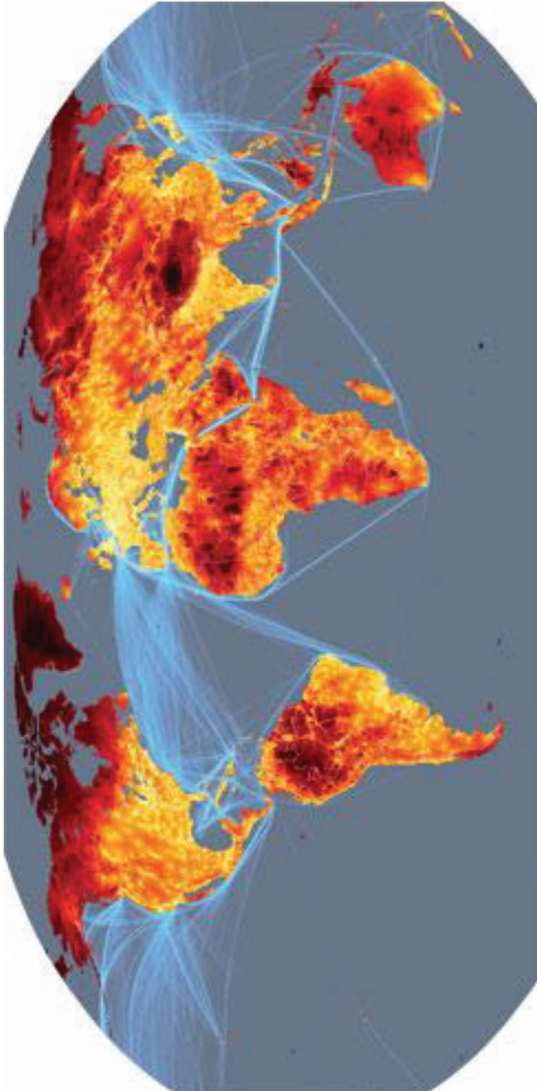

Рис. 16. Карта мировой транспортной глобализации

Примером политранспортной карты может служить карта мировой транспортной глобализации, составленная специалистами Европейского исследовательского центра в Испре (Италия) [25]. Более темные места на карте означают слабую развитость транспортной инфраструктуры (рис. 16).

Исторические, политические, экономические, географические факторы, создающие условия многополюсности современного мира, настоятельно требуют системного подхода к решению задачи объединения регионов и территорий на базе формирования единой политранспортной системы. Она сама по себе закрепляет интересы отдельных регионов современного многополюсного мира, формируется из мультимодальных транспортных коридоров и транспортных узлов.

Транспортные коридоры определяют конкретные геополитические задачи государства, а транспортные узлы являются критическими местами наибольшей опасности и риска сбоя непрерывности процесса и увеличения стоимости перевозок. Решать это противоречие помогают единые информационно-логистические системы управления политранспортным процессом, которые организуют непрерывную работу по регулированию времени и стоимости перемещения грузов мультимодальной транспортной сети. Таким образом формируется основа сценария развития транспортной геополитики и транспортной экспансии. В политранспортной системе унифицируются требования к инфраструктуре и элементам транспортной сети: единые габариты судового хода, совмещение размеров железнодорожной колеи, стандартные размеры шоссейных дорог. Кроме того, техника в узлах ориентируется на стандартные перегрузочные технологии по унифицированным грузоподъемностям подвижного состава, характерного для данного региона.

Создание и развитие мультимодальных транспортных коридоров (судно, вагон, автомобиль) обеспечивает взаимодействие всех видов транспорта в смешанных и комбинированных перевозках. Они позволяют найти компромисс в установлении сфер деятельности видов транспорта различных государств в конкретном регионе.

Таким образом, влияние на состав и характер функционирования политранспортной системы становится инструментом геополитики и национальной безопасности в условиях многополюсного мира. Контроль над мультимодальными коридорами в значительной степени может ограничить возможности соседей в развитии экономики, энергетики, получении сырья, доступе к рынкам сбыта и т. п. Вместе с тем транспортная экспансия, вложение капитала в развитие политранспортной системы могут не только изменить экономические показатели территории, но и обеспечить длительное геополитическое господство в регионе путем ориентации грузопотока в разных направлениях региона, используя как смешанные перевозки, так и монопольное право на политранспортную сеть.

На современной геополитической карте мира Россия находится в центре транспортных интересов сразу трех наиболее развитых регионов: Северной Америки, Юго-Восточной Азии и Европы. Они открыли для себя на огромном пространстве новые рынки сбыта и источники ресурсов, доступ к которым возможен только через создание политранспортной системы и мультимодальных коридоров (рис. 17). Существующую Транссибирскую магистраль дополняют, с одной стороны, БАМ, КВЖД и коридор *Париж—Берлин—Варшава—Москва*. С другой — морские коммуникации Северной Америки и Юго-Восточной Азии замыкаются как на порты Балтийского моря, так и на порты Дальневосточного региона.

Развитый речной и морской флот России дает доступ к любому транспортному узлу Европейской и Азиатской части России, а Северный морской путь и Волго-Балт соединяют речные пути России с мировыми океаническими линиями. Уже сейчас существуют перспективные проекты мультимодального коридора Сибирь — Берингов пролив — Аляска. Отсюда следует, что **транспортная геополитика России должна быть направлена в XXI в. на всемерное развитие матричной транспортной сети**, где меридиональную составляющую обеспечит флот «река—море» и автомобильный транспорт, а широтную — железная дорога. Роль транспортных узлов этой сети возьмут на себя уже существующие речные

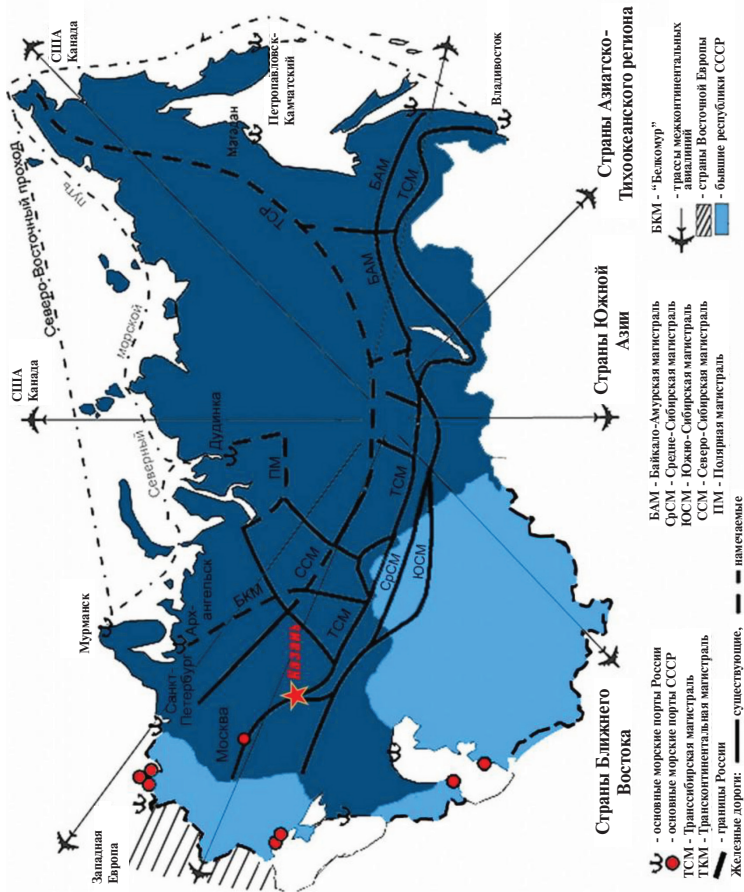

Рис. 17. Международные транспортные коридоры (МТК) России—Евразии
(Источник: <http://www.gumilev-center.ru/wp-content/uploads/2011/11/>)

и морские порты и железнодорожные терминалы. Сложившуюся геополитическую карту мира можно характеризовать следующим соотношением:

$$A + B + C = D,$$

где: D – валовой национальный продукт (ВНП);

A – часть ВНП, потребляемая внутри региона;

B – часть ВНП, ориентированная на мировой товарообмен (бартер);

C – часть ВНП, предназначенная на приобретение продукции других регионов.

$$\text{Тогда } A/D + B/D + C/D = 1.$$

$$\text{Или: } \alpha + \beta + \gamma = 1,$$

где: α, β, γ – весовые коэффициенты ВНП.

Нетрудно прийти к следующим выводам:

1. При $\alpha = 1$ ($\beta = 0, \gamma = 0$) регион в своем развитии полностью замкнут на себя, экономически и политически независим от мировых хозяйственных связей.

2. При $\beta = 1$ ($\alpha = 0, \gamma = 0$) регион во всех экономических и политических действиях частично зависим от других полюсов.

3. При $\gamma = 1$ ($\alpha = 0, \beta = 0$) регион полностью зависим от других геополитических образований.

В первом случае регион не заинтересован в развитии международных мультимодальных коридоров и сетей, его инвестиции и свободный капитал направляются на совершенствование политранспортной системы региона. Такая политранспортная политика была характерна для СССР начиная с 1920-х гг. Во втором случае важную роль играют политические, экономические договоры и торговые соглашения между государствами, создающие предпосылки для совместного проектирования, развития и совершенствования политранспортной системы. В конечном итоге такая система является одним из ключевых звеньев полюса в современном мире. Положения упомянутой выше Концепции государственной транспортной политики получили развитие в ряде

принятых позже государственных документов: Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. (2001 г.), Арктическая стратегия (2008 г.), Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 г. (2008 г.), Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г. (2008 г.). Сказанное выше говорит о необходимости разработки и принятия на государственном уровне Геополитической доктрины Российской Федерации, обсуждение которой велось, в частности, на страницах журнала «Геополитика и безопасность» [26]. Для *третьего случая* транспорт является единственным эффективным средством решения геополитических задач. Владение политранспортной системой или ее безусловный контроль позволяет полностью подчинить себе экономику страны или региона и тем самым активно влиять на его политику.

В современной России решение ее транспортных интересов позволяет либо диктовать политику сопредельным мировым геополитическим образованиям, либо полностью от них зависеть. Например, уже сейчас поведение стран Балтии (20 % экспорта российской нефти, 10 % экспорта сырья) во многом оказывает влияние на политический климат в России. С другой стороны, Транссиб, КВЖД, БАМ, трубопроводы Россия–Европа, российский флот «река–море» и 9-й мультимодальный коридор вынуждают соседей считаться с национальными интересами России. Очевидно, что взвешенная транспортная геополитика России должна опираться на баланс величин α , β , γ , пропорции которых необходимо закладывать в основу разработки сценариев геополитического прогноза нашей страны. Для России это имеет принципиальное значение вследствие необходимости сохранения контроля над необъятными пространствами центра Евразии в условиях усиления роли ряда процессов: системного кризиса, сокращения численности народонаселения, обвального сокращения экономического потенциала, углубления разрыва между благополучными и депрессивными регионами и др. Поэтому анализ состояния и перспектив транспортной геополитики целесообразно осуществлять в контексте современной глобальной ситуации,

которую необходимо раскрыть с учетом представлений глобальной геополитики.

Если геополитика «мыслит пространством», то транспортная геополитика «мыслит направлениями». Остановимся на этих вопросах подробнее. Современная конфигурация главных акторов мировой политики представлена США, объединенной Европой, Россией, Китаем, Индией и исламским миром. Пять из них, кроме США, сосредоточены в Евразии, однако объединенная Европа входит в стратегический союз с США, основанный на единстве мировоззрения, культуры, экономических и геополитических интересов в рамках «золотого миллиарда». Поэтому параметры транспортной геополитики каждого из указанных акторов в мировой политике детерминированы в первую очередь их национальными интересами, близки друг к другу либо находятся в непримиримом противоречии. Главным содержанием глобальных конфликтов в ближайшем будущем, очевидно, будет борьба за интеллектуальные и природно-сырьевые ресурсы, за продовольствие, пресную воду, чистый воздух и пахотные земли. В этих условиях транспортная геополитика обретает особую значимость в мировом геополитическом противостоянии.

Общая потенциальная стоимость подтвержденных (разведанных) извлекаемых запасов в недрах всех стран мира составляет 88 трлн долларов, из них на страны европейского континента приходится около 35 трлн долларов (40 %), а на Россию — 12,4 трлн долларов (14 %). При этом глобализация экономики сулит России немалые выгоды в связи с благоприятной структурой ее минерально-сырьевой базы, занимающей первое место в мире по абсолютной стоимости подготовленных запасов высоколиквидного сырья (нефть, газ, цветные и благородные металлы, алмазы). Такой геоэкономический потенциал обуславливает формирование соответствующих направлений транспортной геополитики России: оптимизации транспортной инфраструктуры в центральной части Евразии и закреплении надежных выходов на международные транспортные коридоры. Активное включение России в них, равно как и освоение сырьевых ресурсов, развитие энергетики и

высокотехнологичных производств, позволит ей обеспечить контроль над континентальной Евразией и восстановить исторически сложившуюся роль «геополитического балансира», гаранта мирового равновесия сил. Достаточно обратиться к карте основных транспортных путей между Европой и Азией, чтобы убедиться в эффективности транспортных коммуникаций, проходящих по российской территории (здесь нельзя забывать перспективность Северного морского пути для включения в транспортный коридор). При этом огромные территории Западной и Восточной Сибири, шельфа морей Северного Ледовитого океана остаются неиссякаемыми (в обозримом будущем) источниками сырьевых ресурсов, пресной воды, чистого воздуха, ценных видов растений и животных. К настоящему времени Российский Север представляет обширную территорию (7 % всей земной суши), глобальная роль которой состоит в том, что она представляет собой биосферный резерват земного шара. Ее холодные консервирующие пространства являются главным поставщиком кислорода на планете. За чистую воду и чистый воздух нетронутых ландшафтов ожидаются главные войны в XXI в., поскольку эти ландшафты представляют не меньше богатства, чем их недра. Современная геополитическая стратегия должна, следовательно, органически сочетать «мышление пространством» и «мышление направлениями». В геополитическом отношении социоприродное пространство представляет интерес не только с точки зрения присутствующих в нем энергетических, сырьевых, биосферных «ядер ценности», но существующих (и создаваемых) линий коммуникаций между этими «ядрами», характером и численностью поселений, содержанием занятости населения, социокультурной инфраструктурой. Приведенная выше аналитика геополитического потенциала и геополитического статуса государства применима и к межгосударственным союзам и при прогнозировании геополитических сдвигов и потрясений в предстоящем десятилетии. Поэтому разработка геополитического мегапроекта сохранения российских пространств под единым государственным флагом и построение Евразийского Союза как одного из полюсов могущества полицентричного мира – это задача ближайшего времени.

Геополитика киберпространства. Философское осмысление геополитического знания о путях формирования полицентричного мироустройства не может обойти стороной процессы информационно-психологического противоборства в киберпространстве, возникновение которых обусловлено переходом к новому технологическому укладу.

Так, еще в 1954 г. Поль Лайнбарджер (1913–1966), американский специалист-психолог, разведчик, консультант Пентагона по организации подрывной пропаганды, в книге «Психологическая война» вполне откровенно заявил следующее: «Психологическая война не является каким-то волшебным средством. Это вспомогательное оружие современной войны и полезная составная часть современной стратегии. Если определенный политический курс разработан достаточно разумно и служит действенным средством сдерживания войны, то мероприятия психологической войны, подкрепляющие эту стратегию, также будут служить делу предотвращения войны... Психологическая война своим оружием стремится привлечь на свою сторону живого солдата противника, чтобы затем отпустить его домой как своего друга. Никакое другое оружие не обладает подобными свойствами» [27]. Стоит обратить внимание на весьма «скромное» замечание: психологическая война привлекает противника, который становится другом организатора этой самой психологической войны, вернувшись домой. По сути дела, психологическая война той поры сводилась к самой изощренной пропаганде, основанной на лжи и дезинформации, разжигании межнациональной и межконфессиональной вражды, манипуляции общественным сознанием и идеологических диверсиях.

Томас Рона в 1976 г. ввел в научный оборот военных аналитиков термин «информационная война» [28], тем самым положив начало «оцифровке» методов и способов ведения психологической войны, прежде носившей преимущественно пропагандистский характер. Информация стала посредником в субъект-объектных отношениях в военных действиях, орудием стратегического информационного противоборства. Пожалуй, первые формулировки принципов борьбы с системами управления в качестве орудия

стратегического информационного противоборства в военной области можно найти в разработанной и введенной в действие в 1996 г. министерством обороны США «Доктрине борьбы с системами управления». Принципы эти сводятся к совместному использованию «приемов и методов безопасности, военного обмана, психологических операций, радиоэлектронной борьбы и физического разрушения объектов системы управления, поддержанных разведкой, для недопущения сбора информации, оказания влияния или уничтожения способностей противника по контролю и управлению над полем боя, при одновременной защите своих сил и сил союзников, а также воспрепятствование противнику делать то же самое» [29]. От доктрины борьбы с системами управления к признанию разделения театра военных действий на две составляющие — традиционное пространство (земля, вода, воздух и ближний космос) и киберпространство — всего один шаг. Совершая его, полковник ВВС США Дж. Уорден разработал концепцию «пяти колец», согласно которой целями воздействия выступают следующие объекты противника, выбираемые по степени важности: в центре — политическое руководство, затем следуют система жизнеобеспечения; социальная и техногенная инфраструктура; гражданское население и, в последнюю очередь, вооруженные силы.

Поскольку воздействие на указанные объекты осуществляется с помощью сетевых технологий и методов, такое противоборство получило название «гибридная война», основой которой является массированное воздействие на морально-психологическое состояние руководства и населения страны-противника.

Итак, пятым измерением войны выступает киберпространство (его еще называют глобальным информационным пространством) как ключевое звено гибридной войны (hybrid warfare), определяемой, в частности, как «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности; масштабные и стремительные информационные,

электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий; в сочетании с экономическим давлением» [30]. Более того, гибридная война обретает глобальный характер — цивилизационный и геополитический, представляя собой череду конфликтов, в которых противник способен применять одновременно все формы ведения войны, соединяя их «для удовлетворения собственных стратегических культурных и географических целей» [31]. Начало XXI в. ознаменовалось растущей интенсивностью кибератак и их выходом за пределы сферы ведения разведывательной деятельности. Киберпространство становится доступным для ведения боевых действий — наравне с землей, морем, воздухом и космосом [32]. Киберпространство — пятое измерение войн глобального масштаба — включает в себе предпосылки как информационных боевых операций, так и информационной безопасности, которые «опредмечиваются»:

- в технико-технологических и организационных средствах ее обеспечения;

- в инновационном тренде расширения пространства ведения боевых действий;

- в национальных военных и оборонных доктринах и стратегиях.

Кибервойна (точнее, операции в киберпространстве, проводимые в ходе войны, а в мирное время — это диверсии, теракты, идеологическая обработка гражданского населения) является одним из магистральных направлений революции в военном деле, приведшим к появлению гибридных войн (их еще называют многомерными нелинейными войнами). Современное и перспективное кибероружие, используемое в гибридных войнах, подразделяется на пять основных групп:

- *сетевое кибероружие*, обеспечивающее доступ многофункциональных компьютерных программ в закрытые внутренние военные и гражданские сети противника, включающие критические объекты;

- *коммуникационное кибероружие*, которое представляет собой программный код, способный исказить и блокировать обмен сигналами между удаленным оператором и боевым роботом;

– *предустановленное кибероружие*, в элементную базу которого производителем закладывается управляющий софт с различного рода «логическими бомбами», способными выводить из строя кибероружие под воздействием внешних сигналов;

– *проникающее кибероружие*, базирующееся на целенаправленном изменении различных физических сред (акустической, оптической и др.), которое приводит к модификации сигналов, поступающих на внешние сенсорные датчики высокотехнологичных вооружений и приводящих к их выходу из строя;

– *электромагнитное оружие*, полностью выводящее из строя в ходе превентивного удара боевую технику, «выжигая» элементную базу наступательного вооружения противника [33].

С полным основанием следует заявить о «шестом измерении» глобальной войны и глобальной безопасности в формате информационно-психологической войны и информационно-психологической безопасности. Если первые пять «измерений» определяют объектную сторону военной деятельности в различных физических средах окружающего мира, то «шестое измерение» охватывает внутренний мир человека, его инстинкты, психику, чувства, эмоции, мысли, мировоззрение, индивидуальное и общественное сознание. В гибридных войнах, с одной стороны, в полной мере используются организационные методы, технологии и средства информационно-психологического воздействия на личный состав и гражданское население противника, а с другой – информационно-психологические операции армии «сильных мира сего» нацелены на то, чтобы «дать урок» превосходства своих ценностей, силы, appetитов всему остальному миру. Эти «уроки» буквально «вываливаются» на нас из всех СМИ. Недавно бывший министр обороны США Р. Гейтс как-то «изящно» заявил по поводу утверждения принципа глобального господства Америки: «Соединенные Штаты не могут позволить себе роскошь отказа от участия в конфликтах, потому что эти сценарии не соответствуют предпочтительным для Америки понятиям о войне».

Мы явно или неявно переживаем все детали информационно-психологических операций в реальном масштабе времени и

только спустя какое-то время начинаем осмысливать их геополитические и социальные последствия. По прошествии многих лет люди начинают понимать, что прежнее их восприятие текущих событий было ложным, но изменить последствия этого уже невозможно («Но время шло, и старилось, и глохло», — писал Борис Пастернак). Средства и технологии информационно-психологической войны, действующие и в мирное время, способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью.

«Шестое измерение» глобальной войны и глобальной безопасности следует анализировать по крайней мере в двух аспектах — геополитическом и цивилизационном. В рамках глобальной геополитики информационно-психологическая война и информационно-психологическая безопасность предстают как две грани захватившего информационное пространство геополитического противоборства, для которого, как писал еще в 1964 г. Г. Маклюэн, «земной шар теперь — не более чем деревня» [34]. Для цивилизационного подхода информационно-психологическая война и информационно-психологическая безопасность представляют научный интерес в той мере, в какой акторы цивилизационного противоборства (ими выступают в современном мире сложившиеся гецивилизации — западная и славяно-православная, китайская и индская, арабо-мусульманская и тропически-африканская, латиноамериканская) смогут предложить символический капитал культуры, выражающий образ национальной или наднациональной (цивилизационной) идеи. Цивилизационный код, образцы материальной, духовной и социальной культуры каждого из этих акторов в первую очередь находятся под информационно-психологическим воздействием.

С точки зрения глобальной динамики развития, процесс противоборства в информационно-психологической войне предстает разновидностью «большой» игры, в которой участвуют множество участников, ведущих борьбу за реализацию своих интересов,

и, соответственно, может быть исследован с помощью теории игр. В таком случае мы должны ввести весь ход рассуждений о диалектической связи глобальной войны и глобальной безопасности шестого измерения в русло математической геополитики, одним из разделов которой, наряду с системным анализом и моделированием мировой динамики (А. А. Акаев, В. А. Садовничий и др.), является разработка игровых моделей в глобальной геополитике [35]. Выражая полное согласие с суждением И. А. Василенко относительно того, что в соответствии с новой информационной парадигмой судьба пространственных отношений между государствами все более определяется превосходством в киберпространстве, а в информационном противоборстве деформируется главный геополитический потенциал государства, т. е. упомянутый выше символический капитал культуры [36], отметим перспективность, на наш взгляд, моделирования геополитической динамики на основе методов теории игр (в частности, теории кооперативных игр). Рассмотрим это подробнее.

В настоящее время на евразийском континенте разворачиваются грандиозные проекты обустройства государств и народов, создания глобальной транспортной инфраструктуры и освоения новых источников энергетических и сырьевых ресурсов, природных богатств арктического пространства. Формы реализации этих проектов можно достичь только мирным, созидательным совместным трудом. Теория игр занимается изучением конфликтов, то есть ситуаций, в которых актерам необходимо выработать какое-либо решение, касающееся их всех. В теории кооперативных игр изучается весь круг вопросов об условиях и достижимых результатах взаимодействия акторов. Основными характеризующими признаками кооперативной игры как математической модели ситуации выступают:

- 1) наличие нескольких акторов;
- 2) неопределенность поведения акторов, связанная с наличием у каждого из них нескольких вариантов действий;
- 3) различие (несовпадение) интересов акторов;
- 4) взаимосвязанность поведения акторов, поскольку результат, получаемый каждым из них, зависит от поведения всех акторов;
- 5) правила поведения, которым должны следовать все акторы.

Кооперативные игры относятся к классу игр с ненулевой суммой, в которых акторы принимают согласованные друг с другом решения и создают коалиции (частным условием кооперативных игр может быть отсутствие коалиций). Любая коалиция представляет собой объединение двух или более акторов кооперативной игры на основе определенных договорных обязательств (раздел выигрыша, обмен информацией и др.). Далее будем рассматривать игры с переменным составом коалиций, что соответствует реальному положению дел. Примером тому служат растущий состав участников ЕАЭС, расширение круга задач участников ШОС (объединение ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути»), созревание качественно новых характеристик БРИКС – *ценностных*, предлагающих миру историческую альтернативу миропорядку эпохи холодной войны в виде модели, в равной степени привлекательной как для развивающихся, так и для развитых стран [37].

Рассмотрим ряд конкретных примеров кооперативных игр, которые получаются в тех случаях, когда, в игре n акторов разрешается образовывать определенные коалиции. Обозначим через N множество всех акторов, $N = \{1, 2 \dots n\}$, а через S любое его подмножество. Пусть акторы из S договариваются между собой о совместных действиях в формате одной коалиции. Очевидно, что число таких коалиций, состоящих из r акторов, равно числу сочетаний из n по r , т. е. C_n^r , а число всевозможных коалиций равно:

$$\sum_{r=1}^n C_n^r = 2^n - 1.$$

Из этой формулы следует, что число возможных коалиций растет в зависимости от числа всех акторов в данной игре. Для исследования этих игр необходимо учитывать все возможные коалиции, и поэтому трудности исследований возрастают с ростом n . Образовав коалицию, множество акторов S действует как один актер против всех остальных, и выигрыш этой коалиции зависит от применяемых стратегий каждым из n акторов.

Приведенные примеры и решения могут быть использованы при разработке игровых моделей объективно складывающихся процессов коалиционного взаимодействия в указанных выше объединениях с целью принятия политических решений по обеспечению эффективности их деятельности, укрепления мер доверия при установлении полицентричного мира и устойчивого развития мирового сообщества. Вместе с тем в контексте всех предшествующих рассуждений мы с уверенностью должны утверждать, что информационно-психологическое противоборство в киберпространстве не только подвластно гуманитарной экспертизе, но и на основе теоретико-игрового моделирования взаимодействия государств и их коалиций будет разрешаться благодаря математическому объяснению индивидуальных и общих интересов.

Примечания

1. Барановский В. Г. Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа / Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7–8 февраля 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 7–8.

2. Шеллинг Т. Стратегия конфликтов. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 109, 110–111.

3. Барановский В. Г. Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа / Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7–8 февраля 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 18–21.

4. Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Евразийский союз versus «евразийская дуга нестабильности»: глобальная геополитика в контексте теории игр // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Колл. монография / Отв. ред. В. Н. Колотов. СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во «Студия НП-Принт», 2013. С. 90–148.

5. [Электронный ресурс] URL: odkb-csto.org/presscenter/detail.php?ELEMENT_ID=5935 (дата обращения: 15.01.2016).

6. Известия. 3 октября 2011 г.

7. Зимонин В. П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. С. 202.

8. Лузянин С. Г. Пятеро против одного. Приоритеты России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества не совпадают // Независимая газета. 28 сентября 2004 г.

9. Баранов А. Ю. Треугольник США–РФ–КНР и ШОС // Азия и Африка сегодня. 2009. № 9. С. 57–59.

10. Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

11. Болятко А. В. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. С. 12–41.

12. А. Алексеев. БРИК новой волны // Ведомости. 14.09.2010. № 172 (2870).

13. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. С. 184.

14. См. подробнее: Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011. С. 188–191.

15. Инновационная Россия–2020. М.: Минэкономразвития, 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016.

16. Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011. С. 554.

17. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. С. 189–190, 192.

18. Мау В. А., Ясин Е. Г. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

19. Акаев А. А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом // Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 230–258; Акаев А. А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. 2012. № 4.
20. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. – Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2006.
21. См., например: Fucs W. Formeln zur Macht. Prognosen über Volker, Wirtschaft, Potentiale. Stuttgart: Deutsche Verlag – Anstalt, 1965; Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993; Глобальный силомер // Политический журнал. 2005. № 3 и др.
22. Cline R. S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. Washington, 1975. P. 8.
23. Cline R. S. World Power Assessment 1977. Boulder (Colo), 1977. P. 34.
24. Винокуров Г. Н., Коняхин Б. А., Подкорытов Ю. А. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов // Стратегическая стабильность. 2008. № 2. С. 49–53.
25. [Электронный ресурс] URL: habrahabr.ru/blogs/popular_science/58085/.
26. Геополитика и безопасность. 2012. №№ 1 (17), 3 (19).
27. Лайнбарджер П. Психологическая война М.: Воениздат. 1962. С. 335–336 (В 2013 г. книга П. Лайнбарджера была переиздана: Лайнбарджер П. М. Э. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М.: Центрполиграф. 2013. 445 с.).
28. Thomas P. Rona, «Weapon Systems and Information War», Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.
29. Joint Pub 3–13.1 «Command and Control Warfare». DOD US, February 1996.

30. The Military Balance 2015. The annual assessment of global military capabilities and defence economics. P. 6.

31. Хоффман Ф. Г. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Выпуск XXI, 2013. С. 45–62.

32. Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace. July 2011 / US Department of Defense. [Электронный ресурс] URL: www.defense.gov/news/d20110714cyber.pdf.

33. Е. Ларина, В. Овчинский. Пятое измерение войны [Электронный ресурс] URL: topwar.ru/36839-пyаtое-измерение-воуny.html 04.12.2013.

34. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 6.

35. Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Математические начала глобальной геополитики. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 204 с.

36. Василенко И. А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2006. С. 7–8.

37. Давыдов В. М. Миссия БРИКС в геополитическом пространстве XXI в. // Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС / Под ред. В. А. Садовниченко, Ю. В. Яковца, А. А. Акаева. М.: МИСК–ИНЭС–НКИ БРИКС, 2014. С. 26–28.

Глава V

«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» – ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ УСТОЙЧИВОГО ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Крылатая фраза из «Баллады о Востоке и Западе» Р. Киплинга «о, *Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут*» в настоящее время стала восприниматься во многом по-иному. Некогда прославляемое противостояние двух культурных миров обрело статус геополитического ребуса – кто кого и с каким результатом. Континентальная Евразия на волнах глобализации становится геополитическим пространством, где рушится барьер между культурными мирами, закреплявшийся биполярным типом мироустройства. Этот геополитический тренд в процессе своего осмысления находит воплощение в образах «Русская Евразия» В. Цымбурского и «Закат Большой Европы» И. Иванова, в проектах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и в выдвинутом Китаем проекте «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП).

И. С. Иванов, президент Российского совета по международным делам, выступая на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия – новая реальность» в Юрмале, заявил о том, что Большая Европа (от Лиссабона до Владивостока) начинает уступать место Большой Евразии (от Шанхая до Минска) и высказал довольно интересное суждение: «Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего». В любом случае Большая Евразия, так или иначе, касается геополитической судьбы России. «Очевидно, – подчеркнул далее Иванов, – что в формирующейся новой геополитической реальности Россия перестает быть восточным флангом несостоявшейся Большой Европы и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии» [1].

Тема дальнейшего развития ЕАЭС и перспектив евразийской интеграции получила новый импульс на проходившем 16–18 июня 2016 года XX Петербургском международном экономическом форуме, в центре внимания которого стало обсуждение перспектив «интеграции интеграций» на пространстве Большой Евразии. Президент России В. В. Путин и президент Казахстана Н. А. Назарбаев официально объявили о далеко идущих планах по развитию ЕАЭС как одного из центров формирования более широкого интеграционного контура, которому название – «Большая Евразия». Так, Владимир Путин, отметил, что «масштаб технологических, экономических задач и объективно складывающаяся ситуация сегодня – все это имеет такой масштаб и такой характер, что развиваться эффективно можно только вместе, выстраивая кооперационные связи». Он предложил идею создания большого евразийского партнерства с участием ЕАЭС, Китая, Индии, Пакистана, Ирана и наших партнеров по СНГ. В свою очередь, Нурсултан Назарбаев недвусмысленно заявил, что «высокая динамика мировой экономики, вплотную подошедшей к четвертой индустриальной революции, поставила вопрос об интеграции интеграций». Поэтому сопряжение Европейского союза (ЕС) и ЕАЭС имеет большой потенциал для рывка в развитии всей Большой Евразии и мира в целом [2].

§ 1. Западный фланг Большой Евразии – Восточный фронт НАТО

На этом фланге России противостоит НАТО по всему периметру северо-западных и западных границ. Западным флангом Большой Евразии для России служит пограничье от Арктики до Черного моря. На нем сосредоточены скандинавские (Норвегия, Швеция, Финляндия) и прибалтийские (Эстония, Латвия, Литва) государства, Вишеградская группа государств (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), а также недавно созданные объединения Австрии, Чехии и Словакии (Slavkov Triangle) и Румынии, Болгарии и Сербии (Craiova Group) (рис. 18, 19).

Рис. 18. Западный фланг Большой Евразии

Причем, если два последних объединения были созданы для согласованного решения инфраструктурных и энергетических проблем, то государства – члены Вишеградской группы – на протяжении четверти века совместными усилиями играли роль создателей пространства непосредственного противостояния евро-атлантического и евразийского проектов. Вишеградская группа, которой Зб. Бжезинский прочил участь антисоветского/антироссийского островка в регионе, обрела статус субъекта европейской геополитики. При этом следует особо обратить внимание на проникновенное замечание Л. Н. Шишелиной: «Регион, пройдя в течение столетий

Рис. 19. Региональные союзные структуры «восточного фронта» Европы: NBP9 – неформальное объединение стран Скандинавии, Прибалтики и Польши; Visegrád Group; Slavkov Triangle; Craiova Group

через непростые испытания, подступавшие к нему то с Запада, то с Востока, ... выработал неповторимое своеобразие, выразившееся, с одной стороны, в синтезе цивилизационных характеристик, с другой – в особом отношении к собственной идентичности... Эти страны объединяет стремление следовать за передовыми технологиями и политическими веяниями и одновременно необычайно бережное отношение к своим собственным вековым традициям, языку и культуре... Регион столетиями превращался в квинтэссенцию “европейского западного” и “европейского восточного”, реализуя это в своей соединяющей, мостовой миссии, которая не зависит от конъюнктурных веяний политики... Все это говорит о 226

наличии некоего общего «вишеградского духа»... Этот уникальный дух основывается на реальности — связующей Восток и Запад Европы роли региона в культуре, мировоззрении, экономике. Именно эти «переходные качества», которые можно считать резервом геополитики, все еще позволяют региону оставаться самим собой, не растворяясь в более крупных геополитических схемах соседей» [3]. Ценность данного замечания следует усматривать в том, что автор представляет данный регион Европы не как некий лимитроф-неудачник в мировой политике, а указывает на его цивилизационную целостность и способность играть в ней определенную историческую роль. Другое дело, что их геополитическая, а не цивилизационная судьба была и остается в руках великих держав, а доля их военного участия весьма незначительна.

При рассмотрении этого фланга невольно вспоминается история с «линией Керзона», которая оформилась как пограничье во время советско-польской войны летом 1920 г. по предложению британского министра иностранных дел лорда Керзона, изложенному в ноте наркому иностранных дел Советской России Г. В. Чичерину. Исторически это пограничье трактовалось в соответствии с этнографическим принципом: к западу от него располагались земли с преобладанием польского населения, а к востоку — территории с преобладанием украинского, белорусского и литовского населения. Кстати, достаточно четко об этом писал в книге «Пятьдесят лет в строю» современник тех событий А. А. Игнатъев: «Я ... вспомнив лекции по военной географии нашего академического профессора Золотарева*, прочертил границу на основании принятого тогда этнографического принципа. Как оказалось впоследствии, эта

---

*Упомянутый здесь Аким Михайлович Золотарев (1853–1912) — российский генерал, профессор кафедры статистики и военной географии Николаевской академии Генерального штаба. В 1908 г. Золотарев принял участие в организации Русского окраинного общества (РОО), главной задачей которого, согласно Уставу общества, было «содействие укреплению русской государственности, культуры и народности на окраинах, а также местностях, где такое содействие может оказаться необходимым». РОО выступало за единство Российской империи и против движений ее народов за национальную независимость.

граница почти совпадала с той, что была установлена с Польшей перед Второй мировой войной» [4].

Сегодня понятие Центральной и Восточной Европы постепенно обретает геополитический статус, характеризующий пояс государств от Балтики до Адриатики и Черного моря и указывающий на общность их исторических судеб и перспектив развития. Недаром этот регион становится предметом специального анализа в контексте расширения границ ЕС, НАТО и идентификации новых союзников по принципу «свой-чужой». Пять северных стран (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция), прибалтийских (Эстония, Латвия и Литва) и Польша объявляются «прифронтовыми государствами» Европы – NBP9 (см. рис. 2). Шесть из них граничат с Россией. Есть о чем задуматься европейским и американским аналитикам. А подумав, они доложили следующее: во-первых, Запад, благодаря расширению НАТО и ЕС на Восток, сформировал зону стабильности, простираясь от Тихого океана до восточной границы Польши [5]. Центрально-европейским политикам было рекомендовано в качестве конечной цели восстановление стратегической стабильности и укрепление западной безопасности в регионе [6]. Для этого предлагается снабдить «прифронтовые государства» передовыми видами противотанковых и противовоздушных вооружений, контрбатарейнными радарными, артиллерией (в том числе реактивной) и крылатыми ракетами. Бывший главком Европейского командования вооруженных сил США (EUCOM) генерал Ф. Бридлав по этому поводу заявил, что в феврале 2017 г. начнется передислокация дополнительной танковой бригады, причем страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), граничащие с Россией, указываются в качестве приоритетной принимающей стороны. Таковы намерения американской военно-политической элиты, ряд представителей которой, словно сговорившись, заявляют о России во главе с Путиным как главным противнике США. Среди американских аналитиков есть противоположные убеждения, но они пока не занимают лидирующих позиций. Так, к примеру, совсем недавно в *Foreign Policy* был опубликован интересный материал Т. Грехэма и М. Рожански, где они довольно четко заяви-

ли, что проблемы Америки с Россией не только из-за Путина – они геополитические. Ни уход Путина, ни изменения режима в России не решат эту проблему. Путин действует в русле столетней традиции российского стратегического мышления, и его внешняя политика поддерживается подавляющей частью элиты и общественностью. «Геополитическая конкуренция, – заявляют далее эти авторы, – в некоторых аспектах неизбежна между крупными державами со стратегическими интересами, распространенными по всему миру, независимо от того, какую политику они практикуют дома» [7] .

Но вот на фоне обострившегося противостояния России и США, приводящего к попыткам строить «неэвклидову геополитику» (по меткому выражению Л. Радзиховского) на уровне пиара в формате информационно-психологического противостояния, Россией был сделан шаг, который, пожалуй, впервые со времени развала Советского Союза дал понять, что мы можем говорить с Америкой с позиции силы. Речь идет о подписанном Владимиром Путиным законопроекте о приостановке сотрудничества с США в области оружейного плутония. Если говорить о научно-технологической стороне дела, подвигнувшей российское руководство на такой шаг, стоит отметить, что на сегодня только Россия имеет отработанную промышленную технологию переработки плутония-239 в МОКС-топливо. Завод по производству МОКС из плутония-239 действует с 28 сентября 2015 г. Американцы смогут это сделать не ранее 2021 г. Если верить специалистам, то по степени значимости это событие можно сравнить с полетом Гагарина в космос в 1961 г. На сегодняшний день Россия является единственным в мире обладателем реактора на быстрых нейтронах, который полностью работает на МОКС-топливе из оружейного плутония. И весь технологический цикл от производства топлива из отходов АЭС до его сжигания также замкнут внутри страны. Помимо собственно средства утилизации опасного радиоактивного плутония-239 данная технология является еще и колоссальным по эффективности способом производства энергии [8].

Если же говорить о путях сближения ЕС и ЕАЭС, то следует надеяться, как полагает А. В. Загорский, что «инициация и развитие

диалога между Европейской комиссией и Евразийской экономической комиссией позволит начать обсуждение подходов к формированию общеевропейского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока и, в частности, изучение целесообразности постановки вопроса о создании зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС» [9].

§ 2. Черноморско-Каспийский регион – новые геополитические тренды

В двадцатых числа августа 2016 г. на сайте газеты The New York Times появилась статья, в которой отмечалось, что Россия напомнила миру о способности атаковать боевиков отовсюду – с авиабаз в Иране и Сирии, а также из Средиземного и Каспийского морей. Спустя пару дней там же вышла статья Н. Макфарка и Д. Сангера, где анализируются причины подобного шага российской стороны [10]. Что за этим стоит? Если кратко, то Иран разрешил России использовать авиабазу в 47 км от города Хамадана (рис. 20). Об этом в интервью агентству Tasnim заявил министр обороны Ирана Хосейн Дехган и заметил, что российская авиация может использовать базу в Хамадане «так долго, как ей это необходимо». И уже 15 августа часть самолетов российских ВКС перелетели из Моздока под Хамадан. Это позволило сократить подлетное время более чем наполовину. Россия, воспользовавшись иранской авиабазой (а ее взлетно-посадочная полоса длиной 4,6 км дает ощутимое преимущество по сравнению с авиабазой «Хмеймим» в Латакии), смогла экономить до 2,5–4,0 млн долларов в день на военные расходы. Что было совсем не лишне.

Стоит напомнить, что авиабаза в Хамадане с 23 ноября 2015 года уже использовалась ВКС России как третья тактическая авиабаза для усиления авиационной группы ВКС России в Сирии. На данном примере четко прослеживается сложившаяся ситуация: с одной стороны, стратегические интересы Ирана – это достижение желаемого для него баланса сил на Ближнем Востоке. Поэтому, как бы ни нуждалась Россия в поддержке Ирана в начале урегулирования в Сирии, эта потребность может серьезно уменьшиться в

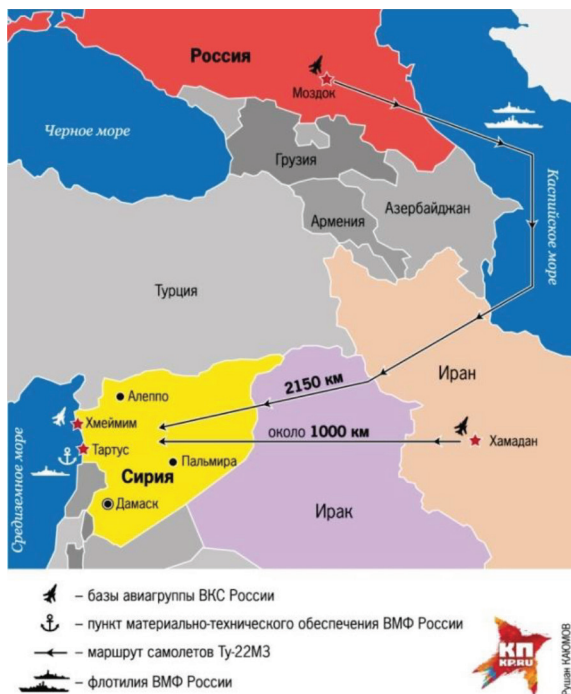

Рис. 20. Новый маршрут российской авиации

будущем. С другой – несмотря на то, что активные действия России в сирийском конфликте при поддержке Ирана принесли хорошие результаты, в будущем Россия может задуматься о взаимодействии и с другими сторонами. Австрийская газета Die Presse резонно замечала: «Москва дала понять, что наращивает силы в регионе совместно с Ираном, вызывая у Вашингтона головную боль. Состоявшееся использование российскими бомбардировщиками иранской военной базы для нанесения ударов по ИГИЛ (организация запрещена в России) имеет весьма серьезное геополитическое значение. По этому поводу французский журналист Ж. Перье отмечал, что в результате четко проводимой Россией в регионе политики произошло фактически открытое присоединение к борьбе с ИГИЛ не только Тегерана, но и Анкары. На деле это значит, что

участие Тегерана и Анкары может изменить всю стратегию и расклад противоборства на Ближнем Востоке [11].

Однако геополитические успехи России не ограничиваются лишь укреплением позиций в Каспийско-Черноморском регионе. Недаром экс-главком НАТО в Европе Ф. Бридлав назвал Россию «экзистенциальной угрозой» для США, их союзников и... всего мирового порядка. Он также считает, что «Россия намерена вновь стать мировой державой<...> Более того, интервенция России в Сирию продемонстрировала желание Москвы расширить свое влияние за рубежом». Оставим без комментариев слово «интервенция» — важнее суть. 8 августа 2016 года в Баку состоялась важная трехсторонняя встреча президентов России, Азербайджана и Ирана. Она положила начало формированию нового геополитического блока государств. Помимо оборонных и экономических интересов он будет способен реализовать (тем более, после налаживания отношений с Турцией) далеко идущие планы в этом регионе. И не только там.

Это, во-первых, возрождение идеи о соединении Петербурга с крупнейшим морским портом Индии в Мумбаи трансконтинентальным транспортным коридором протяженностью 7200 км на основе подписанного еще в сентябре 2000 г. договора между Россией, Ираном и Индией. Годом ранее группа индийских, иранских и российских транспортных фирм подписали генеральное соглашение о транспортном коридоре Шри-Ланка — Индия — Иран — Каспийское море — Россия. Сделанные летом уже этого года шаги по созданию коридора «Север — Юг» (рис. 21) позволят поднять геополитический статус не только России, но и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с учетом включения в 2015 г. в ее состав Индии, Пакистана, Азербайджана, Армении и Ирана, страны ЕАЭС и БРИКС.

Во-вторых, можно предположить, что формирование «каспийской тройки» придаст импульс решению проблемы распределения углеводородных ресурсов Каспия и раздела его акватории между пятью прибрежными странами. Дело за малым: окончательно решить вопрос, куда впадает Волга — в Каспийское море или же... в Каспийское озеро? Во втором случае автоматически отпадает вопрос о разделе шельфа между этими странами, а также все вытекаю-

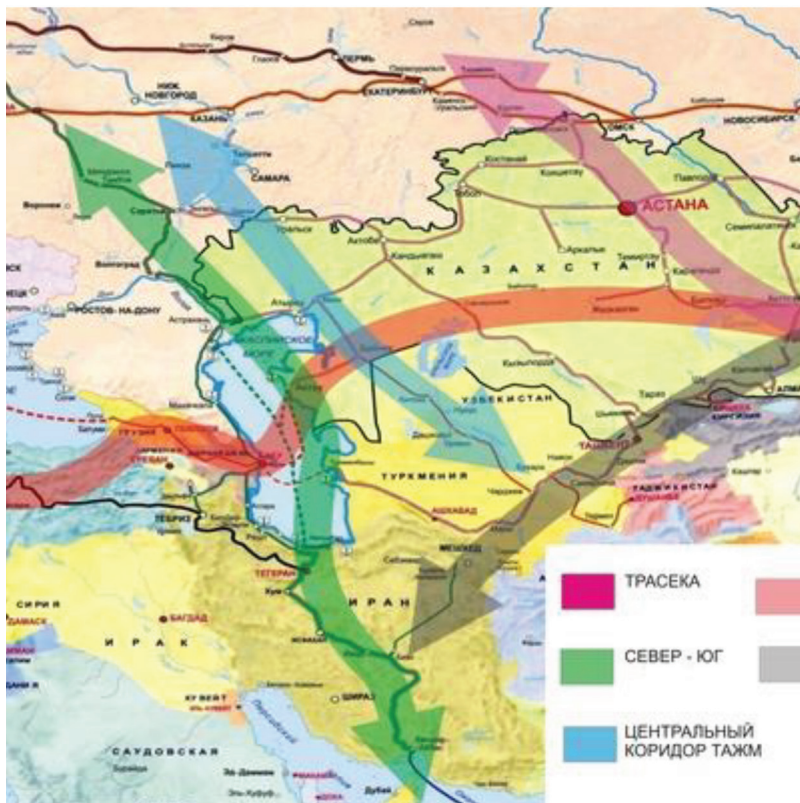

Рис. 21. Транспортный коридор «Север – Юг»

щие из этого неувязки и споры. Следует отметить, что в настоящее время транспортный коридор «Север – Юг» существует как сугубо Каспийский проект. Грузоформирующий регион западной Индии, порт Мумбаи и порт Джавахарлал Неру, порты Северо-Запада Европы не работают в коридоре. В связи с этим большое значение приобретает заключение новых договоров и соглашений по транспортировке грузов по международным транспортным коридорам (МТК) с Индией и Китаем.

Заминка, якобы возникшая между Россией и Ираном по поводу Хамадана, – это, скорее всего, тонкий ход руководства двух стран.

Боевые вылеты наших Ту-22М3 из Хамадана не требовали афиширования (это же военная операция). Следом пришлось решать вопросы военно-технического, дипломатического и иного порядка. Как бы там ни было, 23 августа 2016 года секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Шамхани заявил, что сотрудничество Тегерана, Москвы и Дамаска при проведении операций помешали стратегии США по расстановке сил в сфере безопасности в Сирии, а сотрудничество Тегерана и Москвы носит стратегический характер, основано на национальных интересах сторон и не ограничивается лишь борьбой с терроризмом. Ну а взаимные упреки, объяснения и раскрытие деталей – это своего рода информационное прикрытие операции. Таковы уж правила «гибридной» войны.

§ 3. Геополитическое пространство Русского мира и перспективы евразийской интеграции

Когда мы рассматриваем Русский мир в культурно-историческом и геополитическом контексте, то должны обратить внимание, в первую очередь, на следующие его характеристики:

– предстает культурно-исторической общностью этносов и населяемых ими территорий, находящихся под влиянием российской культуры и государственности;

– воспринимается как политический лозунг, отражающий имперские настроения, а после возврата Крыма в Россию – ключевое звено внешнеполитической доктрины России;

– создает общее «цивилизационное пространство», покоящееся, в интерпретации Русской православной церкви, на русской культуре, общей исторической памяти и православии;

– представляет собой одну из гецивилизаций полицентричного мира, претендующая на статус актора глобальной геополитики.

Собственно геополитическими истоками формирования идеи «Русский мир» следует называть, во-первых, идеологему «Москва – Третий Рим», дискурс славянофилов и западников относительно выбора Россией своего собственного пути в истории,

а также концепция Пятой Вселенской империи Ф. И. Тютчева. Вот, к примеру, относящееся к 1848 г. его стихотворение «Русская география»:

Москва и град Петров*, и Константинов град —
Вот царства Русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет век,
Как то провидел Дух, и Даниил предрек** [12].

Примечательна мысль И. С. Аксакова, биографа поэта, по поводу этих строк: «Было бы ошибочно, кажется нам, соединять с термином Тютчева «Вселенская Империя» представление о каком-то воплощенном завоевательном принципе, ищущем поработить себе все народы и страны, и проч. <...>его будущая Империя характеризуется тою особенностью, что духовное начало, которым она имеет жить и двигаться, есть начало православное, т. е. христианское церковное предание, сохранившееся теперь на Востоке, — одним словом, начало, исключяющее понятие о завоевании и порабощении». Россия, по мнению Тютчева, призвана поставить все народы и страны в правильные, нормальные условия бытия, освободить и объединить мир Славянский, мир Восточный, вообще явить на земле силу земную, государственную, просветленную или определенную началом Веры, служащую только делу самозащиты, освобождения и добровольного объединения [13]. Тютчев, как следует из этого комментария Аксакова и не только, утверждает в идее Русского мира императивы самозащиты, объединения, но никак не завоевания и порабощения.

---

*Град Петров у Тютчева — Рим.

**Даниил предрек — библейское пророчество о царстве, которое «во веки не разрушится». «Книга пророка Даниила». II. 44.

Конкретным историческим и этнографическим материалом наполнил идею Русского мира В. И. Ламанский, придав ей собственно геополитическое толкование. Он вплотную подходит к обоснованию концепции «Россия—Евразия», которая получила творческое развитие в «евразийских исканиях» Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского и Н. Н. Алексеева. В 1871 г. Ламанский в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» четко заявил: «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский основано на строгом различии их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще, культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность». Сопоставляя Россию с Древней Элладой и Древним Римом, которые объединяли значительное число разноплеменных народов, Ламанский приходит к выводу, что «славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями» [14].

Следующий шаг в геополитическом обосновании идеи Русского мира как России-Евразии был предпринят евразийцами в 1926 г. в программном документе «Евразийство (опыт систематического изложения)», где, в частности, утверждалась идея о том, что «Евразия предстает перед нами как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый <...> Евразия-Россия — развивающаяся своеобразная культуроличность. Она, как и другие многонародные культурные единства, индивидуализирует человечество, являя его единство во взаимоотноении с ними, и потому, осуществляя себя, осуществляет свою общечеловеческую, “историческую” миссию. Но она притязает еще и на то и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур» [15]. Следует иметь в виду, что зарождение евразийства в среде русской научной эмиграции относилось, по словам П. Н. Савицкого, к началу 1920-х гг., что совпало с развертыванием НЭП в молодой Советской республике. Во многом идеи евразийцев совпадали с внутренней политикой советского

руководства, однако эмигрантское происхождение евразийства не давало возможности взять его идеи на вооружение в те годы. Евразийство привлекло всеобщее внимание в нашей стране лишь в 1990-е гг. и тогда же стало включаться в идеологию Русского мира. Более того, в докладе на Международном съезде историков в 1933 г. в Варшаве Савицкий прямо заявлял: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года в среде тогдашнего младшего поколения русской интеллигенции <...> Евразийцы высказываются за решительное расширение тех рамок, в которых трактуются проблемы русской истории. Они считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира – срединного мира старого материка – в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин... Устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» [16]. Так предельно четко и понятно Савицкий определил, во-первых, историческое время зарождения евразийства, во-вторых, его роль по отношению к интерпретации евразийской истории России (имея в виду, преимущественно, работы Г. В. Вернадского). В-третьих, что является, пожалуй, самым важным для всех наших дальнейших рассуждений, Савицкий заявил об утверждении самостоятельного статуса евразийской геополитики как геополитики цивилизационной, а не силовой, не военной, которая была присуща немецкой и англо-саксонской геополитическим школам.

Для оценки современного состояния геополитического пространства Русского мира в контексте перспектив евразийской интеграции необходимо учитывать глубинные процессы, связанные с глобальной трансформацией мироустройства. Последняя обретает контуры цивилизационного полицентризма и сетевой

регионализации, обособления геочивилизаций и повсеместное формирование новых акторов мировой политики — региональных коалиций и глобальных коалиций государств. Эти акторы находятся в поисках устоев самоидентификации, объединяющей идеологии, привлекательных образцов культуры (экономические и политические интересы оставляем для последующего анализа). На фоне заката Большой Европы и зарождения Большой Евразии идея Русского мира становится особо привлекательной, но в то же время — в условиях расширения фронта информационно-психологической войны — подвергаемой политическому и идеологическому подавлению.

В условиях глобальной трансформации мироустройства и перемещения России на «западный фланг формирующейся Большой Евразии» вопрос о месте и роли Русского мира в пространстве евразийской интеграции следует анализировать и решать, прибегая к законам геополитики, учитывая приобретение ею, геополитикой, нового качества — информационной геополитики. Последняя утверждает, что судьба пространственных отношений между государствами все более определяется превосходством в киберпространстве, а в информационном противоборстве деформируется главный геополитический потенциал государства — символический капитал культуры. Здесь будет весьма уместным прибегнуть к диалектике, закону отрицания отрицания: спустя поколение, мы все чаще обращаемся к советскому опыту, советской культуре, которые были начисто отвергнуты в 1990-е гг., а теперь начинают возвращаться к нам в образе Русского мира.

В советское время Русский мир представлял собой «плоть и дух» отечественной культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию и восприимчивой всего культурного наследия народов нашей многонациональной страны. Ныне Русский мир — это некая Атлантида, память о великом прошлом и, вместе с тем, реальная данность, воссоздаваемый образец культуры, который должен выступить объединяющим началом не по своей воле разделенных по национальным квартирам народов. Такова *очевидная* задача идеологов и ревнителей Русского мира.

§ 4. Директива 20/1 СНБ США от 18.08.1948: современное прочтение

Директива 20/1 Совета национальной безопасности США от 18.08.1948, имеющая вызывающее название «**Задачи США в отношении России**» [17], была, очевидно, рассчитана на решение задач по отношению и к современной России, а не только к послевоенному Советскому Союзу. Подтверждением тому может служить недвусмысленное заявление составителей данного документа: «Нет никаких временных ограничений для достижений наших задач в условиях мира. У нас нет никаких жестких временных периодов войны и мира, которые подталкивали бы нас к необходимости решения наших задач мирного времени к определенной дате, „иначе будет поздно“... Мы не можем определенно утверждать, что успешное решение нами обсуждаемых задач приведет к распаду Советской власти, так как нам неизвестны соответствующие временные факторы». Иначе говоря, указание на отсутствие «временных ограничений» действия установок данного документа подтверждает его стратегический характер: целевая функция определена, за работу, господа. Более того, поражает довольно-таки безапелляционная риторика директивы по отношению к политике нашего государства, которая должна соответствовать «нашим (США. — *И. К., Д. К.*) желаниям» и это — «коренной вопрос наших военных целей в отношении России». Составители документа высказывают сожаление о том, что «за прошедшие пятнадцать лет мы приобрели достаточно плачевного опыта, пытаясь вести себя так, словно с подобным режимом возможны нормальные отношения...». Указанный срок «плачевного опыта» составители, очевидно, отсчитывают от восстановления дипломатических отношений между нашими странами 16 ноября 1933 года (установленные 14 июля 1809 года дипломатические отношения между Россией и США были разорваны 7 ноября 1917 года) и, надо полагать, относят к нему совместное участие США и Советского Союза в антигитлеровской коалиции.

Правда, небыизвестный американский сенатор Гарри Трумэн в самом начале Великой Отечественной войны, 24 июня 1941 г., в

Рис. 22. «Русский» — американский плакат времен Второй мировой войны из серии «Это твой друг. Он сражается за свободу»

интервью американской газете New York Times заявил: «*If we see that Germany is winning the war, we ought to help Russia; and if that Russia is winning, we ought to help Germany, and in that way let them kill as many as possible...Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и пусть они, таким образом, убивают друг друга как можно больше...*» [18]. Кстати, директива была принята к ис-
240

полнению в годы президентства Трумэна (1945–1953) и во многом соответствовала сути доктрины Трумэна. Следует напомнить, что Трумэн в послании к конгрессу в феврале 1946 г. предложил обширную программу по «спасению Европы от советской экспансии». 5 марта того же года в его присутствии У. Черчилль произносит знаменитую Фултонскую речь, в которой призывал к созданию направленного против Советского Союза военно-политического союза Великобритании и США. Доктрина Трумэна исходила из провозглашенного им принципа: «Если мы колеблемся в нашем лидерстве, мы можем подвергнуть опасности мир во всем мире» и утверждала необходимость создания любыми средствами политико-экономического однополярного мира. Другим предвестником появления директивы была знаменитая «длинная телеграмма», направленная Дж. Кеннаном из американского посольства в Москве в феврале 1946 г. государственному секретарю США. В этом документе Кеннан изложил концепцию сдерживания советской экспансии в Восточной Европе, но это уже другая тема.

Кратко остановимся на основных положениях директивы. Среди «общих соображений» обращает на себя внимание подход «к увязке национальных задач с факторами войны и мира», один из которых «в целом преобладает в нашей стране», а именно: «Война формирует собственные политические задачи, которые, как правило, имеют приоритет перед обычными задачами мирного времени». В этих «соображениях» проскальзывает прямое указание на возможность войны с Советским Союзом в части решения задач в долговременной перспективе и далее формулируются две основные задачи в отношении России – это: 1) уменьшение мощи и влияния Москвы «до таких пределов, при которых она больше не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества» и 2) фундаментальные изменения «теории и практики международных отношений, которых придерживается правительство, находящееся у власти в России». Цели, достигаемые по отношению к России в мирное время, согласно директиве, заключаются в поощрении сокращения «несоразмерной российской мощи» невоенными средствами, в усилении «информационной

активности», направленной на разрушение мифа, «при помощи которого люди вдали от российского военного влияния удерживаются в подчинении Москве» и наконец, в убеждении Советского правительства отказаться от своих принципов и заменить их на противоположные. Ну а в случае войны с Советским Союзом «наша цель, – провозглашают авторы директивы, – проследить за тем, чтобы после окончания войны никакому режиму на российской территории не было позволено:

а) сохранять военные силы в количестве, способном представлять угрозу любому соседнему государству;

б) пользоваться такой степенью экономической автаркии, которая позволила бы осуществить восстановление экономического базиса военной мощи без содействия западного мира;

в) отказывать в автономии и самоуправлении основным национальным меньшинствам;

или

г) сохранить какое-либо подобие нынешнего железного занавеса».

Далее можно не продолжать... Такая перспектива развития международных отношений и мироустройства задавалась политическому руководству США без малого семьдесят лет назад этим сверхсекретным документом. Вся послевоенная история нашей страны показывает, что только динамично развивающиеся советская экономика, социальный строй, сила и оборонного щита, и культуры, науки и образования (в целом Русского мира) не позволили «нашим партнерам» в полной мере воплотить в жизнь указания Директивы 20/1 Совета национальной безопасности США от 18.08.1948.

§ 5. Геополитическая диалектика взаимодействия ЕАЭС и ЭПШП в контексте проекта «Большая Евразия»

Каковы перспективы проекта «Большая Евразия», который формируется на основе тех интеграционных процессов, акторами которых выступают коалиции государств – ШОС, ОДКБ, ЕАЭС? Одна из ключевых задач этого проекта, на наш взгляд, – проти-

242

водействие создаваемым зонам глобальной и региональной нестабильности [19]. Но сначала обратимся к истокам, прообразу проекта «Большая Евразия». Г. В. Вернадский свою работу «Начертание русской истории» (1927) посвятил осмыслению истории Евразии, которая представляет собой «последовательный ряд попыток создания всеевразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон – с востока и запада Евразии. К одной цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяно-руссов. Славяно-руссы осилили в этой исторической борьбе». И далее Г. В. Вернадский приводит схемы фаз развития Евразийского государства и периодической ритмичности государствообразующего процесса, который завершается знаком вопроса («Российская империя – Союз Советских Республик?..»). И что же? Далее следует объяснение: «С точки зрения прямолинейности схемы у многих читателей может возникнуть соблазнительная мысль – не должен ли вслед за периодом государственного единства Евразии вновь последовать период распада государственности... Предпосылки исторического развития изменились, так как ныне Евразия представляет собою такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее оно не имело. Поэтому теперь налицо такие условия для всеевразийского государственного единства, каких раньше быть не могло» [20]. И еще на одном моменте необходимо остановиться. В приложении к книге «Начертание русской истории» были помещены «Геополитические заметки по русской истории» П. Н. Савицкого, в которых автор – экономико-географ, основатель школы евразийской геополитики и соратник Вернадского по евразийскому движению, – отмечал следующее: «Евразия как географический мир как бы «предсоздана» для образования единого государства... К концу XIX в. завершился (в основных чертах) процесс создания России-Евразии как геополитического единства... В последние годы Россия-Евразия (эти строки были написаны в 1927 г. и относились к Советской России. – *И. К., Д. К.*) вступила в полосу «мутации» (существенного изменения ряда признаков и свойств)... «Мутация» еще не завершилась. И нет сомнения, что создающееся включит в себя (в

преобразованном и обновленном виде) многое «старое». «Мутация» не порывает преемственной (генетической) линии, не разрушает традиции. Она только видоизменяет ее»[21].

Приведенный выше исторический экскурс дает нам основание утверждать, по крайней мере, три положения. Первое – рассуждения и Вернадского, и Савицкого (естественно, круг евразийцев был гораздо шире, но это предмет другого исследования) о «всеевразийском государстве» в формате «Россия-Евразия» носили конкретно-исторический характер, поскольку основными акторами мировой истории и политики тех лет являлись национальные государства, в том числе и многонациональный Советский Союз. Второе – в современном глобальном мире, акторами которого выступают уже не только государства, но коалиции государств и различные негосударственные объединения, такого рода «всеевразийскими государствами» становятся коалиции государств и экономик уже не только Евразии, но и мира в целом. Третье – спустя почти столетие идеи евразийцев начинают обретать реальные черты в различных интеграционных проектах, будь то Содружество независимых государств(СНГ), ЕАЭС, ЭПШП, Большая Евразия и др. Но при этом стратегическое проектирование нацелено, в первую очередь, на решение задач создания коалиций государств, учитывающих их национальные интересы, и обеспечение безопасности их совместной деятельности. Особо хотелось бы отметить, что эта проблематика заинтересовала представителей западноевропейской геополитической школы. Так, к примеру, Президент итальянской ассоциации «Познаем Евразию» Антонио Фаллико в выступлении на сессии «Развитие экономического сотрудничества от Лиссабона до Владивостока» в рамках Восточного экономического форума высказал ряд конструктивных предложений. В частности, он отметил, что «создание общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока и Сингапура – лучший способ предотвращения конфронтации и обеспечения гармоничного развития. При строительстве Большой Евразии в центре должно находиться стремление к обеспечению баланса интересов, а не попытка обеспечить свои интересы за счет интересов других участников». Вполне справед-

ливо он отмечает (прислушались бы к нему в Европейском союзе), что «только путь через Россию обеспечивает безопасность, с точки зрения военных и геополитических угроз. Другие маршруты на определенном отрезке пролегают через зоны войн, конфликтов, нестабильности и других рисков. Теперь под очевидное преимущество России надо подогнать экономику и технологию... Мне бы хотелось видеть Большую Евразию как территорию, где свободно и в условиях безопасности перемещаются люди, деньги, товары и услуги, в том числе, банковские. Перемещаются свободно, как ветер» [22]. Как говорится, спасибо за добрые слова, ну а нам, чтобы так вольно перемещаться, приходится решать, в первую очередь, вопросы безопасности. И прежде всего, следует остановиться на Евразийском кольце нестабильности, которое предстает, с одной стороны, проявлением глобальной геополитической нестабильности, а с другой – как основное препятствие по отношению к интеграционному движению на континенте.

ОДКБ – щит ЕАЭС. В геополитическом дуализме «*вызов-ответ*» «*вызов*» – это «Евразийское кольцо нестабильности» на внешних границах всех регионов коллективной безопасности ОДКБ (рис. 23), а также расширение военной инфраструктуры НАТО в Восточной Европе, Каспийско-Черноморском регионе и Центральной Азии. В качестве «*ответа*» следует рассматривать «Евразийский пояс безопасности», объединяющий усилия действующих на постсоветском пространстве коалиционных структур (ОДКБ, ЕАЭС, ШОС) и Единой системы ПВО и ПРО ОДКБ. Зоной ответственности ОДКБ, как это декларируется в «Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года», принятой 14 октября 2016 года, являются «территории государств – членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств – членов ОДКБ». А это 20,5 млн км², т. е.

Рис. 23. Евразийское кольцо нестабильности. Знаки сверху вниз – теракты на воздушном транспорте, эпидемии, наркобизнес, прошедшие «цветные революции», угроза «цветных революций» [23]

37% всего евразийского пространства. Это дает основание рассматривать пространство ЕАЭС как контуры евразийской цивилизации, а ОДКБ – как щит ЕАЭС.

Обратимся к документам. Упомянутое выше положение о зоне ответственности ОДКБ конкретизирует статью 7 Устава ОДКБ от 7 октября 2002 года и «Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности», принятое 10. 12. 2010.

Генеральный секретарь ОДКБ Н. Н. Бордюжа, выступая в Вене на заседании Постоянного совета ОБСЕ 13 февраля 2007 года, в частности, отмечал, что «при полном учете геополитических реалий, в которых действует организация, необходимый акцент дела-

ется на дальнейшем укреплении политического взаимодействия, прежде всего в плане мониторинга военно-политической обстановки в регионе и мире, своевременного выявления и предотвращения политическими средствами кризисных и конфликтных ситуаций в зоне ответственности ОДКБ». В том же выступлении Н. Н. Бордюжа обратил внимание участников заседания на то, что еще в 2004 г. ОДКБ выступила с предложением о налаживании диалога с НАТО, прежде всего, в вопросах противодействия наркоугрозе, исходящей с афганской территории. Однако ответа и каких-либо встречных предложений из Брюсселя так и не поступило, «хотя необходимость в таком сотрудничестве очевидна, а от его отсутствия в равной, если не в большей степени проигрывает и Североатлантический альянс» [24]. Зона ответственности ОДКБ в те годы была сосредоточена преимущественно в Центральноазиатском регионе, где государства – члены ОДКБ – оказались на передовых рубежах борьбы с наркотрафиком, исходящим с территории Афганистана и устремляющимся главным образом в Восточную и Западную Европу.

Не претендуя на полное освещение вопроса об эволюции самого определения зоны ответственности ОДКБ, отметим что в Ежегодном докладе Совету коллективной безопасности ОДКБ 10 декабря 2010 года Н. Н. Бордюжа большое внимание уделил характеристике факторов глобального и регионального действия в зоне ответственности ОДКБ, выделяя при этом следующие регионы коллективной безопасности этой зоны: Европейский, Кавказский и Центральноазиатский [25]. На основании этого доклада было принято упомянутое выше «Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности». На сегодняшний момент в военную (силовую) составляющую организации входят сформированные на широкой коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования и Миротворческие силы, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности: Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона, Региональная

российско-белорусская группировка войск (сил) Восточноевропейского региона, Объединенная российско-армянская группировка войск (сил) Кавказского региона. Действует Объединенная система ПВО России и Беларуси, создается Российско-армянская региональная система ПВО. Так постепенно зона ответственности ОДКБ обрела четкие евразийские контуры [26].

3 апреля 2014 года на заседании Совета министров иностранных дел государств — членов ОДКБ в Москве, пожалуй, впервые было заявлено о целесообразности «активизировать работу ОДКБ по установлению более плотных контактов с Шанхайской организацией сотрудничества и выйти на развитие непосредственных контактов с руководством Афганистана как на центральном уровне, так и на уровне приграничья. На том же заседании Н. Н. Бордюжа более четко сформулировал очередные задачи: «Считаю, что целесообразно устанавливать контакты и с другими международными организациями как в азиатском регионе, так и по другим направлениям, которые специализируются на вопросах безопасности. Эти меры подтверждены сегодня министрами, и мы будем их реализовывать с учетом той ситуации, которая сегодня складывается вокруг и Российской Федерации, и вокруг зоны действия ОДКБ» [27].

В связи с этим следует рассмотреть классификацию акторов современной мировой политики, предложенную Тиберио Грациани — главным редактором выходящего в Риме журнала «Геополитика». В систему современных международных отношений формирующегося многополярного мира, считает он, входят следующие страны: *доминирующие, последующие подчиненные, подчиненные и невписавшиеся* (курсив наш. — И. К., Д. К.). В группу *доминирующих стран* Т. Грациани включает те, «которые — ввиду геополитического статуса, самоидентификации в качестве играющих особую роль в мировом пространстве либо способных проецировать вовне свою военную и экономическую мощь, — оказывают определяющее влияние на принятие решений в прочих странах и на их отношения между собой». Кроме США, это Китай, Индия и Россия, которые «как страны-континенты стремятся реализо-

вать собственные макрорегиональные функции в Евразии на основе общей геополитической ориентации». Т. Грациани выделяет группу стран, относящихся (в эпоху биполярности) к западной геополитической системе, а в настоящее время перешедших в категорию «*стран, находящихся в процессе становления*» в качестве независимых субъектов мировой политики» и склонных к объединению усилий по становлению новых геополитических полюсов. В эту группу он включает Венесуэлу, Бразилию, Боливию, Аргентину, Уругвай, Турцию, Японию, Пакистан. «*Последующими подчиненными странами*» Т. Грациани называет те, которые из-за наличия общих интересов либо специфических исторических условий предпочитают принадлежать к сфере интересов одной из доминирующих стран (например, ЮАР, Саудовская Аравия, Иордания, Египет и Южная Корея). В свою очередь, акторы, находящиеся за пределами естественного геополитического ареала лидера, становятся «*подчиненными странами*» в случае их попадания в подчинение к этому лидеру. Для таких стран «характерны отсутствие автономного геополитического сознания или, более того, неспособность правящего класса максимально использовать те минимальные элементы, из которых можно было бы сложить геополитическую доктрину». Грациани выделяет также группу так называемых *невписавшихся стран*, которые, по его определению, с геостратегической точки зрения, «являются препятствием на пути одной или нескольких доминирующих держав» (например, Сирия, Иран, Бирма, Северная Корея). В заключение Грациани «делает реверанс» в сторону России, заявляя, что она в условиях «нового многополярного порядка... располагает всем необходимым для исполнения исторической роли краеугольного камня всей мировой системы» [28]. Такой непредвзятый и конструктивный взгляд западноевропейского геополитика с присущим ему континенталистским стилем мышления вызывает уважение и желание совместного сотрудничества. Думается, что предложенная Грациани модель может служить хорошим методологическим приемом мониторинга геополитической динамики акторов формирующегося полицентричного мира (в том числе, возможного их, акто-

ров, перехода из одной группы стран в другую) и процессов коалиционной интеграции. А нам это важно в ходе конструктивной работы по созданию эффективного ЕАЭС и ОДКБ в качестве его надежного щита.

Геополитические перспективы евразийской интеграции. Недавно в одном из интервью политолог Сергей Караганов заявил: «Мы хотим стать центром большой Евразии, местом, где царит мир и сотрудничество. К этой Евразии будет принадлежать и континент Европа... На данный момент Россия превратилась в азиатско-европейскую мощную державу. И я был одним из тех, кто обозначил этот путь развития, на восток, как верный. Но на данный момент могу сказать, что нам стоит в некоторой степени снова повернуться к Европе» [29]. Невольно вспоминаются слова В. И. Ламанского, с которых начинается одна из значительных его географических работ «Три мира Азийско-Европейского материка»: «Европа есть собственно полуостров Азии, и потому она с последней составляют одно целое, одну часть света, которая, по всей справедливости, может носить еще название Азийско-Европейского материка». То, что С. Караганов высказывает как стремление России стать «центром Большой Евразии», подобной «России-Евразии», о которой писали П. Н. Савицкий и Г. В. Вернадский, с точки зрения географической, этнологической, историко-культурной и политической утверждает В. И. Ламанский [30].

На евразийском пространстве стратегия перехода к полицентричному мироустройству реализуется в создании таких коалиций государств как ЕАЭС и ШОС, а в глобальном масштабе — БРИКС — коалиции, объединяющей Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую республику. Методология исследования и прогнозирования перспектив евразийской интеграции — моделирование многоагентного взаимодействия геополитических акторов коалиций на основе математической теории игр. Стратегия перехода к полицентричному мироустройству предполагает необходимость перехода от так называемой геополитической беллетристики к геополитике, основанной на математическом моделировании процессов

250

глобальной политики методами теории игр. В таком случае для формализации процессов конвергенции национальных интересов государств в рамках геополитических союзов необходимо прибегнуть к обоснованию модели конфликтного распределения затрат агентов (государств, входящих в коалицию — геополитический союз). Для всякой функции полезности коалиций $C(K)$ существует единственный вектор распределения полезности $\Phi(C)$ — вектор Шепли. Теория игр позволяет определять скрытую логику взаимодействия геополитических акторов полицентричного мира.

Геополитическая карта мира второй половины второго десятилетия XXI в. изменилась радикальным образом. Причина этому — появление трех четко оформленных геополитических объединений государств на евразийском пространстве (и не только), становление которых служит наглядным подтверждением перехода к полицентричному мироустройству. Причем здесь достаточно четко прослеживается собственно геополитическая природа данных объединительных процессов — теллуροкратическая, выражающая объединительные процессы государств Великой Суши, с одной стороны, и геоцивилизационная, т. е. выражающая объединительные процессы комплиментарных цивилизаций [31]. Сложившаяся тенденция находит отражение и в документах международно-правового порядка. Еще в 2007 г. в «Обзоре внешней политики Российской Федерации» (раздел «Многосторонняя дипломатия. Межцивилизационный диалог») отмечалось: «Одной из определяющих тенденций современного этапа развития международных отношений стало выдвигание на передний план вопросов, связанных с поддержанием межцивилизационного согласия в мире. Во многом это связано с глобализацией, создающей угрозу национальной самобытности, культурно-цивилизационному многообразию мира, свободе личности. Напряженность в межцивилизационных отношениях провоцируют террористы и те, кто продвигает жестко идеологизированные подходы к международным делам. Угроза раскола мира по цивилизационному признаку становится одним из главных вызовов нашего времени. Ученые выделяют два основных сценария раз-

вития межцивилизационных отношений в мире. Первый вариант связан с дальнейшей всесторонней интернационализацией при сохранении специфических культур, сложившихся в отдельных странах и регионах. Второй предусматривает конвергенцию, при которой цивилизационные ценности различных культур как составные части волеются в глобальную цивилизацию. **В любом случае, восточным цивилизациям как важной части культурного наследия человечества еще предстоит сыграть позитивную роль в формировании общемировых тенденций развития.**

Развитие межцивилизационного диалога в этих условиях становится одним из важнейших элементов нашей внешнеполитической стратегии. Есть основания сделать эту тему сквозной в наших международных контактах, закрепить ее в качестве “большой идеи” российской дипломатии на обозримую перспективу. Это уже становится эффективным средством утверждения интеллектуального лидерства России в мировой политике, отстаивания нашей внешнеполитической самостоятельности, а также продвижения национальных интересов в конкретных ситуациях и вопросах международной жизни. Тема межцивилизационного согласия позволяет в неконфронтационном ключе обсуждать целый ряд принципиальных вопросов, отражающих наше видение нового мироустройства. В таком ракурсе особо четко проявляется неразрывная связь между внешней и внутренней политикой, затрагиваются интересы национальной безопасности России с ее многонациональным и многоконфессиональным обществом. Межцивилизационная тема дает объединяющую позитивную повестку дня как внутри страны, так и в международном плане, создает необходимые условия для вовлечения религиозных и иных институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс. Объективная цивилизационная многовекторность становится важным преимуществом нашей дипломатии» [32]. Эти положения получили более четкую и краткую формулировку в Концепции внешней политики Российской Федерации (от 30. 11. 2016). Во-первых, в документе четко различаются три региона евразийского континента – Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский.

Рис. 24. Евро-Атлантический регион (North Atlantic Treaty Organization (orthographic projection).svg)

Во-вторых, в концепции отмечаются выразившиеся в осуществляемой НАТО и ЕС геополитической экспансии системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе, несмотря на которые стратегической задачей в отношениях с ЕС «является формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). В-третьих, «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону, <...> и настроена на формирование... пространства совместного развития государств – членом АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82) [33].

Таким образом, мы можем теперь не только концептуально, но и опираясь на официальный документ, который явился продуктом многолетних научных исследований и дискуссий, утверждать о признании *концепции евразийства как общегосударственной*. При этом необходимо учитывать возможные сценарии развития евразийской цивилизации. Пессимистический (инерционный) сценарий представляет картину завершения распада евразийской цивилизации, в результате чего останется лишь ее ядро в виде ЕАЭС, а остальные евразийские страны будут поделены на сферы влияния западно-европейской, мусульманской и китайской цивилизаций. С другой стороны, оптимистический (инновационно-прорывной) сценарий предстает как возрождение евразийской цивилизации в новом формате с усилением геополитического влияния ЕАЭС и постепенным перерастанием «евразийской пятерки» в «евразийскую десятку», а в более отдаленной перспективе – в «евразийскую дюжину».

Россия занимает основную часть Евразийского региона (Россия-Евразия) и выстраивает свои отношения с государствами Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов (рис. 24, 25) на основе традиций своей тысячелетней истории глобального тренда современности – «складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике» (ст. 4).

В условиях децентрализации глобальной системы управления ООН сохраняет за собой ключевую роль в процессах регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI в., но, вместе с тем, достаточно четко прослеживается тенденция к формированию полицентричной модели мира на основе процессов, протекающих на региональном уровне. В условиях рассредоточения глобального потенциала силы и развития по регионам мира, смещения центра экономической и политической активности в Восточную и Северную Евразию наблюдается стремление государств этих регионов к объединению, что характеризуется рядом показателей. Во-первых, это переход от однополярного (*Беловежского, postcoldwar*) к полицентричному мироустройству. Во-вторых, происходит трансформация

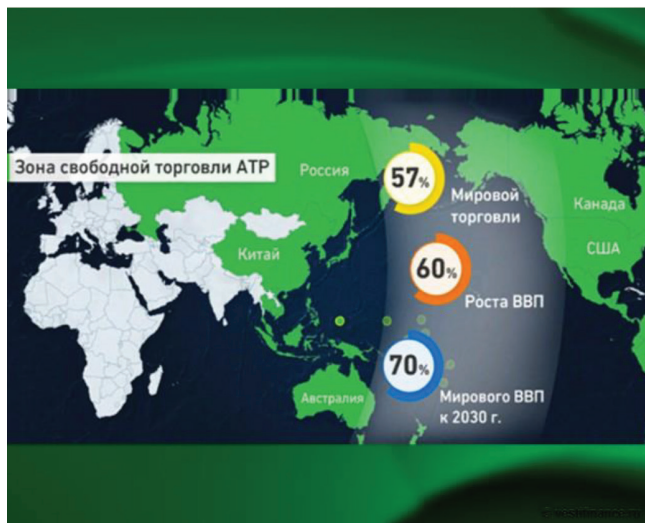

Рис. 25. Азиатско-Тихоокеанский регион
(<http://www.vestifinance.ru/infographics/8228> 23.11.2016)

классической (*военной, силовой*) геополитики в современную – глобальную, цивилизационную. В-третьих, Евроатлантика и Большая Евразия образуют полюсы силы (*политической, экономической, духовной*), отношения между которыми задают основной тренд мировой политики (рис. 26).

«В современном мире, – вспомним еще раз заявление И. С. Иванова на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия – новая реальность», – евроатлантическое пространство включает в себя западные государства, расположенные в Европе и в Северной Америке. С другой стороны, набирают обороты процессы евразийской интеграции и сотрудничества. Это и Евразийский экономический союз, и Шанхайская организация сотрудничества, и проект Нового шелкового пути. Стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит Большая Евразия от Шанхая до Минска. И хотя контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и полити-

Рис. 26. Народы Евразии должны жить в мире, а не встречаться на тропе войны (<http://countries-pictures.tolpix.ru/ua/view/626159>)

ческой конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего»[34].

В этой ситуации Россия трансформируется из восточного фланга несостоявшейся Большой Европы (а если расширить масштаб – от «Der Unterganges Abendlandes» О. Шпенглера к «Закату Большой Европы» сегодня) и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии (Great Eurasia). Генри Киссинджер в своем выступлении 4 февраля 2016 года на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е. М. Примакова в Москве по-своему объяснил суть геополитического противостояния США и России и отмеченную выше трансформацию: «Для Соединенных Штатов конец холодной войны означал защиту своей традиционной веры в неизбежную демократическую революцию. Это выразилось в расширении международной системы, управляемой исключительно правовыми нормами. Но исторический опыт России более сложен. Для страны, через которую веками марши-

256

ровали иностранные армии и с востока, и с запада, у безопасности есть как геополитическое, так и юридическое измерение. После того как российская зона ответственности сместилась от Эльбы на тысячу миль на восток к Москве, российское восприятие мирового порядка неизбежно будет содержать стратегический компонент. Проблема нашего времени состоит в том, чтобы совместить эти два измерения – юридическое и геополитическое – в нужной последовательности... В зарождающемся многополярном мире Россия должна восприниматься в первую очередь не как угроза США, а как важная часть системы глобальной стабильности» [35].

Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС. В сложившейся ситуации медленно, но все более явно осуществляется сопряжение трех геополитических проектов:

- 1) Евразийский экономический союз (ЕАЭС, рис. 27);

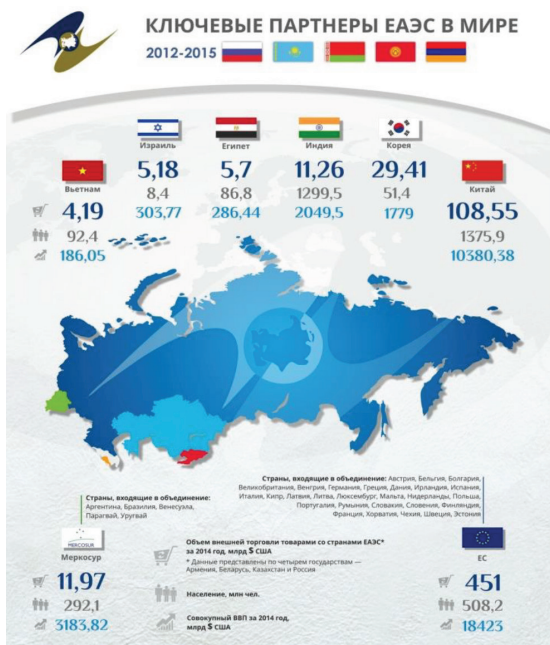

Рис. 27. ЕАЭС – важное звено глобальной геоэкономики (данные Евразийской экономической комиссии. http://bnews.kz/ru/infographics/infografika_klucyevye_partneri_eaes_v_mire_2016-03-01_17-37-14)

- 2) китайский проект ЭПШП (рис. 28);
- 3) возрождение логистического проекта «Север – Юг» (Россия, Иран, Индия, рис. 29).

По итогам прошедшей в августе 2016 г. в Баку первой трехсторонней встречи президентов России, Ирана и Азербайджана было принято историческое решение о создании нового евразийского транспортного коридора «Север – Юг», который будет одновременно железнодорожным, автомобильным и водным (через Каспий). Начнется он в индийском Мумбаи, а дальше пройдет через Бендер-Аббас, Баку и Астрахань. Путь через Иран, Азербайджан и Россию станет «хребтом» нового проекта, в реализацию которого смогут интегрироваться Армения, Беларусь, Греция, Грузия,

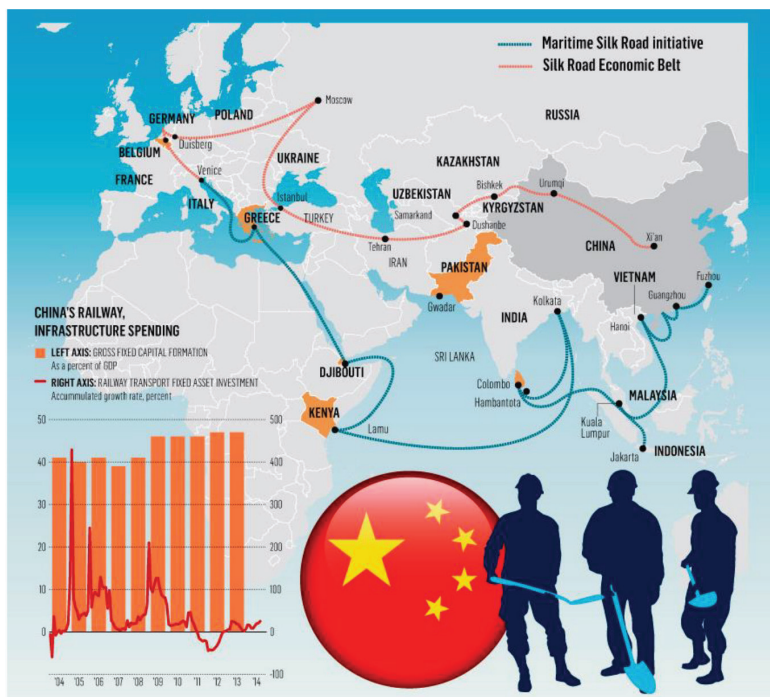

Рис. 28. Китайский проект ЭПШП
 (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5129#top-content)

Рис. 29. Логистический проект «Север-Юг»
<http://wwwpravda-tv.ru/2016/08/17/249298/rossiya-otkryvaet-novyy-transportnyj-koridor-sever-yug>

Киргизия, Казахстан, Ирак, Пакистан, Украина, Турция, Таджикистан, Оман, Сирия и Болгария, а также государства Персидского залива. Более того, этот проект органично будет стыковаться с ЭПШП и проектом «Северный морской путь», создавая евразийское кольцо безопасности.

Китайский проект ЭПШП следует рассматривать в качестве тренда развития ШОС на ближайшие десятилетия. Ключевая задача, определяющая его реализацию, – интеграция ЭПШП и ЕАЭС. Несмотря на то, что влияние России в ШОС меньше, чем в ЕАЭС, ШОС играет важную для России роль по подключению Китая, Индии, Ирана, Пакистана и Монголии к многостороннему сотрудничеству в Центральной Азии. Правда, у американских геостратегов имелись свои планы. Так, в качестве одного из наиболее перспективных путей продвижения США и НАТО в Афганистане Ф. Старр и его соавторы рассматривают реализацию Стратегии современного шелкового пути, предназначенного якобы для устра-

нения препятствий развитию континентального транспорта и торговли на всей территории Афганистана. В настоящее время многие международные инициативы от Средиземного моря до Индийского субконтинента и Юго-Восточной Азии уже реализовались. При этом отсутствуют общие приоритеты, координация и управление рисками, позволившие Афганистану стать естественным центром и транзитной точкой для дорог, железных дорог, трубопроводов и электрических линий. Это требует немедленного руководства со стороны США и координации, особенно в области управления рисками. Америка и ее партнеры по коалиции могут обеспечить решение этих задач, рассматривая их как наивысший приоритет военной стратегии [36].

Для государств Центральной Азии, где одностороннее влияние России или Китая всегда воспринималось с некоторым опасением, их присутствие в рамках ШОС в качестве равноправных членов является наиболее эффективным механизмом геополитического взаимодействия. Речь идет, **во-первых**, о ЕАЭС как международной организации региональной экономической интеграции. Таким образом, на пространстве СНГ образован новый центр экономического развития, который занимает 1-е место в мире по занимаемой территории (20 229 248 км²), 5-е место по ВВП (\$ 4077.1 млрд – по данным МВФ; \$ 4046.1 млрд – по данным ВБ), 7-е место по численности населения (более 183 млн чел.). Более того, ЕАЭС тесно взаимодействует с ОДКБ, которая обеспечивает безопасность союза.

Во-вторых, ШОС (рис. 30) обрела статус новой «Большой восьмерки», объединяющей государства Большой Евразии – Северной, Восточной, Южной и Западной (которая представлена партнерами по диалогу – Азербайджаном, Арменией и Турцией, а Сирия и Египет подали заявку на участие в ШОС в качестве государств-наблюдателей).

По итогам работы саммита ШОС (Уфа, 10 июля 2015 года) ее пространство, включавшее ранее Казахстан, Киргизию, Китай, Россию, Таджикистан и Узбекистан, расширилось за счет двух ядерных держав – Индии и Пакистана. Белоруссия получила статус наблюдателя (наряду с Афганистаном, Ираном и Монголией). Статус

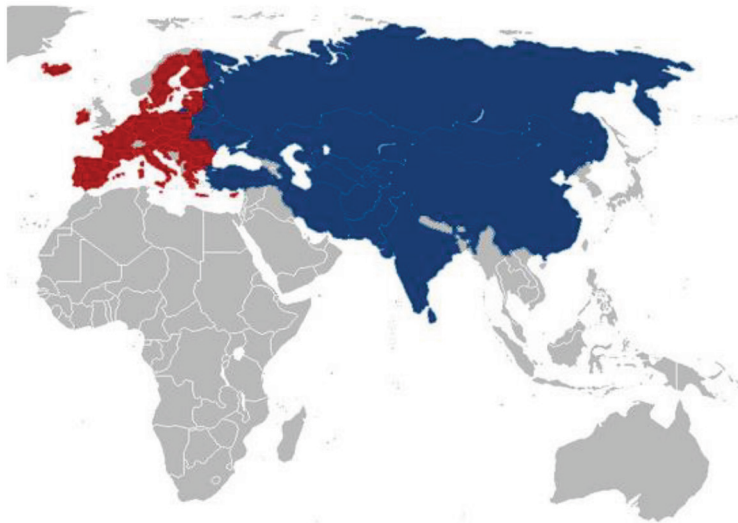

Рис. 30. Геополитическое пространство ЕС (красный цвет) и ШОС (синий цвет) (<http://espirator.deviantart.com/art/EU-vs-SCO-353523676>)

партнеров по диалогу имеют Азербайджан, Армения, Бангладеш, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка. После вступления Пакистана и Индии – второй после Китая по численности населения страны в мире – ШОС объединила половину населения Земли. По сути дела, ШОС объединила страны, которые близки не только территориально, но имеют во многом схожие геополитические интересы в Евразии.

В-третьих, – это БРИКС, объединение государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) на основе общих интересов, реализующихся в стремлении к установлению полицентричного мира и реформе его финансово-экономической архитектуры, к созданию глобальной системы взаимодополняющих экономик и укреплению международного права, способного противостоять силовому диктату в международных отношениях (рис. 31).

БРИКС – своеобразная геополитическая модель современного мироустройства, которая, с одной стороны, выражает глобальные

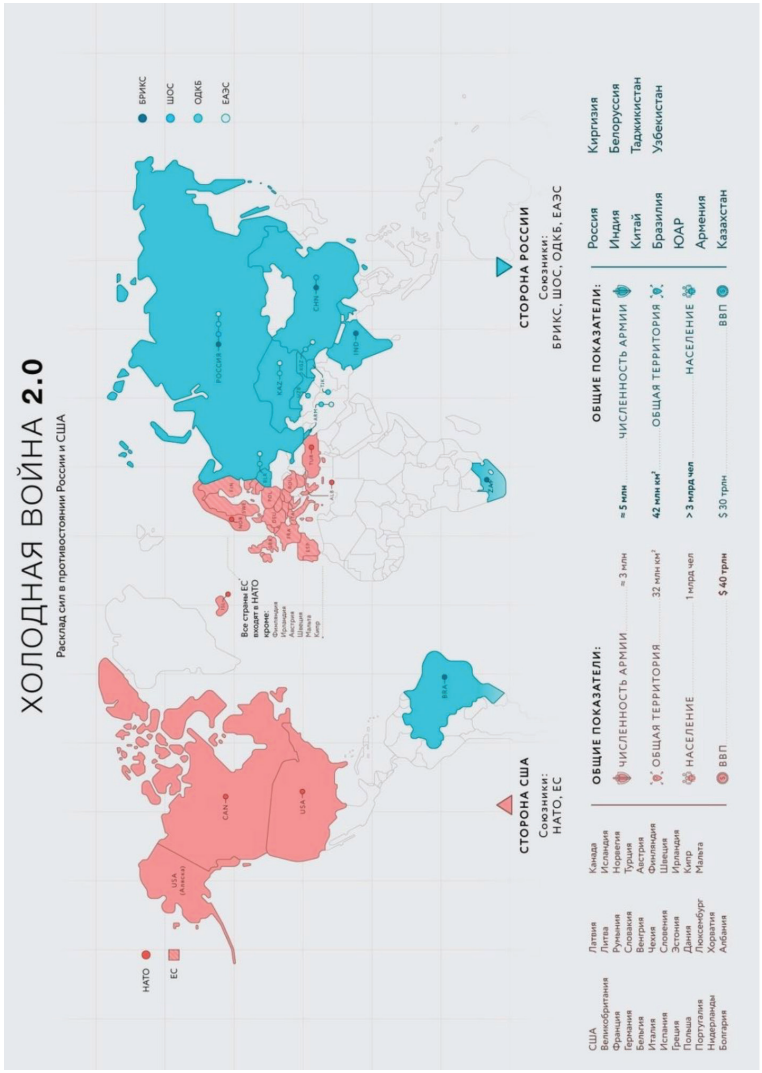

Рис. 31. Геополитическое пространство БРИКС на карте глобального противостояния (<https://pbs.twimg.com/media/C1NR-rkWEAA96Pt.jpg>)

интеграционные процессы нового поколения. Это модель, представляющая объединение ряда государств не вокруг какого-либо одного экономического или военного лидера (или же того и другого вместе), а «асимметричные» объединения, в которых каждое из государств выступает лидером в какой-либо одной сфере деятельности и тем самым обеспечивает мультипликативный эффект развития объединения в целом. С другой стороны, БРИКС предстает моделью полицентричного мира, в равной степени приемлемой для стран «ядра», «периферии» и «полупериферии», объединяемых в геочивилизации. По сути дела, БРИКС следует рассматривать как первый наглядный пример в истории межгосударственного объединения, который не направлен против каких-либо третьих стран. В таком случае следует рассмотреть три типа моделей межгосударственных объединений:

1. Союз государств (ЕАЭС), решающий общие экономические задачи и имеющий свой щит безопасности (ОДКБ);

2. Континентальная (евразийская) организация (ШОС), реализующая общие геэкономические и геополитические задачи ее участников;

3. Глобальное полицивилизационное формирование (БРИКС), представляющее собой модель полицентричного мира будущего.

Еще в 2003 г., т. е. в преддверии организационного оформления БРИК (напомним, что оно произошло в 2006 г.; само же название БРИК (BRIC) было впервые предложено экономистом Дж. О'Нилом в 2001 г.) Д. Вильсон и Р. Пурушотаман (Dominic Wilson, Роора Purushothaman) в статье «Мечтания о БРИК: путь к 2050» отмечали: «У трех из четырех крупнейших экономик в 2050 году, проживающих в Азии, наблюдаются важные геополитические сдвиги в направлении азиатского региона. Экономический рост Китая уже оказывает значительное влияние на остальную часть Азии. Устойчивый рост в других странах БРИК может иметь аналогичные последствия для их основных торговых партнеров» [37]. Спустя 13 лет в декларации, принятой руководителями Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР 16 октября 2016 года («Декларация Гоа») получило подтверждение общее видение происходящих се-

рьезных изменений в мире по мере перехода к более справедливому, демократичному и многополярному международному порядку (ст. 6, 7), многостороннее взаимодействие БРИКС с ШОС и ОДКБ (ст. 16). Декларация представляет собой политический документ, выражающий намерения совместного решения задач в области глобальной экономики, безопасности, устойчивого развития, разрешения геополитических конфликтов (ст. 24) [38]. Ныне БРИКС предстает одним из перспективных вариантов глобальной геополитической и экономической интеграции, который получает воплощение в рамках Большой Евразии как объединение ЕАЭС и ЭПШП.

Мы находимся у истоков грандиозных преобразований на евразийском континенте, способных реализовать проект устройства полицентричного мира, ключевыми акторами которого станут мировые гецивилизации. Речь идет об объединении усилий по созданию Евразийского Союза (ЕврАзЭС мы рассматриваем как этап к его созданию) и предложенного Китаем ЭПШП.

Согласимся с мнением Чрезвычайного и Полномочного Посла России, заместителя директора Российского центра исследований АТЭС Г. А. Ивашенцова: «Сегодня единое евразийское пространство – Китай с Юго-Восточной Азией и Россия с Евразийским союзом, к которым тяготеют Индия, Ближний Восток и Африка, – экономически все больше теснит всесильную прежде тройку США – Европа – Япония» [39]. Действительно, с начала XXI в. на евразийском континенте в геополитические игры все более активно начинают вступать гецивилизации и международные коалиции – ШОС, АТЭС, ЕС, ЕврАзЭС, БРИКС и др. ШОС, к примеру, рассматривается как своего рода связующее звено между ЕАЭС, Морским Шелковым путем XXI века и ЭПШП. Весной 2015 г. китайское правительство разработало и опубликовало документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», который завершается примечательными словами: «Строительство Одного пояса и одного пути – это не только инициатива Китая, но и общее желание Китая и всех других стран, расположенных на этом пути» (см. рис. 4), ряд

положений которого имеет принципиальное значение в контексте проекта создания Большой Евразии. В документе четко определены цели данного проекта и его геополитический формат: «С одного конца – активные экономики Восточной Азии, с другого – развитые экономики Европы, а между ними пролегают обширные земли государств с огромным потенциалом экономического развития. Основные маршруты ЭПШП ведут из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану. Основные направления Морского Шелкового пути XXI века: из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана» [40].

Этот глобальный проект обустройства Большой Евразии вызвал некоторый шок среди американских аналитиков. Так, к примеру, М. Берроуз и Р. Мэннинг, вспоминая шахматную комбинацию Р. Никсона и Г. Киссинджера приведшую в начале 70-х гг. прошлого века к появлению стратегического треугольника США – СССР – Китай, в котором США оказались в самом выгодном положении (отчасти из-за ухудшения отношений между СССР и Китаем), так охарактеризовали результат сближения России и Китая: «В основе китайской политики по продвижению на Запад, согласно концепции «Один путь и один пояс», лежит идея извлечения стратегической выгоды из наличия общей границы с четырнадцатью государствами, что некогда считалось уязвимым геополитическим звеном. Теперь все они стремятся претворить в жизнь концепцию Хэлфорда Макиндера о евразийской «географической оси истории...» [41]. Стоит обратить внимание на то, что авторы справедливо подчеркивают значимость евразийской идеи естественного стремления к континентальной интеграции государств. Более того, рассматривая три гипотетических варианта мироустройства, один из них авторы определяют как «лидерство Евразии», определяемое тем, что «российско-китайский тандем перерастет в новую модель незападного

мироустройства. При участии России и Китая ШОС способна стать основной региональной организацией Азии, оставив позади созданное под контролем США Транс-Тихоокеанское партнерство» [42].

К теме Шелкового пути руководители России и Китая вернулись в ходе переговоров сначала во время встречи Владимира Путина с Си Цзиньпином в феврале 2014 г. в Сочи. В мае того же года в Шанхае Путин заявил о поддержке зоны Шелкового пути и участия китайских компаний в освоении Русского Востока. Модернизация БАМ и Транссиба будет скоординирована с новым Шелковым путем, заявили лидеры двух стран в коммюнике по итогам шанхайских переговоров. По сообщению газеты «Жэньминь Жибао», 1 февраля 2015 года в Пекине на совещании были утверждены проекты строительства ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века (Один пояс и один путь), экономических коридоров «Китай-Монголия-Россия» и «Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма» [43]. 28–29 октября 2015 года в Мадриде, в форуме, организованном Госсоветом КНР, приняли участие более 50 делегаций – представителей ведущих экспертных центров, занимающихся изучением проекта «Шелковый путь», из 27 стран мира. Основная цель форума заключалась в попытке институционализировать процесс изучения китайского проекта путем создания широкой международной сети центров в рамках международного исследовательского оргкомитета под руководством государственных структур КНР [44].

Среди множества вопросов стратегического порядка, требующих согласованного решения, ключевым для России и других государств, входящих в ЕАЭС, стал следующий: ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на коадаптацию с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП – ЕАЭС, но и ЭПШП – ЕАЭС – ЕС. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП – ЕАЭС – ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП – ЕАЭС и ЭПШП – ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС – ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские

проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала.

В феврале 2014 г. Си Цзиньпин и Владимир Путин достигли соглашения о создании Одного пояса иодного пути и соединения его с российскими евро-азиатскими железными дорогами. Иначе говоря, на наших глазах начинает воплощаться в жизнь совместное заявление о состыковке Евразийского экономического союза и трансевразийского торгово-инфраструктурного проекта ЭПШП (см. рис. 6). В связи с этим необходимо учитывать крупнейшие проекты России по модернизации портов Дальнего Востока и Северного морского пути. Объединение их с проектом «Один пояс и один путь» позволит охватить практически весь евразийский континент (рис. 32).

Рис. 32. Северный морской путь – российский проект (<http://kramtp.info/news/474/full/id=26616>; [рис. interaffairs.ru](http://interaffairs.ru))

Как следует из аналитического доклада международного дискуссионного клуба «Валдай» «Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты евразийских государств», Россия и Китай объективно не могут быть конкурентами в Центральной Евразии. Сотрудничество в рамках проекта ЭПШП, подписанного лидерами РФ и КНР в мае 2015 г. в Москве во время празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне, предполагает сопряжение и взаимодействие, а не конкуренцию. Авторы представленного доклада считают, что сейчас следует говорить о возникновении «момента Центральной Евразии» — уникального стечения международных политических и экономических обстоятельств, «позволяющих реализовать потенциал сотрудничества и совместного развития государств этого региона». Авторы упомянутого выше доклада называют главными движущими силами превращение Центральной Евразии в зону совместного развития проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и евразийской экономической интеграции, лидерами которой выступают Россия, Казахстан, а также Белоруссия. По мнению авторов доклада, страны, которые входят в Центральную Евразию — Россия, Китай, Казахстан, страны бывшей советской Центральной Азии, Иран и Монголия, — сталкиваются с общими внешними и в ряде случаев внутренними вызовами (рис. 33).

Они считают, что «тесно связанный с концепцией «Экономический пояс Шелкового пути» потенциал углубленного и межрегионального сотрудничества в Центральной Евразии — это не только и не столько транспортный проект, сколько проект соразвития стран региона» [46]. Возвращаясь еще раз к Евразийской дуге нестабильности уже в контексте рассуждений о перспективах развития ШОС и, в частности, об объединении усилий ЕАЭС и ЭПШП, следует, на наш взгляд, согласиться с тем, что не стоит отказываться от попыток реализации Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Наличие подобного континентального альянса между ЕАЭС и ЕС, чей ВВП по ППС в 2014 г. составлял \$18,140 трлн (23,2% от ВМП), может стать решающим аргументом в переговорах с Пекином. В условиях трансатлантической ориентированности нынешнего политического истеблишмента ЕС здесь важнейшую роль сыграл

Рис. 33. Окружение России и Китая дугой нестабильности и ВС США [45]

эффективная работа России по налаживанию сотрудничества с молодыми континентальными политическими силами, которые могут стать элитой государств – членов Евросоюза в будущем [47].

Итак, в настоящее время на самом крупном континенте Земли разворачиваются грандиозные проекты обустройства государств и народов, создания глобальной транспортной инфраструктуры и освоения новых источников энергетических и сырьевых ресурсов, природных богатств арктического пространства. Реализации этих проектов можно достичь только мирным, созидательным совместным трудом. На XX Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. Президент России Владимир Путин заявил о масштабном геополитическом и геоэкономическом проекте «Большая Евразия», суть которого заключается в том, чтобы достигнуть технологического прорыва с помощью расширенных форм кооперации между государствами и интеграционными объединениями. Более утвердительно об этом проекте им

был сказано на церемонии открытия 14 мая 2017 г. в Пекине Международного форума «Один пояс, один путь»: «Большая Евразия — это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремлённый в будущее». Так евразийство, разрабатываемое учеными и мыслителями, превращается из умозрительной идеи в геостратегию партнерства цивилизаций и объединений Большой Евразии [48].

Большая Евразия ныне предстает стартовой площадкой для формирования устойчивого полицентричного мира.

Примечания

1. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6564#top-content. 12.09.2015/

2. <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>; дата обращения: 17.06.2016/

3. Шишелина Л. Н. Вишеградская группа: этапы становления и развития (http://www.perspektivy.info/rus/konturi/vishegradskaja_gruppa_etapy_stanovlenija_i_razvitija_2014-08-20.htm 20.08.2014)

4. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 684.

5. Frontline allies. War and Change in Change in Central Europe. U.S.-Central Europe Strategic Assessment Group Report. Center for European Policy Analysis (CEPA), Warsaw, 2015. — 136 p. P. 4.

6. Там же. С. 139.

7. Thomas Graham, Matthew Rojansky. America's Russia Policy Has Failed (Политика Америки в России не удалось) // Foreign Policy. 13.10. 2016.

8. Ю. Баранчик. https://regnum.ru/news/polit/2188571.html?utm_source=infox.sg 07.10.2016.

9. Загорский А. В. Россия и ЕС на перепутье. Общие и расходящиеся интересы. Рабочая тетрадь № 31 /2016 / — М.: НП РСМД, 2016. — 28 с. С. 21.

10. Russia Sends Bombers to Syria Using Base in Iran // TheNewYorkTimes. By Neil MacFarquhar and David E. Sanger. aug. 16, 2016.

11. Перье Ж.-К. У США появилась новая «ось зла» на Ближнем Востоке. <http://www.vz.ru/opinions/2016/8/18/827534.html>

12. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М.: Издательский центр «Классика», 2002. – Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. – С. 200; см.: Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2.

13. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. – М., 1886. – С. 230.

14. Ламанский В. И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 51, 95.

15. Основы Евразийства. М.: «Арктогея-Центр», 2002. – 800 с. С. 134.

16. Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. С. 123–124, 126.

17. См. публикацию данного документа: Геополитика и безопасность. 2017. № 3–4 (35–36). С. 159–176.

18. New York Times. 24.VI.1941.

19. Моделирование этих процессов на основе аппарата математической геополитики см.: Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Математические начала глобальной геополитики. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013; Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Проблемы объединения интересов государств ЕАЭС, ШОС и БРИКС в контексте теории кооперативных игр // Геополитика и безопасность – 2015. – № 3 (31). – С. 33–41; Кефели И. Ф. Новая Евразия: от геополитического противостояния на Ближнем Востоке к распаду евразийской дуги нестабильности // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 3-4 (35-36). – С. 96-105.

20. Вернадский В. И. Начертание русской истории. – СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – С. 30, 32–33.

21. Вернадский В. И. Указ. соч. С. 310.

22. Антонио Фаллико. Интеграция пространства Большой Евразии востребована обществом и экономикой // Евразийский коммуникационный центр. Евразия: перспективы. 05. 09. 2016 // [URL]: <http://eurasiancenter.ru/perspective/20160905/1004395076.html> (дата обращения: 05.10.2016).

23. См.: Колотов В. Н. Система дуг нестабильности в Евразии и проблемы безопасности РФ // VIPERSON. Публикации. 27. 09. 2016 // [URL]: <http://viperson.ru/articles/sistema-dug-nestabilnosti-v-evrazii-i-problemy-bezopasnosti-rf> (дата обращения: 27. 09. 2016).

24. Выступление Генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности Н. Н. Бордюжи на заседании Постоянного Совета ОБСЕ. Вена, 13 февраля 2007 г. // Организация Договора о коллективной безопасности. Сообщение для печати // [URL]: <http://dkb.gov.ru/f/azr.htm> (дата обращения: 21. 12. 2016).

25. Решение СКБ ОДКБ от 10 декабря 2010 года О Ежегодном докладе Генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности // ПРАВО.ru // [URL]: <http://docs.pravo.ru/document/view/17019820/> (дата обращения: 21. 12. 2016).

26. Структура ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности // [URL]: <http://www.odkb-csto.org/structure/> (дата обращения: 21. 12. 2016).

27. Главы МИД стран ОДКБ обсудили ситуацию в зоне ответственности ОДКБ и сопредельных территориях // Военно-политическое обозрение. 04. 04. 2014 // [URL]: <http://www.belvpo.com/ru/36416.html> (дата обращения: 21. 12. 2016).

28. Грациани Т. Россия – краеугольный камень системы многополярного мира // Международная жизнь. – 2010. – № 7. – С. 93–104.

29. DerSpiegel // [URL]: <https://polka.dirty.ru/samoe-g.>, (дата обращения: 11. 07. 2016). См. также: <http://x-true.info/40756-intervyu-karaganova-zhurnal-u-shpigel.html> (дата обращения: 12.07.2016).

30. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. – СПб., 1892. – С. 1. См. также: Ламанский В. И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 183, 206.

31. Комплиментарность (в этнологии) – взаимная симпатия (или антипатия) этносов. Симпатия (положительная комплиментарность) приводит к симбиозу или слиянию этносов, а антипатия (отрицательная комплиментарность) – к химере, т. е. деструкции и утрате этничности.

32. Обзор внешней политики Российской Федерации. МИД России. http://gatchino.com/knogg/01_07.htm (дата обращения: 25.12.2016).

33. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

34. <http://globalaffairs.ru/global-processes/Zakat-Bolshoi-Evropy-17680>

35. Выступление Генри Киссинджера на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е. М. Примакова. Москва, офис Фонда Горчакова, 4 февраля 2016 г. // Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. 05. 02. 2016 // [URL]: <http://gorchakovfund.ru/print/news/18353/> (дата обращения: 21. 12. 2016).

36. The Key to Success in Afghanistan: A Modern Silk Road Strategy / S. Frederick Starr and Andrew C. Kuchins with Stephen Benson, Elie Krakowski, Johannes Linn, Thomas Sanderson. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Washington, 2010. – 48 p. P. 7-8/

37. Wilson D., Purushothaman R. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 // GS. Global Economics Paper. No: 99. – 2003, p. 17.

38. [URL]: <http://kremlin.ru/supplement/5139>

39. Ивашенцов Г. А. Путь к мирной Евразии // Российский совет по международным делам. Многополярный мир. Аналитика. 12. 05. 2015 // [URL]: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5889#top-content (дата обращения: 12. 05. 2015).

40. <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 15.04.2015).

41. Берроуз М., Мэннинг Р. Страшный сон Генри Киссинджера: треугольник США–Китай–Россия меняет правила игры // Валдайские записки №33. Ноябрь, 2015. С. 3.

42. Там же. С. 9 (См. также: Mathew Burrows Robert A. Manning. Will an inverted U.S.-China-Russia triangle reshape the world order? // The National Interest. 2015. 24 August).

43. Тавровский Ю. В. Шелковый путь возвращается на карту мира // Независимая газета. Дипкурьер. 01. 09. 2014 // [URL]: http://www.ng.ru/courier/2014-09-01/9_silkroad.html (дата обращения: 01. 09. 2014).

44. Silk Road Forum 2015. – Madrid, 2015. – P. 2–83.

45. Путин: сопряжение проектов «Шелкового пути» и ЕАЭС отвечает интересам стран региона // Информационное агентство России «ТАСС». Экономика и бизнес. 03. 07. 2015 // [URL]: <http://tass.ru/ekonomika/2016267> (дата обращения: 03. 06. 2015).

46. Кофнер Ю. Геополитические угрозы для ЕАЭС в среднесрочной перспективе // Евразийское Движение Российской Федерации. 02. 12. 2016 // [URL]: <http://eurasian-movement.ru/archives/23283> (дата обращения: 01. 12. 2016).

47. Leupp G. NATO: Seeking Russia's Destruction Since 1949 // The Millennium Report. 26. 12. 2015 // [URL]: <http://the-millennium-report.com/2015/12/nato-seeking-russias-destruction-since-1949/> (дата обращения: 12. 12. 2016).

48. Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений. Научный доклад. – М.: Издательство «Проспект», 2017. – 64 с.; URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>; URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 05.05.2017).

Научное издание

*Кефели Игорь Федорович
Кузнецов Дмитрий Иванович*

**ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР
ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ**

Компьютерная верстка *С. В. Горячевой*

Подписано в печать 05.10.2017. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л 17,5. Тираж 250. Заказ 45.

Отпечатано с оригинал-макета
в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.